МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ КИРОВСКИЙ ФИЛИАЛ

В.Д. СЕРГЕЕВ

РАЗНОЧИНЦЫ-ДЕМОКРАТЫ В Я Т К И

ПОСОБИЕ ДЛЯ СПЕЦКУРСА

ВЯТКА (Киров) - 2003

ББК 63. 364-41 С 32 Печатается по решению научно-методического совета Кировского филиала МГЭИ.

Рецензенты -

В.А. Бердинских, доктор исторических наук, профессор.

С.П. Кокурина, библиограф Кировской областной библиотеки им. А.И. Герцена, председатель совета областного краеведческого объединения "Вятка".

Научный редактор –

Ю.Н. Тимкин, кандидат исторических наук, доцент.

С 32 Сергеев В.Д.

Разночинцы-демократы Вятки. Пособие для спецкурса. Вятка (Киров). 2003

Книга посвящена истории интеллигенции Вятского края периода отмены крепостного права и последующих десятилетий. На основе архивного материала и забытых публикаций историк В.Д. Сергеев рассмотрел не только появление революционно-демократических тенденций в среде разночинной интеллигенции, влияние на становление ее воззрений политических ссыльных, деятельность нелегальных кружков, участие радикальной молодежи в "Казанском заговоре" и в "хождении в народ", но и просветительское служение на благо народа вятских учителей, врачей, подвижников "книжного дела", земских работников. Издание адресовано учителям, студентам, учащимся, всем интересующимся историей Вятского края.

ISBN 5-291-00208-9

- © Кировский филиал МГЭИ. 2003
- © В.Д. Сергеев. 2003

Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами.

Николай Лесков

Одно только делает человека человеком: знание о социальном неравенстве.

Александр Блок

ВЫРОСШИ СРЕДИ НАРОДА, Я ЗНАЛ ВСЕ ЕГО НУЖДЫ

Все, о ком пойдет речь на этих страницах, люди простые, разночинцы, умственный пролетариат. Жизнь народа они знали. Бывший семинарист Иван Красноперов говорил на следствии по делу о "Казанском заговоре": "Я жил и вырос между крестьянами: товарищами моих детских игр всегда были крестьянские мальчики, и я никогда не могу без слез смотреть на жалкую, несчастную жизнь крестьян, страдающих от деспотизма... Бедный народ! Когда сколько-нибудь улучшится твоя участь!" Почти в тех же выражениях

¹ События эпохи "великих реформ" и последовавших за ними лет на Вятской земле отражены в многочисленных воспоминаниях. Вот некоторые из них: Бехтерев В.М. Автобиография. М., 1929; Васнецов А.М. Как я сделался художником и как и что работал // Аполлинарий Васнецов. Сборник документов. М., 1957; Васюков С.И. Былые годы и дни // Исторический вестник. 1908. № 6; Голубев П.А. Из недавнего прошлого // Волжский вестник. 1886. № 20; Его же. Гимназические тени прошлого // Вятская речь. 1911. № 3; Деникер И.Е. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11); Желваков И.А. К биографии Н.А. Желвакова // Каторга и ссылка. 1929. № 8-9 (57-58); Короленко В.Г. История моего современника. Кн. 1 и 2, 3 и 4. М., 1948 (и др. издания); Красноперов И.М. Записки разночинца. М.-Л., 1929; Его же. Отрывки из воспоминаний (1850-1860 гг.) // Вятская речь. 1916. № 17; Михайлов М.И. Записки – Соч. в 3-х тт. Т. 3. М., 1958; Овчинников Е.М. Автобиография // Общественный врач. 1913, № 3. С. 269; Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М., 1984; Португалов О.В. Арест В.О. Португалова в Вятке // Годы минувшего. 1916. № 12; Синегуб С.С. Записки чайковца. М.-Л., 1929; Сычугов С.И. Записки бурсака. М-Л., 1933; Халтурин И. Семейные воспоминания о Степане Халтурине // Былое. 1921. № 16; Циолковский К.Э. Моя жизнь и работа // К.Э. Циолковский. М., 1939; Чарушин Н.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное изд. М., 1989; Он же. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973; Шемановский М.И. Воспоминания о жизни в Главном педагогическом институте 1853-1857 годов // Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников, М. 1961; Якимова А.В. Автобиография. Деятели СССР и

высказывался другой выпускник семинарии Василий Дернов, привлекавшийся по этому же делу: "Выросши среди народа я знал все его нужды, и, конечно, всегда сочувствовал всякому искреннему желанию других облегчить эти нужды".

Приведенные строки написаны вскоре после отмены крепостного права... Но то же могли бы сказать о себе и разночинцы-демократы Вятки последующих десятилетий. Близко знали жизнь народа выходцы мещанского сословия Василий Хохряков, будущий участник революционной школах Петербурга, и Михаил воскресных руководитель учащейся молодежи Вятки. Под стать им оказывались сыновья чиновников Николай Чарушин, ставший одним из активнейших "чайковцев", и впоследствии народоволец. Желваков, Хорошо вышедшие из среды сельского духовенства Евгений Овчинников, позднее агент "чайковцев" в Казани, и Анна Якимова, которой суждено было участвовать в трагических первомартовских событиях 1881 года. Тем более положение народа отлично представляли крестьянские сыновья – народники Дмитрий Тяжельников и Петр Голубев, а также Степан Халтурин. По разному сложились их судьбы... Кто-то избирал путь просветительства, преодолев искус революционного нетерпения, а некоторые оставались верны ему, и более того вступали даже на тропу террора.

Чувство сопереживания трудовому люду возникало в детские годы. Оно было свойственно Голубеву, много слышавшему о годах крепостничества на заводах северо-востока губернии; Якимовой, которая девочкой во время поездок с отцом-священником по приходу, видела покосившиеся избы и больных крестьянских ребятишек; Желвакову, свидетелю разборов запутанных межевых тяжб в деревнях, когда он сопровождал отца-землемера. Народный врач Савватий Иванович Сычугов вспоминал, что его развитию помимо прочитанных книг способствовали размышления по поводу "встречавшихся в жизни явлений" ¹. Е.М. Овчинников, также выбравший врачебную стезю, замечал: "Вообще от столкновения с действительностью получалось гораздо более сильное впечатление, чем от чтения даже такого замечательного произведения, как "Записки из мертвого дома" Достоевского" ².

Священник-просветитель о. Николай Николаевич Блинов вспоминал об этом же: "Когда и как выработалось такое "идейное" убеждение? Сказать не могу прямо. Представляется, что мы (я и товарищ мой Курбановский) сами пришли к тому, самостоятельно выработали себе такой взгляд, да и не вырабатывали, а он как-то утвердился само собой, — сельская деревенская

революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное изд. М., 1989; Я.Ш. Халтурин в Вятке // "Вятская правда". 1923. № 256.

¹ Здесь и далее воспоминания Сычугова приведены по кн.: Сычугов С.И. Записки бурсака. М.-Л., 1933.

² Овчинников Е.М. Автобиография // Общественный врач, 1913, № 3. С. 269.

жизнь запечатлелась, зафиксировалась в картинах всего детства, юности. А направление, несомненно, дано было литературой. Но какими писателями – едва ли определенно можно сказать. Завершилось Добролюбовым" ¹.

Но не только личные впечатления побуждали юных разночинцев к размышлениям о выборе жизненного пути. Почва для этого подготовлялась, по словам Сычугова, "усердным и толковым чтением массы книг". Вятский читатель мог найти на страницах демократических журналов и нелегальной печати сведения и о жизни народа на своей "малой родине". 19 сентября 1865 года в Елабужском уезде троих крестьян по обвинению в краже заключили под стражу. Один из них был избит с такой жестокостью, что упал без сознания и унесенный обратно в арестантскую тут же скончался. Сообщение о диком самоуправстве попало на страницы губернской газеты, а вскоре достигло, видимо, через одного из вятских корреспондентов Герцена Вольной русской типографии в Лондоне, и уже 1 декабря появилось в "Колоколе". "Волосы становятся дыбом... Ну, господа, когда-нибудь вы поплатитесь за эти злодеяния", – такой концовкой заключил Герцен вятскую информацию. Упоминал "Колокол" и о вятских крестьянах, вынужденных платить налоги с малопроизводительных земель: "Очевидно повышение налога камнем падает на этих несчастных. Возьмите такое тягло, хоть в Вятской губернии... Будь в селении по 15 десятин на душу, но тягло не поднимет больше 2 десятин в поле: остальная земля пролежит под лесом, которого некуда девать, или под пустырями, которых некому нанять и разработать" 2.

Обильный материал о положении крестьянства содержался в добротно подготовленных земских изданиях. С введением в 1867 году земства в Вятской губернии крестьянская тема стала ведущей в исследованиях местных статистиков. Земцы "первого призыва" доказывали, что в пореформенное время, вопреки благополучным заверениям губернских властей, происходит неумолимый процесс разорения крестьянских хозяйств. Они требовали уменьшения налогов, вступали в острый конфликт с администрацией губернии, навлекая на себя и недовольство центральной власти. В сборниках вятского земства, читавшихся провинциальной интеллигенцией и учащейся молодежью, представала реальная картина положения народа. Некоторые сведения из работ местных статистиков попадали в демократические журналы. Весомые сведения давали подворные переписи, составленные не выборочно, а сплошь, двор за двором. Планомерная статистическая работа началась с 1874 г., хотя еще четырьмя годами ранее вятское земство ратовало за нее. Достоинство "экспедиционного метода" отмечал статистик Николай Никанорович Романов: "Все, кто практикует подворную перепись селений, переписывает все дворы

¹ Воспоминания Блинова приводятся по машинописной копии: Блинов Н.Н. "Дань своему времени", хранящейся в архиве Е.Д. Петряева.

² Увеличение подушных // Колокол. 1859. 15 мая. Л. 42-43. С. 342.

крестьян в каждом селении исследуемой местности... Сведения, собираемые путем подворной переписи и местных расспросов крестьян, во многом совершенно точны, а в остальном несравненно достовернее и полнее, чем сведения, сообщаемые волостными правлениями..." ¹.

Статистики работали основательно и кропотливо. Василий Яковлевич Заволжский только в 1870 году обощел сплошь селения в пяти волостях Слободского уезда, в четырех Орловского и в шести Котельничского. По многим волостям прошел и Романов. Вот выдержки из его "Статистического описания Орловского уезда Вятской губернии": "Левинская волость, деревня Семеновская. Двор Т.Р. Кипрова. Семья из пяти человек: хозяин, его жена и трое детей (12, 8 и 4 лет). Никакого домашнего скота нет, в1872 году после градобития продана последняя корова. Хозяин в прошлом году ушел бурлачить и не возвращался, работает в Рыбинске, выслал однажды 10 рублей, в другой раз 6 рублей - на подати. Семья живет в маленькой полуразвалившейся лачуге, при которой нет никаких других строений. Огород остался невспаханным. В прошлом году хозяйка еще могла посеять 6 пуд. ржи, весною посеяла 5 пуд. овса, 1/2 пуд. ячменя и 10 фунтов льну. Дети постоянно сбирают, мать ткет холст и, по мере возможности, покупает муку фунтами. Семья питается одним хлебом, без всякого приварка, молока нет, квас не варится уже третий год..." В другом хозяйстве: "Семья всю зиму сбирала подаяния... продали последнюю корову... семья разорилась от неурожая 1873 года, паровое не пахали, потому что нечем засеять... иногда вся семья ест только однажды в день хлеб, иногда и целые сутки голодает..." И еще: "В зимнее время в большей части Орловского уезда крестьянские коровы, питаясь одной соломой, дают ничтожные удои молока... В 1873 году в самый разгар жатвы застигли дожди, и многие крестьяне не сделали половины озимых запасов на следующий год... В 1874 году урожай ржи был повсеместно ничтожным... Весь полученный умолот от нового урожая употреблен на посев к будущему году..." 2.

В.Я. Заволжский рассказал о северо-восточной части губернии: в некоторых местностях жилье напоминало "шалаши, скорее годные для телятников, чем для людского жилья"; печи сбивались из глины, в оконца вместо стекла вставляли брюшину, то есть оболочку, выстилавшую брюшную полость животного. Отметил автор низкую урожайность: рожь давала урожай сам-4 или сам-5, а овес сам-4. Крестьяне выращивали картошку, была известна капуста; моркови и свеклы почти не видывали ³. Со слов Заволжского широко распространился и попадал в другие публикации рассказ о тамошнем мужике, которому довелось отведать огурцов: "Тишка, когда в Вятке был, ел их, бает,

¹ Романов Н.Н. К вопросу об организации земской статистики (Ответ г. Лаврскому) // Волжский вестник. 1883. № 15. С. 312.

² См.: Романов Н.Н. Статистическое описание Орловского уезда Вятской губернии. Вятка, 1876. С. 344-345.

³ См.: Заволжский В.Я. Захудалый край и его земство // Волжский вестник. 1883, № 51.

гоже де". 95% населения северо-востока края употребляло мясо лишь на Рождество, Пасху и на свадьбах. Обычно ели похлебку из муки и разваренного ячменя. Все это сказывалось на внешнем виде и здоровье людей. Корреспондент "Вятских губернских ведомостей" замечал: "Слободские и орловские крестьяне носят отпечаток какой-то никогда не исчезающей с их лица кручины и горя, выражающегося в их песнях... – "чтой-то нынче какие все тяжелые годы" – поется в одной песне".

Об условиях жизни населения Глазовского уезда вспоминал о. Н.Н. Блинов: "...почва здесь малоплодородная, климат влажный и от массы лесов холодный; посевы часто вымерзали, земледельцы вынуждены вести подсечное хозяйство, углубляясь в дебри: вырубать лес, жечь его, и заводить заимки... Крупных деревень нет. Сообщение летом только верхом".

Впечатляли и сведения статистика Николая Александровича Спасского: "В Вятской губернии в первом периоде младенческого возраста существует непомерная смертность, так что из 1 000 родившихся младенцев мужского пола по истечении года остается в живых только 593... В течение первого года умирает у нас... почти вдвое, чем в целой России" ¹. А вот данные Заволжского по Слободскому и Орловскому уездам: смертность детей по отношению к общему числу умерших - 67%. Коротка оказывалась и продолжительность жизни взрослых.. Особенно часто крестьяне умирали в возрасте от 50 до 65 лет.

Интерес к земской статистике был присущ народникам-пропагандистам. Ученик Вятского земского училища Зот Сычугов, готовясь в 1874 году идти в народ, предварительно отметил по статистическим данным в записной книжке размеры недоимок крестьян тех мест, где намеревался вести пропаганду ².

И без того нелегкая жизнь вятского крестьянина отягчалась непомерными налогами. По вычислениям Заволжского, "на душу приходится менее одной лошади и коровы, потому что вторая лошадь и корова, если бы были - давно пошли бы на уплату податей и сборов". Он же привел диалог: "Как же у вас собирают подати, – спрашиваю у волостного писаря, – продаете имущество? – Если есть корова, лошадь, – продаем, а то ведь и продать нечего. – А дом? – Дом никто не купит, а то продали бы. Единственным способом остается порка". К подобной "исправительной" мере власти прибегали часто. В "Отечественные записки", "Волжский вестник", нелегальную народническую газету "Начало" попали сведения: в 1875 году за неплатеж в Кайгородской волости подверглись наказанию 1 329 крестьян, то есть было выпорото почти все взрослое мужское население волости. Вот свидетельство "Вятской незабудки" (1877) под заголовком "Все обстоит благополучно (Письмо из Орлова)": "В базарные дни низшие полицейские чины отправлялись на охоту по городу и кабакам, в особенности ловились мужики и приводились к

² Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 89. Оп. 1. Д. 1613. Л. 19.

¹ Спасский Н.А. Статистическое описание Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 71.

волостным судьям, содержавшимся при полиции. Здесь справлялись по книгам, заплачены ли у взятых лиц подати, если нет, тут же постановление и приговор к телесному наказанию... одного бедняка-неплательщика, который уже два месяца был болен, доставили в правление, и несмотря на все его просьбы и уверения о болезни, над ним совершили экзекуцию... по возвращении домой, дня через два или три он умер".

Досаждали крестьянам бесчисленные повинности: ремонт дорог, починка мостов, поставка подвод... Повинности повинностям рознь. Некоторые из них вызывали недовольство. В 1870 году мужиков во время весеннего сева насильно оторвали от полевых работ для исправления дороги... на случай предполагаемого проезда вятского архиепископа.

Материалы обследований по Вятской губернии вошли в сборники "Трудов податной комиссии" (СПб., 1873-1874). Получив их от экономиста и публициста Н.Ф. Даниельсона, Карл Маркс черпал оттуда обильные факты о хозяйстве и положении крестьян. Вятские материалы в записях Маркса заняли по объему первое место среди данных из 43-х губерний.

"Во многих местностях, - конспектировал он, - от истощения земли или вследствие ее малого количества земледелие далеко не обеспечивает средств к существованию", за 10 лет – с 1857 по 1866... "средний урожай уменьшился более, чем на 1/4", у крестьян огороды очень жалки, — овощей у них почти нет и для себя"; "скот мелкой породы, из-за недостатка корма зимой и скудных выгонов летом — тощий"; промыслы находятся "на весьма низкой ступени, дают ничтожный доход при огромных затратах труда".

Выделил Маркс и занятия отходничеством, в особенности, бурлачеством: "Нечего сказать, выгодное занятие для крестьян это бурлачество: идти за 600-1 000 верст за 9-15 рублей; быть далеко от дома как раз во время посева яровых, а то и дольше". Выписал он и такие строки: "Доход от земли и промыслов не обеспечивает самых необходимых средств существования при самых ограниченных потребностях: его не хватает даже на один хлеб. Вследствие этого крестьяне постоянно голодают и питаются таким хлебом, который только по названию хлеб, но ни по виду, ни по существенным своим составным частям хлебом не является: нужда заставляет их есть хлеб не только с мякиной, но и с древесной корой и мхом" 1. Это описание хлеба напоминает эпизод, рассказанный "Вятской незабудкой" (1877) в корреспонденции "Веселенький пейзажик". Некий земец, возвратясь из поездки по деревням, принес сослуживцам в губернскую управу крестьянский хлеб, ярушник. "Любопытные разобрали ярушник по кусочкам, чтобы показать знакомым, какой это в самом деле скверный хлеб. Последнее совершенно очевидно,

¹ Маркс К. Конспект "Трудов податной комиссии" // Архив Маркса и Энгельса. Т. XIII. М., 1955. С. 103, 104, 106, 107-108.

потому что ярушники изготовляются отчасти из овсяных зерен, а главным образом из гороховой ботвы".

Данные статистических исследований использовали ДЛЯ своих корреспонденций участники народнических кружков, политические ссыльные. Особенно острыми оказались публикации Михаила Бородина, который под псевдонимом "Е. Верхокамский" поместил в "Отечественных записках" (1878, IX) статью "Современное состояние Вятского края", а через два года за Чепцов" подписью "Михаил статью "Крестьянские дела". впечатляющей стала его статья "Мертвая петля", помещенная тоже в "Отечественных записках" (1880, VII). При подборе материала, используя исследования земских статистиков, Бородин усиливал социальное звучание Заимствуя данные из работы статистика И.А. Козаченко "Сельскохозяйственные и ветеринарные сведения о Вятской губернии" (Вятка, 1877), он придавал им совершенно иную интерпретацию, поясняя основную причину бедствий крестьян не эпизоотией скота, как автор, а их нищенским положением, обремененностью податями и долгами. Сомневаясь в благостных заверениях губернатора о состоянии вверенной ему губернии ("канцелярское, бюрократическое суждение о крестьянской нужде"), Бородин повторял горестные слова Заволжского: "Голод – болезни, болезни – голод, вот обычные "вести из деревни" в нашем крае за три-четыре года" 1.

Сведения о положении вятского крестьянства становились достоянием и нелегальной печати. 1-й номер журнала П.Л. Лаврова "Вперед!" (1873) в на делается родине?" поместил разделе корреспонденцию Котельничского уезда автора, вероятно, из ссыльных о состоянии деревни ("едва ли приходится один зажиточный на 200 человек"). В народнической газете "Начало" (1878, № 3 и 4) автор статьи "О вятском голоде", вскрывая причины голода в Малмыжском, Уржумском, Слободском, Орловском уездах, восклицал: "Вот помощь нашего правительства голодным крестьянам! Глупо и нелепо ожидать помощи от этого обанкротившегося, алчущего денег правительства". В последнем, 11-12-м номере газеты "Народная воля" (1885, октябрь) также упоминалось о бедствиях вятских крестьян.

Извлечения из подворной описи Н.Н. Романова, попавшие окольными путями на страницы нелегальной печати, нашли отражение в очерке С.М. Степняка-Кравчинского "Русское крестьянство", написанного им в лондонской эмиграции: "Приведу выдержку из экономического исследования, произведенного Орловской земской управой Вятской губернии с наглядными данными о положении крестьян... Я привожу документ дословно: "Панкрат Горев имеет семейство: 6 малолетних дочерей, одного маленького сына и жену... у него имущества 1 корова, 1 лошадь, 2 овцы... хлеба последнюю ступу (около 6 мер) овса истолкли... Иван Жданов, семейство 5 душ... ездил за сбором

 $^{^{1}}$ [Бородин М.П.] Мертвая петля // Отечественные записки. 1880. VII. С. 57.

с детьми (нищенствовал)... Федор Казаковцев имеет семейство 6 душ... ушел сбирать. На уплату податей продал конюшню". Так в далекой Англии в строках прототипа Овода, появлялись фамилии вятских крестьян-горемык: Усков, Жданов, Казаковцев, Ковязин, Заушницын, Горев... Степняк размышлял: "Казалось бы, для крестьян в столь отчаянном положении превратиться в батраков было бы отчасти избавлением, - они не терзались бы больше из-за податей. Крепко цепляться за землю заставляет их надежда, хотя и редко осуществляющаяся, - авось, по счастливому случаю они пробьются, одолеют свои бедствия, поставят на ноги детей и, когда в семье появится несколько работников, все будет хорошо и они снова станут "настоящими мужиками" 1. И авторы и читатели склонялись к однозначным выводам. Каждый смог бы подписаться под горестными словами В.Я. Заволжского: "Я коренной житель Вятской губернии, земец со времени образования вятского земства... указываю, по возможности, подробно на нынешнее положение Вятской губернии, в виду того, что голод в Самарской губернии в1877 году бледнеет по грандиозности размеров с теми нуждами, которые предстоит вкусить Вятской губернии в нынешнем году... И стыдно, и больно, и горько! А народная беда, грозное народное горе заставляет говорить правду"².

Голод, болезни, отпечаток кручины на лицах, тоска и заунывная печаль в песнях... Но образ вятского крестьянина в восприятии разночинно-демократический интеллигенции не исчерпывался лишь этими сторонами. Силен оказывался вольный дух человека, не знавшего крепостного права. (Помещичьи крестьяне, составляющие всего лишь 1,7% крестьянского населения края, в основном жили в Яранском и Елабужском уездах). Разночинцам-демократам представлялся не забитый жизнью крестьянин, а напротив – сильный, закаленный. И хотя эти воззрения были не реальностью, а скорее пожеланием, все же выстроенный образ имел жизненную основу.

Еще А.И. Герцену в период ссылки местные русские крестьяне напоминали "самобытных" и "независимых" швейцарцев, ему казалось, что их предки вышли из Новгородской земли. В подобном взгляде проглядывается идущая от А.Н. Радищева и декабристов идеализация Новгорода как места народовластия. В глазах же чиновников вятские крестьяне выглядели, по замечанию Герцена, "ябедниками и беспокойными", недаром на страницах "Былого и дум" он поведал об одном из "картофельных бунтов", при подавлении которого "дело пушечной картечи ружейных выстрелов". дошло ДΟ И рассыпавшихся по лесам, казаки "выгоняли из чащи, как диких зверей; тут их хватали, ковали в цепи и отправляли в военно-судную комиссию" 3.

1 Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции. М., 1968. С. 175-176.

 $^{^2}$ Заволжский В.Я. Голод в Вятской губернии // Вятская незабудка. СПб., 1878. С. 263.

³ Герцен А.И. Былое и думы // Соч. в 9-ти тт. Т. 4. М., 1956. С. 272.

Путешественник, географ, общественный деятель П.П. Семенов-Тян-Шанский рассказал, как в 1897 году европейские ученые, участники геологического конгресса, собравшегося в России, были поражены "красотою типа и сложения, самобытностью ума и развитостью приуральских крестьян, в которых они не нашли ни малейших следов рабства и приниженности". "Да, — отмечал он, — таких следов не было и полвека назад, во время моего первого путешествия в 1855-1857 годах. И в то время крестьяне Вятского и Пермского краев казались мне потомками того сильного и здорового славянского племени, которое из древнего Новгорода издавна стремилось на Восток и свободно колонизировало земли Хлыновского и Пермского краев..." Эти качества привлекли позднее внимание норвежского путешественника, исследователя Арктики Фритьофа Нансена: "Население Вятской губернии, как и Пермской, отличается предприимчивостью и свободолюбивым духом" 2.

Примечательно свидетельство преподавателя, журналиста и публициста М.Л. Песковского: "Вятский крестьянин, если нужда не загнала его в угол, сметлив, расторопен, изобретателен, он непринужденно и с достоинством держится в отношении "сюртучного люда", т.е. тех, кого называют нарицательным именем "барин". Он здоровается не иначе как за руку, не трется у порога и преспокойно садится, если замешкаются предложить ему стул" 3. Тип, изображенный Песковским, вряд ли похож на крестьян с картины Г.Г. Мясоедова "Земство обедает". Да и бар-земцев в Вятской губернии не было. Попадались, конечно, воры и лихоимцы, которым по заслугам воздавалось на страницах "Вятской незабудки", но к передовым земским деятелям, по словам Песковского, крестьяне относились "просто и непринужденно".

Отмечая бедственное крестьян, положение земские статистики, исследователи экономики И истории края, просветители, участники народнических кружков обращали внимание на потенциальные возможности народа. А их хватало в избытке! "Присмотритесь внимательно к устройству жилищ, дворов, бань, овинов, ко всей домашней утвари вятчан, к орудиям замечал труда, к одежде и предметам украшения, литературовед И.А. Мохирев в предисловии к книге "Вятские песни, сказки, легенды" (1974), - и вы увидите высокую культуру мастерства плотников, столяров, шорников, портных, вязальщиц, прях и ткачих, которые умеют на глаз определить свойства материала, меру пространства, цвета и тона, чтобы делаемое сообразить с этими свойствами и пространством, с требованиями удобства, пользы, уюта, законов красоты, художественного вкуса. Резчики по дереву, мастера капокорешковых изделий, часовщики Бронниковы, столяры

¹ Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958. С. 43.

² Нансен Ф. В страну будущего. Магадан. 1969. С. 279.

³ Песковский М.Л. Вятский край // Живописная Россия. СПб.-М., 1901. Т. 8. Ч. II. С. 81.

гармонисты, кружевницы и вышивальщицы, валенщики (пимокаты), портные и чеботные (сапожники) - все это народ очень талантливый в художественном отношении, в душе которого живут и хитринка и фантазия, виртуозность и изобретательность, находчивость в предприятиях и стремление все сделать посвоему. И всюду - любовь к прекрасному, желание внести красоту в свою жизнь".

О мастерах создавались легенды... Известность о столярах деревни Лопатовской близ Вятки достигла заграницы. Немецкая фирма стала закупать изготовленную ими мебель. Как-то прибыл в Вятку новый губернатор. Его мебель при перевозке не выдержала российских ухабов. Обратились за помощью к лопатовцам. Те разложили поломанный стол, раздвинули шипы рамы... а внутри оказались надписи. "Вот, ваше превосходительство, наши фамилии. Мы, когда в Германию заказ посылаем, ставим свои пометки, кто какую вещь делал. И на том месте ставим, чтобы хозяину-немцу не было видно. - Да как вы смеете всемирно известную берлинскую фирму порочить? - Тут и сметь нечего. Что правда, то правда. Вот свидетельство... Можем и еще показать сколько угодно вашему превосходительству. Нешто мы выдумываем? Мы делали эти вещи - мы и исправим". Изделия вятских мастеров имели широкое распространение и за пределами края. Говорят, что В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде писал за столом, который прислал ему в подарок заведовавший кустарным складом вятского земства М.П. Бородин.

Особенности жизненного уклада, малоплодородные земли, низкие урожаи побуждали крестьян к заработкам на стороне, к отходничеству, ремеслам, кустарным промыслам. Так произрастали таланты мастеров, о которых с любовью рассказывал во многом похожий на них краевед-подвижник Василий Георгиевич Пленков 1 .

Много толковых людей вышло из вятского крестьянства - устроители библиотек, члены Вольного экономического обшества. сельских корреспонденты периодической печати. Интеллигенция помогала таким крестьянам, защищая их от нападок, с нескрываемой симпатией говоря о них на страницах "Вятских губернских ведомостей". Вот как рассказывалось в них (1861, № 9) о механике-самоучке Андрее Нестеровиче Хитрине, экспоненте выставки в Петербурге: "Простой крестьянин из какого-то уголка Вятской губернии, едва знающий грамоту, представляет уже третий раз жатвенную машину, сеялку с бороной, землепахотную машину, сенокосную - в моделях, которые ясно говорят о здравой мысли, новой, свежей, самостоятельной. У человека, по его крестьянской бедности, нет только возможности явиться на состязание: он чуть ли не пешком проходит тысячу верст, чтобы добиться этой возможности... Грустно видеть такую несправедливость к даровитому мастерусамоучке".

¹ См.: Пленков В.Г. Вятские умельцы. Киров, 1971.

На страницах "Ведомостей" 60-70-х годов нередко появлялось имя котельничского крестьянина Дмитрия Ларионовича Сенникова ¹, волостного писаря, который открыл библиотеку в селе Казаково, собрал в ней 150 книг, периодических изданий. Через выписывал ПЯТЬ ГОД сельскохозяйственный музей. Сенников ратовал за устройство при сельских школах опытных полей и садовых участков, составил проект "Подвижной азбуки" для быстрейшего и простого обучения грамоте. Пропагандируя способности народных умельцев, он поместил в "Вятских губернских ведомостях" (1871, № 64) статью "Деревенский часовщик" об Иване Шабалине, шестнадцатилетнем парне из Котельничского уезда, искусно изготовлявшем стенные часы-ходики. Все детали за исключением осей он вытачивал из дерева, орудуя ножом, пилкой и шилом. Часы Ивана были просты, а главное, дешевы. Дорогие часы Бронниковых воспринимались курьезом, диковинкой, на что и рассчитывали талантливые мастера. Часы же шабалинской работы покупали не "господа", а крестьяне.

В очерке "Об искусстве" А.М. Горький вспоминал о встрече на волжском пароходе с вятским мужичком, резчиком по дереву, "одержимом страстью к творчеству". Такие люди и превращали обыденную работу в искусство.

Все, кому приходилось общаться с вятчанами, сохранили о них теплые впечатления. Слова благодарности нашел для них в "Воспоминаниях металлурга" академик М.А. Павлов, начинавший трудовой Омутнинском, Кирсинском и Холуницких заводах: "Здесь во время работы я впервые оценил рабочих Вятского края. Это совершенно особый тип людей, простых и хороших, смелых и работящих. Они говорят вам "ты", держатся с достоинством, хотя зарабатывают мало, живут бедно. Они не заискивают и не грубят. Ко всякому новому человеку относятся с доверием, и, если вы к ним хорошо относитесь, они все для вас сделают... За два года работы в Кирсе я имел возможность оценить характер вятского рабочего, привязался к ним, и, в свою очередь приобрел друзей среди них..." На Омутнинском заводе один рабочий рассказал будущему академику то, чего он "никогда не слышал в институте от начиненного цифрами профессора". Рабочие сами предлагали Павлову: "Хочешь видеть пробу?" ...здесь дружелюбное отношение к человеку. Эта черта, как я потом убедился, была характерной для рабочих Вятского края" 2.

¹ См.: Панькова С.Н. Дмитрий Сенников – подвижник XIX века. Киров, 1997. Сенников был дядей знаменитого археолога А.А. Спицына. (Примечательны родственные связи разночинной интеллигенции Вятки. Врач-стоматолог, карикатурист М.М. Чемоданов – племянник священника-просветителя о. Н.Н. Блинова, основатель трудовых коммун 3.С. Сычугов – двоюродный брат народного врача С.И. Сычугова).

² Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М., 1884. С. 109.

Только бы не тяготил крестьянина "алчный люд". От него готов был вятский человек уйти хоть за Урал и еще далее на восток "встречь солнцу". Иногда вятчане покидали "малую родину" не по своей воле. О вятских переселенцах на сибирских просторах упоминал современник М.В. Ломоносова историк Г.-Ф. Миллер в "Истории Сибири", отмечая, что они еще в конце XVI века при царе Федоре Иоанновиче "с Вятки и всех вятских городов взяты в Сибирь". А в XVII веке в Приамурье упоминалась деревня Вяткина. На нее и другие селения близ героического Албазина в октябре 1685 года напали войска Цинского Китая, но после одного из набегов русский отряд нанес там поражение маньчжурам.

Историк-демократ А.П. Щапов передавал впечатления вятских переселенцев: "В Сибири, – заметили мужики, – и наши крестьяне, человек с 60, переселились куда-то в Енисейскую губернию: письма писали, хвалят сибирские места" ¹.

В 80-х годах жизнь переселенцев в Западной Сибири изучал знаток жизни Г.И. Успенский, в чем ему оказывал А.А. Чарушин, брат "чайковца", занимавшийся переселенческими проблемами. В очерках "Поездки к переселенцам" Успенский отметил несхожесть типов крестьян из различных местностей Европейской России. Проезжая дремучим лесом к деревне, населенной вятчанами, извозчик "из черноземных" говорил писателю: "Не то что даром, а дай мне тысячу рублей, и то я в таких местах жить не буду!" Далее началась длинная просека. Успенский отметил даже некоторый испуг переселенцев из южнороссийских губерний непостижимым для них размером труда, который положил вятский крестьянин хотя бы только в эту просеку". Затем выехали на расчищенное место – "теперь уже не просека, шириною в три - три с половиной аршина овладевает вниманием путника, а широкое пространство засеянных и колосившихся полей, очевидно отнятых трудами тех же рук того же вятича и у того же дремучего леса... Понимаешь, что и жнитво, возка снопов среди этих пней – дело непостижимой трудности, и, понимая и видя это, решительно не понимаешь, какая нечеловеческая сила могла совершить все это не более как в течение трех лет".

Трудолюбие вятских переселенцев оценил писатель-этнограф С.В. Максимов: "Вятский, как известно, с детства до гробовой доски имеет дело с топором и лесом... вырезает он в тамошних первозданных лесах большие площади, жжет их, вырубает пни, вырывает корни с изумительной скоростью, постоянством и сноровкой... Переселенцы вятские — мастера строить дома и охотники рубить нови" ². В 1861 году из Вятской губернии, по данным Максимова, переселилось в Сибирь

¹ Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского населения. Сочинения в 3 томах. СПб., Т. II. 1906. С. 275.

² Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. СПб., 1864. С. 299.

337 семейств, получили разрешение на переселение 57 семейств. В следующем году требовали разрешения на переселение крестьяне Уржумского уезда, тогда же из Котельничского, Слободского, Орловского и Глазовского уездов переселилось 33 семейства. Так на просторах Сибири и Дальнего Востока появлялись названия населенных мест - Вятское, Малмыжское, Сарапульское, Елабужское...

Сообщал о вятских переселенцах публицист В.Л. Дедлов, видевший их в Западной Сибири за Тарой: "Избы новые, белые, просторные. Бревна толстые, окна большие, с резьбою. Тут живут вятичи, любители и мастера строиться. Посреди села собрался многолюдный сход. Русые головы, светлоголубые глаза, спокойные, внимательные..." Автор отметил два типа вятских переселенцев - один с четко выраженными великорусскими чертами, другой явно финно-угорского облика, что весьма характерно для наружности вятчан, поскольку Вятский край издревле являлся своеобразным этническим котлом, где вместе в трудовом взаимовлиянии проживали русские, удмурты, марийцы, коми, татары, где естественно происходил процесс этнического сближения. "В каждом вятском селе должны быть Чарушниковы и Васнецовы, - продолжал Дедлов. - В конце села новенькая церковь... Строят школу... В церкви русые, голубоглазые Чарушниковы, Васнецовы и Хохряковы, и в живописи они такие же искусники, как в плотницком деле, просили позволения по-своему расписать иконостас, выкрашенный под дуб". И далее, странствуя "встречь солнцу", писатель видел вятских: "Заимщик... из Глазовского уезда без особых волнений отправлялся на новую заимку, на берега Ангары, Селенги, Зеи или Суйфуна".

В Уссурийском крае в 1867-1869 годах встречал вятских переселенцев Н.М. Пржевальский. Как раз там у озера Ханка упомянутая Дедловым река Суйфун. В Сучанской долине в селении Владимирском жили вятчане-переселенцы, пришедшие с нижнего Амура в 1865 году. Так и прижились они в Приморье, где фазаны "большими стадами бегали по китайским полям или без церемонии отправлялись к скирдам хлеба, сложенным возле фанз". Чем же не "подрайская землица", не сказочное Беловодье, о которых издавна мечтал русский человек? 1. А кое-кто из вятчан, подобно крестьянину Михаилу Анисифоровичу Штину, участнику вятского ополчения во время Крымской войны, оказывался впоследствии даже в Русской Америке!

¹ Издания, из которых извлечены рассказы и упоминания о вятчанах, живших в Вятской губернии и за ее пределами: Семенов-Тан-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869. Владивосток, 1990; Успенский Г.И. Поездки к переселенцам // Соч. в 9-ти тт. Т. 8. М., 1957; Дедлов В.Л. Панорама Сибири (путевые заметки). СПб., 1900; Нансен Ф. В страну будущего. Магадан, 1969. О деревне Вяткиной на Амуре см.: Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII в. Хабаровск, 1987.

В вятских крестьянах, по словам Короленко, не затухали "искорки непосредственной даровитости". "Вятских... везде можно было встретить, - писал в замечательных "Вятских записках" Всеволод Лебедев, - и по Сибири, и в Москве над улицей - на лесах ... вятские. А в квартирах кто печь кладет? - Тот же вятский... И оттого знали вятскую мебель, вятскую печную кладку. Если похвалить что-нибудь хотят, говорят: "Это вятская работа". Осталась в доме вятская работа - и все на нее любуются. А где же сам вятский? А он уже с топориком да с пилой идет по Костромской губернии и просится у бабы переночевать и врет ей, что он богомолец, что хорошего нрава. Вятские такой народ!" 1.

И юмора не занимал вятский человек, добродушной насмешки над самим собой: "Мы вячки, робята хвачки, семеро одного не боимся, а один на один, так все котомоцки отдадим!" (Да вряд ли отдавали!). Или: "Мужик сер, да ум-от у него никто не съел". Тип вятчан прокомментировал этнограф, историк и фольклорист Дмитрий Константинович Зеленин, сам вятчанин: "Медлительность в движениях соответствует медлительности ума, не отличающегося быстротою сообразительности, но ума глубокого и тонкого. В этом отношении вятчанин - типичный русский человек, для которого характерна не быстрота ума, а глубина его" ².

Смех вятских крестьян не обидный, не язвительный, не злобствующий. Вот "вани-вятчане" приехали с обозом в Москву, дивятся в Кремле на колокольню Ивана Великого: "Больно колокольнича-то высока! Как это хрест-от воткнули? - А колокольничу-то нагнули, да хрест-от и воткнули: отпустили, она и збрындила!" Вот лукавый хлын выдолбил во льду реки рядом с прорубью лунку-калужинку, намешал толокна, да черпает "рукавичей". Подъезжает мужик: "Щё дядя, поделываёшь? Ликось, толокончё хлебаёшь? Хлеб да соль!" - "Милости прошаем", - приглашает хлын. Простодушный мужик высыпал в прорубь два мешка толокна. Хлын спрашивает: - "Много ли высыпал?" - "Два мешка". - "Ликося, какова мерека ухлопали".

Петр Владимирович Алабин, отдавший много сил и энергии просветительской работе в крае, писал о вятских крестьянах: "Народ здесь в высшей степени любознательный, развитой, охотно учится, готов идти вперед, готов просветиться, готов покупать книги". Эти черты не могли не привлекать внимание вятской интеллигенции.

В марте 1859 года преподаватель математики вятской гимназии Михаил Иванович Шемановский, делясь новостями с сокурсником по Главному педагогическому институту в Петербурге Н.А. Добролюбовым, сообщал о

¹ Лебедев Вс. Вятские записки. Киров, 1957. С. 9.

 $^{^2}$ См. Зеленин Д.К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901-1913. М., 1994.

волнениях вятских крестьян в волостях уездов, сопредельных с Вологодской губернией. Крестьяне, спорившие с властями из-за леса, самовольно совершали порубки, а в одном месте при попытке остановить их "поколотили и лесничего и понятых" 1. Подобный интерес к активности народа понятен - готовилась отмена крепостного права. Шемановский знал о трагических событиях, происшедших в селе Бездна Казанской губернии в апреле 1861 года. Расправа над участниками волнений, расстрел крестьянского вожака Антона Петрова вызвали протест демократической интеллигенции. Сведения о казанских делах вятский учитель мог получать от своего брата Семена, студента Казанского университета.

О бездненской трагедии знали многие вятчане. 13 октября 1866 года жандармы произвели обыск в доме слободского купца Ивана Прокопьевича Ворожцова. Поводом стало посещение им почти год назад в Лондоне Н.П. Огарева (повидать А.И. Герцена купцу не удалось). Ворожцов привез из Англии печатный станок и шрифт, необходимые, как он пояснял, для изготовления этикеток к спичкам. "Синие мундиры" нашли письмо Огарева, в котором тот сообщал, что почувствовал в Ворожцове "растущую силу практического направления". Вряд ли слобожанин преследовал какие либо "крамольные" намерения, желая встретиться с лондонскими эмигрантами, но тем не менее он попал под полицейский надзор "по подозрению в сношениях с проживающими за границей изгнанниками Огаревым, Герценом и Утиным". О встречах в Лондоне Иван Ворожцов, как показалось обыскивающим, "отвечал уклончиво и бестолково, по всему видно, что он не чужд... особого участия в обществе..." При обыске кроме письма Огарева жандармы обнаружили письмо младшего брата Ворожцова, студента Казанского университета с подробным рассказом об усмирении бездненских крестьян генерал-майором графом Апраксиным. Его действия Василий Ворожцов, по словам производивших обыск, изобразил "насмешливо и укорительно": "К вам, я думаю, уже дошли слухи о бунте в Спасском уезде с неделю назад. Дело было так: в деревне Бездна появился какой-то мужик - пророк (речь шла об Антоне Петрове – В.С.), проповедовавший свободу полную мужикам, те и поверили, отказались от работ и начали собираться в огромном количестве (до восьми тысяч человек). Граф Апраксин (царский чиновник по крестьянскому делу) отправился туда с войсками. Сначала, конечно, уговаривал мужиков, а затем начал их стрелять, и кончилась история тем, что около шестидесяти человек убито, шесть и более потонуло, до ста ранено... Хорошее дело, победа полная, и что замечательно, со стороны храброго нашего воинства не было урона. Вот значит хороший начальник. Грустно!.. Вчера почти все студенты что

 $^{^{1}}$ Письма М.И. Шемановского Н.А. Добролюбову см.: Материалы для биографии Н.А. Добролюбова, собранные [Н.Г. Чернышевским] в 1861-1862 годах. Т. 1. М., Изд-во К.Т. Солдатенкова. 1890; а также в журнале "Литературный критик", 1936, № 2.

отправились на кладбище и служили панихиду об убиенных. Щапов говорил речь, и сегодня делается подписка (публично) студентами для вспомоществования семействам убитых и раненых..." Вместе с письмом Василий прислал фотографическую карточку А.П. Щапова и список его речи, произнесенной на панихиде. При дознании Иван Ворожцов заявил, что переписывал речь, из-за неразборчивого почерка брата и многим ее показывал. Содержание речи он будто бы не стал скрывать потому, что "в Казань ездит много слобожан, и все демонстрации Казанского университета в Слободском бывают известны, то и эта речь была известна..."

К крестьянским, а позднее к рабочим выступлениям проявляли интерес участники народнических кружков Вятки. Выпускник земского училища Павел Кудрявцев рассказал в письме другу о возмущении в селе Пымах Яранского уезда, когда крестьяне прогнали станового, за ним мирового посредника, и даже, как будто, самого вице-губернатора.

Гимназист Петр Голубев интересовался событиями на Омутнинском заводе, происходившими во времена отмены крепостного права. Сам омутнинец, он знакомился с трудом и бытом рабочих, получив доступ в заводскую контору, где внимательнейшим образом просматривал сведения о заработках за многие годы. Не ограничиваясь изучением конторских бумаг, Голубев подробно расспрашивал рабочих, записывал их рассказы. Все это становилось достоянием его товарищей по кружку самообразования в Вятке. Позднее, став публицистом, журналистом Петр Александрович известным И пятидесятилетию отмены крепостного права поместил в "Вятской речи" (1911, № 39-43) большой очерк "Введение воли. Рассказ заводского крепостного". В нем с нескрываемой симпатией показан народный заступник, молодой волостной старшина Семен Сорокин, сплотивший рабочий люд против заводской администрации. Волнения начались в феврале 1863 г. В октябре на Омутнинский завод прибыли три роты. Под прицелом ружей рабочим пришлось уступить. "Возмутителей спокойствия" взяли под стражу. Лишь через четыре года следствие закончилось и дело поступило в суд. 38 рабочих, признанных зачинщиками, присудили к различным мерам наказания, вплоть до тюремного заключения. Привлекали внимание и другие события в рабочем движении, в частности, волнения на Холуницком железоделательном заводе весной 1871 года, когда рабочие потребовали повышения заработной платы, регулярной ее выдачи, продажи провианта из заводского магазина по доступной цене. Лишь угроза вызвать военную силу заставила их прекратить сопротивление. Наиболее активных участников стачки выслали в Архангельскую и Олонецкую губернии.

Известность обрела в Вятке многолетняя тяжба крестьян починка Алешинский Филипповской волости Вятского уезда с мещанином Калининым.

¹ Литературное наследство. Т. 63. М., 1956. С. 360.

Судебное дело слушалось в декабре 1875 года. Адвокатом крестьян выступал бывший участник польского восстания Оскар Авейде, который после отбытия ссылки и освобождения от полицейского надзора стал частным поверенным окружного суда. Безукоризненная честность создавала Авейде непререкаемый авторитет. Калинин считал земли алешинцев своей собственностью. Они же утверждали, что имеют право на землю за давностью поселения. В тяжбе, тянувшейся с 1858 года, крестьяне проявляли необычайное упорство, мешали калининским работникам обрабатывать землю, ложились преграждали путь лошадям с боронами, отводили их в сторону, по веснам, стремясь ускорить пахоту и опередить калининских работников, становились с сохами в ряд по пятидесяти человек. В ответ на требования Калинина подчиниться, язвительно отвечали: "Что ты за министр-сенатор такой!", всячески препятствовали работе комиссии по размежеванию, скрывали "подстрекателей". Летом 1874 года сто пятьдесят солдат, вступив в деревню по приказу губернатора, "навели" порядок. Для прокорма вставших на постой солдат было забрано семнадцать коров и двести пудов хлеба. Авейде не смог защитить зачинщиков. Суд вынес приговор – от шести до девяти месяцев тюремного заключения, без учета времени, проведенного под арестом до суда. Девять алешинцев без срока выслали в Орловский и Котельничский уезды. Эта история послужила темой очерка "Калининское дело", который появился сначала в столичной печати, а затем на страницах "Вятской незабудки" (1877).

Крестьяне настойчиво сопротивлялись подписанию уставных грамот, противодействовали межевым работам. Все это обсуждалось на тайных сходах. Были случаи избиения крестьянами деревенских богатеев, волостных старшин которые, по ИХ мнению, "обманщиками оказывались мошенниками". Из губернии в уезды шли указания исправникам загодя всех, списки зачинщиков И проявляющих Губернатор Н.А. Тройницкий сообщал в шифрованной телеграмме министру внутренних дел, что не остановится перед наказанием непокорных крестьян розгами. И такие экзекуции не были редкостью.

В.Г. Короленко в "Истории моего современника" рассказал о том, как в селе Афанасьевском Глазовского уезда после сбора недоимок "царило далеко не покорное настроение: мужики ходили мрачные, бабы вопили, ругались и местами оказывали "сопротивление властям". Через несколько дней он узнал, что когда в волость погнали большое стадо скота, отнятое за недоимки, и уже заранее запроданного скупщикам, мужики огромной толпой сбежались из села, из лесных деревень и починков, с дрекольем набросились на сопровождавший стадо отряд сотских, разогнали их, а скот возвратили хозяевам. "Мое крамольное сердце порадовалось... – заметил Короленко, – настроение мужиков Бисеровской волости в эти дни много способствовало поднятию моего уважения к ним".

Летом 1877 года в Яранском уезде задержали бывшего губернского секретаря Василия Сперанского, который распевал перед крестьянами, увы, в нетрезвом виде, песню о бездненской трагедии:

Полилася кровь горячая Православных христиан. Полегла толпа стоячая Первой вольности граждан.

И зачем, скажи, могучая, Русь, стоишь тиха, скромна? Льется кровь твоя кипучая, Словно волжская волна.

Ты не встанешь, не всколыхнешься Против нашего царя.
Ты народом его пишешься И сорит тобой он зря.

Нипочем ему, бездушному, Стон и слезы сограждан; Адъютанту равнодушному Перебить велел крестьян. Полегли сыны отечества Не в прославленном бою, И без права человечества Склали голову свою.

Восставай же, Русь могучая, На защиту прав своих, И пролей ты кровь кипучую, Порази врагов твоих!

Порази царя-сапожника, Порази его семью!!! Не щади его, безбожника, Не клони главу твою!

Восставай же, Русь священная, Восставай честной народ! Кровь твоя неотомщенная К отомщенью вопиет.

Воспою тогда оратая, Воспою святой закон, Русь, от тяжких зол изъятую, Когда рухнет царский трон ¹.

Сочувствуя народу, разночинная интеллигенция старалась разглядеть в нем именно те черты, какие желала бы видеть. Примечательно художнически эмоциональное впечатление Аполлинария Васнецова от посещения железоделательного завода промышленника Мосолова в селе Шурма Уржумского уезда: "Врезалось в моей памяти лицо одного из рабочих, высокого, чернобородого с жестко горящими черными проницательными глазами; он мне показался похожим на Пугачева".

Можно понять чувства авторов песни, вошедшей в прокламацию "Бью челом народу православному", выпущенную осенью 1861 года, чувства, исполненные сострадания и гнева, "святого нетерпения", понять почему рабочий показался будущему художнику схожим с Пугачевым. Но все-таки... "Не приведи Бог видеть русский бунт - бессмысленный и беспощадный".

¹ Бушканец Е.Г., Вульфсон Г.Н. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859-1861 годах. Казань, 1955. С. 89.

² Васнецов А.М. Как я сделался художником и как и что работал // Аполлинарий Васнецов. (Сборник документов). К 100-летию со дня рождения. М., 1957. С. 126.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. УЧЕБА

Детские и отроческие годы многих из тех, кто позднее учился в вятской семинарии и гимназии, проходили в умственной дремоте и отсутствии книг. Жизнь сыновей духовенства была несладка. Известны строки Некрасова о приходском дьячке, отце семинариста Гриши Добросклонова:

Беднее захудалого Одна с дымящей печкою, Последнего крестьянина Другая — в сажень — летняя, Жил Трифон. Две коморочки: И вся тут недолга

Не было у Трифона ни коровки, ни лошадки, а собачка и кот ушли из дому. "Жизнь дома, в семье была нерадостна: отец в пьяном виде бил мать и детей, — вспоминал Иван Красноперов, — Светлых дней не помню". Преувеличение ли это? Савватий Сычугов рассказывал: "У меня долго хранилось письмо отца-дьячка к сыну - моему хорошему товарищу, который ради праздника Рождества и Пасхи (на которые он оставался в бурсе) получал две гривны... на иголки, нитки, разные лакомства и при этом дружеский совет не заводить больших пиров". Проводя детство в нищете и забитости, Красноперов мог лишь догадываться о существовании иной жизни. В доме дяди-священника, где Иван оказался проездом, его поразила обстановка: крашеные полы, ряд стульев в гостиной и даже фортепиано, на котором музицировала двоюродная сестра. Именно от нее, восемнадцатилетней девушки, он впервые услыхал о том, что от чтения книг человек начинает ощущать в себе перемену, потребность смотреть на мир по-другому.

Не лучше проходили ранние годы и у детей малоимущих чиновников в уездных городишках. Дочь губернского секретаря в Нолинске Мария Мышкина (Селенкина) первую запись в дневнике посвятила воспоминаниям о кануне Рождества год назад в нетопленой квартире, которую даже ненадолго нечем было осветить зимними вечерами, и когда приходилось питаться занятым хлебом. Жизненные обстоятельства могли обернуться неожиданностью. Отец братьев Чарушиных дослужился до чина надворного советника и мог содержать семью безбедно, но, после смерти его даже при самом тщательном поиске в доме нашлось всего три-пять рублей, да оказались долги в лавках. Вставал вопрос об уходе Николая, старшего из сыновей, из гимназии.

Развитие юных разночинцев оставляло желать лучшего. Типичная атмосфера воспроизведена в воспоминаниях Чарушина: "Орлов со своими тремя с половиной тысячами жителей представлял собою подлинный патриархальный уголок... Все жили по дедовским традициям и всякие новшества строго осуждались... Обывательская жизнь текла в общем мирно и

гладко, ничем не мутимая... откуда-то в городе появился всего единственный студент, конечно, по понятиям обывателей крамольник... В нашем доме книг, кроме двух-трех духовного содержания да какого-то старого иллюстрированного журнала, совсем не было" ¹.

Но от начала жизненного пути сохранялись и светлые воспоминания. В больших дружных семьях воспитывались Анна Якимова и Николай Желваков. Благотворное воздействие оказал на Савватия Сычугова его дед, человек колоритный, напоминающий самобытных лесковских героев из духовенства. А книги из дедова сундука стали первым чтением будущего врача-просветителя. Запоминались люди из народа, такие, как няня Ани Якимовой, не чаявшая души в своей воспитаннице, или словоохотливый мужичок из деревни близ Орлова, который привозил Николая Чарушина из Вятки на долгожданные каникулы. И, конечно, доброе влияние на формирование душ юных разночинцев оказывала родная природа, запечатленная с благодарным сыновним поклоном на полотнах братьев Васнецовых.

Серьезным испытанием для молодежи становились годы учения. На рубеже 50-60-х годов Вятка, насчитывавшая около 15-ти тысяч жителей, имела духовную семинарию, мужскую гимназию, женскую гимназию (открылась в 1859 году). Четырьмя годами позже начались занятия в епархиальном женском училище. А в 1872 году. усилиями земства открылось земское училище. В мужской и женской гимназиях преобладали дети дворян и чиновников, в семинарии сыновья духовенства. Исключением являлось земское училище с ярко выраженным демократическим элементом среди воспитанников.

Не все из учащихся дотягивали до конца учебы. Многолюдные гимназические классы в 35-40 человек уменьшались при выпуске до 10-15-ти. Отсев происходил преимущественно из-за низкого материального уровня их семейств. За десятилетие (1857-1867) из гимназии выбыло 511 учеников, почти четверть состава за десятилетие. Неимущие пребывали в постоянном страхе. Их переживания запечатлены в воспоминаниях одного из гимназистов: инспектор идет по коридору, произнося: "Деньги, деньги!". "А большинство-то учеников - беднота, и слова эти у них раздавались в ушах, как звон погребального колокола" 2. Н.А. Чарушин описывал свои бедствия,

¹ Здесь и далее воспоминания Чарушина приводятся по кн.: Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973.

² Воспоминания гимназистов собрал А.А. Спицын: Преподаватели русского языка и словесности Вятской гимназии в 1811-1865 гг. // Памятная книжка Вятской губернии на 1892 год. Вятка, 1891; Директора, инспектора и учителя Вятской мужской гимназии 1811-1865 // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1905 год. Вятка, 1905. Воспоминания гимназисток см.: Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования (с 1859 по 1909 год) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. Вятка, 1909. Неопубликованные воспоминания вятских учащихся хранятся в

происшедшие после смерти отца: "Я по дешевке нанял себе пустую квартиру без харчей и кормился, как придется, сам. В это время я уже чувствовал себя счастливым, когда в кармане у меня болтались пятак или трешница (3 коп.), на которые я мог купить себе целых 2 или 3 фунта хлеба!" Малообеспеченные ученики с трудом дотягивали до выпуска, прирабатывая репетиторством и утомительной перепиской бумаг. Вынужденные оставить учебу становились большей частью мелкими канцеляристами. Не о таких ли, зарабатывавших гроши на хлеб насущный, писал работник Вятской земской управы, "шестидесятник" Василий Иванович Малинин: "Умственный работающий на основании голода и нужды в материальном отношении явление гнуснейшее, какое только можно себе представить". Вятку он назвал "городом поголовной борьбы из-за куска хлеба" 1. Да и многим из тех, кому по окончании учебы довелось жить в уездной глуши, приходилось трудновато. Священник о. Николай Блинов вспоминал: "На второй или третий год жизни в Карсовае (в Глазовском уезде, на северо-востоке губернии. – В.С.) я ездил к тестю в Нолинский уезд. Раз, будучи в гостях у двоюродного брата жены, богатого священника, на расспросы я стал рассказывать о своем житье. Все бы ничего, но дело было за обедом, передо мной поставлено обильное угощение – пироги, мясо и проч. Случайно обратив внимание на окружающее довольство, я не выдержал, разрыдался... Вообще мы неохотно говорили о своей бедности, выходила будто бы жалоба, просьба о подаянии".

Еще труднее приходилось женщинам, самостоятельно зарабатывающим на жизнь. Одна из сестер Марии Селенкиной служила письмоводителем, другая занималась оспопрививанием, третья – была помощником аптекаря ².

Учащиеся, приехавшие в Вятку из уездов, жили в нелегких бытовых условиях. В семинарских спальных корпусах в одной комнате помещалось от 40 до 60-ти человек. Выпускник семинарии Михаил Ионович Осокин в романе "Ливанов" рассказал о теснейших клетушках в бедных мещанских домишках, разделенных перегородками, "в которых испокон века проживали по найму местные семинаристы" 3. Шестидесятник Александр Александрович Красовский писал об условиях жизни многих гимназистов ("Вятские губернские ведомости". 1863, № 4): "Они размещаются по слободкам, где их дешевые углы со столом от хозяек... окружены исключительно бедными мещанами да постойными солдатами... справедливо ли осудить их безысходно

фонде Вятской ученой архивной комиссии Государственного архива Кировской области (ГАКО. Ф. 170).

¹ Письмо В.И. Малинина Н.Я. Агафонову 29 мая 1875 г. – Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета, собрание Н.Я. Агафонова, № 213. Ч. 2. Л. 536, 536 об.

 $^{^2}$ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1285. Оп. 1. Д. 303. Л. 26 об.

³ Осокин М.И. Ливанов // Русское слово. 1864. IV. С. 64.

на такую жизнь, когда они уже призваны судьбою к лучшему развитию?" Историк вятской мужской гимназии М.Г. Васильев опубликовал результаты инспекции в 1875 году. Оказалось, что некоторые гимназисты, снимавшие частные квартиры, ютились "в нижних полумрачных этажах, сырых, низких и с удушливым, спертым воздухом без всяких вентиляторов, или в тех отгороженных досками от кухонной печи ящиках, в которых температура выше 20 градусов, тараканам нет числа, а кровати и одной поместить некуда. Стол в большинстве квартир неудовлетворителен, белье не меняется, не чистится, не чинится, освещение слабое".

Угнетали порядки в учебных заведениях. "Характеристика духовного училища, сделанного Помяловским в "Очерках бурсы", — вспоминал Е.М. Овчинников, — всецело может быть отнесена и к нолинскому духовному училищу". Его оценка схожа со словами С.И. Сычугова, который учился в Вятском уездном духовном училище: "Если ты пожелаешь составить понятие, какие мытарства я вынес, то безобразия, изображенные Помяловским, возвысь в квадрат, - и картина выйдет верная. Сколько душ там погублено!". Сычугов замечал, что Н.Г. Помяловский описал петербургскую бурсу, а сам он же он маялся "в бурсе вятской, от которой до Бога высоко, а до царя далеко".

Многие бурсаки просто-напросто голодали, иногда им с боем удавалось добывать брошенные богатенькими учениками ломти хлеба, предназначавшиеся... свиньям семинарского эконома. И каково было видеть бедолагам, как в столовую "нарочно ради богатеев... приходил булочник с соблазнительными для голодных бурсаков плюшками, пышками и пр. соблазнами". Всегда голодные ученики крали с ужина гороховицу, прятали ее на улице, чтобы съесть утром ¹. "Мы были настолько бедны, вспоминал о. Николай Блинов, что во время моего учения в училище (7 лет) и в семинарии (6 лет) я ходил в ватном одеянии зимой. Шубной был один воротник. А ходить нужно было: в училище не менее версты, а семинаристам — две" ².

В предреформенные годы в духовных учебных заведениях и в гимназии физические наказания представляли, к сожалению, бытовое явление. Да и позднее любители "солдатского режима" из преподавательской среды, несмотря на запрет телесных наказаний, норовили учинять самовольную расправу. Иван Красноперов, будучи учеником Елабужского уездного духовного училища, навсегда запомнил такое: "Иногда с полчаса и более в комнатах стоит стон и рев от подвергаемых экзекуции. Если это было весной или летом (учеников распускали на летние каникулы с 15 июня по 1 сентября), то во время сечения окна закрывали... чтобы на улице слышно не было" ³.

¹ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 155. Л. 37.

² Блинов Н.Н. Дань своему времени... С. 2.

³ Красноперов И.М. Отрывки из воспоминаний (1850-1860 гг.) // Вятская речь, 1915. № 17. С. 2. Этот текст не вошел в "Записки разночинца" (М.-Л., 1929). Приводимые извлечения из них даны без указания страниц.

Сычугов свидетельствовал, что особо провинившимся бурсакам "на ночь надевали... железный ошейник, запиравшийся на замок, железной цепью ошейник был прикован к толстому чурбану". (Изображение такой "тюльки" воспроизведено в "Истории царской тюрьмы" М.Н. Гернета).

Сторонники воспитания розгами встречались и в гимназии. "У Глебова сечение было главною дисциплинарною мерою, притом, крайне жестокое, писал выпускник гимназии об одном из инспекторов, ставшем позднее директором. - Воспоминания о нем переполнены карцерами, сечением в швейцарской, сечением перед классом или даже перед всеми учениками, и непременно с громадными порциями лозанов... "Смотри, - говорил он грубым голосом, - я высеку, и высеку сам!" (Хотелось бы думать, что автор этих строк все же допустил преувеличение). Иногда "педагоги" прибегали к помощи, как они выражались, "ликторов" из верзил-старшеклассников. По признанию гимназиста 60-х годов, обстановка в гимназии "умственно, физически и нравственно терзала" 1. Заключение в карцер воспринималось и вовсе привычным делом. Делясь вятскими новостями с казанским журналистом Н.Я. Агафоновым, о. Блинов сообщал, что заступивший в 1874 году в должность новый смотритель Сарапульского уездного духовного училища в первый же день службы засадил в карцер шестьдесят пять учеников из ста девяти, затем через короткое время еще сорок два².

Отношение учащихся к учебе было различным. Одни жадно впитывали все, что говорили толковые учителя, другие относились к занятиям с прохладцей. Большая часть семинаристов всерьез помышляла о духовной карьере. Но, по воспоминаниям Сычугова, "серьезным и искренним религиозным чувством, если и обладали, то во всяком случае, очень немногие семинаристы", некоторые бросались в рассуждения "в роде того, что Христос был умный человек, что нет ни Бога, ни загробной жизни, что таинства выдуманы попами с целью наживы". Порывать же с семинарией почти никто не рисковал, тем более, сами "разглагольствующие".

"Мы должны были приучаться лгать, должны скрывать правду, — вспоминал И.М. Красноперов. — И чем дальше продвигались мы по лестнице семинарского образования, тем больше наталкивались на противоречия между нашим духовным миром и действительностью". Он приводил разговор преподавателя, не лишенного человеческих качеств, с учениками: "Вот, что я скажу на это, ребята: ученые говорят, что творение мира и всех планет происходило постепенно, в течение многих миллионов лет... — И мы на экзаменах можем отвечать так, как вы говорите о творении мира? — Боже вас сохрани от этого!

¹ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 203. Л. 4 об.

² Письмо Н.Н. Блинова Н.Я. Агафонову (1874). Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета, собрание Н.Я. Агафонова. № 213. Ч. 2. Л. 850.

Запорют вас..." ¹. На уроке в духовном училище Сычугов имел неосторожность сказать о системе Коперника, о которой слышал от деда-книгочея. Реакция преподавателя последовала тотчас: "Ты опять задумал умничать! К лозе! На что нам знать, почему верится земля, а мы лучше посмотрим, как ты начнешь вертеться под лозой".

Некоторые семинаристы игнорировали Красовского, манкировали его уроками, быстро смекнув, что преподаватель из "новых людей" неугоден начальству. Среди тех, кто с трудом пробивался из семинарии к светскому образованию, к сожалению, хватало холодных расчетливых людей. Выпускник Кулыгинский пешком в худых лаптях с котомкой за плечами добрался из Вятки до Казани и поступил на медицинский факультет университета. В студенческих спорах он не принимал никакого участия. "Что нам за дело, как другие люди живут, – рассуждал будущий Ионыч, – лишь бы нам было хорошо, а то толкуют о каком-то общественном благе". Многое, чем интересовались студенты, характеризовалось Кулыгинским кратко – все это одна "чушь и гиль", социальные вопросы представлялись ему чем-то "вроде нелепости" 2.

В гимназии обстановка складывалась "более мягко". По словам Чарушина, гимназическая среда была "по преимуществу все же демократической и в общем дружной... Чувство товарищества даже в младших классах было развито в достаточной степени, о старших же классах и говорить нечего".

"Чувство товарищества" сплачивало учащуюся молодежь проявляясь, иногда в экстремальных условиях. Зимой 1860 года в Вятке свирепствовала эпидемия тифа. В семинарии заболели сорок воспитанников, не обошлось без смертельных исходов. Но, пренебрегая опасностью, здоровые семинаристы с риском для жизни выхаживали больных товарищей.

Став вольнослушателем Казанского университета, Иван Красноперов бедствовал, перебиваясь грошовыми уроками. Вятские друзья собрали для него кое-что из вещей и двадцать два рубля. В теплом письме они выражали "сочувствие и просили прямо обращаться к ним в случае нужды". Товарищи не побоялись выразить симпатию Красноперову и после того, когда под конвоем жандармов его доставили в Вятку из Казани для следствия по делу о "Казанском заговоре". Они целой толпой явились к тюрьме, лишь только узнав о прибытии Ивана.

Открытое в 1872 году Вятское земское училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей существенно отличалось от других учебных заведений города. Земство

¹ Красноперов И.М. Отрывки из воспоминаний (1850-1860 гг.) // Вятская речь. 1915. № 17. С. 2.

 $^{^2}$ Вульфсон Г.Н. Из истории разночинно-демократического движения в Среднем Поволжье и на Урале. Казань, 1963. С. 25. *Гиль* – по словарю В.И. Даля – "смута, мятеж, скопище".

поставило вопрос о создании училища, где предусматривались бы и сельскохозяйственные науки и основы ремесел. В учебный план вводилось изучение гражданских прав и обязанностей. Предусматривались практические работы в мастерских и на ферме. Предполагалось готовить для земских школ учителей, которые кроме общего образования имели бы достаточные познания в сельском хозяйстве, кустарных промыслах, могли бы оказать помощь крестьянам. Земец Василий Иванович Малинин восхищался училищем: "Обозрел училище... – чудеса! – сообщал он казанскому издателю и публицисту Н.Я. Агафонову. – Учебных пособий такое богатство, какого едва ли найдется в каком-либо уездном учебном заведении. Это просто Вятский университет, технологический институт, земледельческая академия и педагогический институт вместе... Химическая лаборатория, физический кабинет, мастерские столярная и слесарная, скотный двор, кузница, опытное поле для образцового земледелия, земледельческие орудия, амбары - все это ясно устроено и устраивается с неослабным рвением" 1. Малинин, бывший участником студенческого движения 60-х годов, теперь искренне радовался доброму начинанию, энтузиазму преподавателей, возможности для молодых людей получать основательные, полезные для просвещения народа знания:

Земское училище привлекало молодежь, тем более, что новый устав гимназии, утвержденный в 1871 году по инициативе министра просвещения Д.А. Толстого, сыграл отрицательную роль в судьбе школы. Гимназист Петр Неволин жаловался брату, петербургскому студенту, на засилье "классического обучения": "Я уже писал тебе, что у нас в гимназии новый устав, и что в силу этого устава первым, главным предметом - это древние языки. Спрашивается теперь: на кой черт эти языки? Для чего загромождать головы этим хламом?.. История, математика, география сильно стушевались, а естествознание совершенно изгнано... из словесности только и упирают на древнюю литературу, а на новую наплевать... Недостает только розог, а будь розги вышла бы бурса, которую так превосходно описал Помяловский... Учеников выходит из гимназии просто массами" 2. Интенсивность ухода из гимназии Неволин-младший явно преувеличивал, но к практическим знаниям молодежь действительно тянулась. Гимназист Михаил Бородин говорил о "бесполезности изучения древних языков, отдавая предпочтение курсу реальных училищ" 3. Земское училище давало такую возможность.

Социальный состав учащихся был разнообразен. На второй год существования в земском училище обучалось 30 выходцев из крестьян, 27 - из духовного сословия, 15 - из мещан, 13 - из чиновничества, 4 - из купечества.

¹ Письмо В.И. Малинина Н.Я. Агафонову 15 мая 1874 г. - Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета, собрание Н.Я. Агафонова, № 213. Ч. ІІ. Л. 605-606 об.

 $^{^2}$ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 112, Оп. 2. Д. 688. Л. 41.

³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 91. Л. 31 об.

Сюда устремлялась и молодежь из других учебных заведений. В 1874 году из уездных училищ в земское перешел 21 человек, из гимназии – 7, из семинарии - 4 ¹. Участник "хождения в народ" Павел Кудрявцев пояснял: "Я поступил в земское училище из семинарии, чтобы приготовить себя к практической деятельности, чтобы будучи наставником не получать даром денег" ². Леониду Спасскому, перешедшему в земское училище из гимназии, приходилась по нраву "более практическая программа". Училище снискало известность за пределами края. Сюда приезжали из других мест, иногда отдаленных, например, двое парней даже прибыли с Черниговщины.

По сравнению с гимназией, а особенно с семинарией, учеба в земском училище шла интереснее. Во время большой перемены воспитанники занимались гимнастикой на шведской стенке и других снарядах. Рабочие места в просторных мастерских были тщательно оборудованы. Много времени учащиеся проводили на свежем воздухе - при училище имелось до 30 десятин земли для опытных участков. Библиотека располагала неплохим выбором книг и журналов. Досмотр над чтением, разумеется, существовал. На полях "Отчета по учебно-воспитательной части Вятского земского училища" за 1874 год против абзаца о работе библиотеки и выдачи книг учащимся стоит бдительная пометка: "Желательно знать, какие". Начальство опасалось увлечения своих питомцев нежелательными веяниями. "Правила" училища гласили: "Ученики отнюдь не должны составлять между собою или с посторонними лицами какого-либо обществ, или вступать в таковые общества под опасением немедленного исключения из учебного заведения". Воспитанники и внешним видом значительно отличались от гимназистов и семинаристов, походя, пожалуй, на студентов Петровской земледельческой академии.

Так жили учащиеся вятских учебных заведений, различные по социальному происхождению, материальному положению, устремлениям и характеру. Лучшие из них сыграли немаловажную роль в жизни Вятского края и далеко за его пределами. Некоторые из них стали известны всей России. И огромную роль в становлении их взглядов сыграли учителя-гуманисты, преподававшие в семинарии, гимназии, земском училище и других учебных заведениях Вятки.

Многое зависело от учителей. Во второй половине 1850-х годов вятским семинаристам преподавал словесность выпускник Петербургской духовной академии Александр Красовский. Вместо привычного и не особенно творческого метода ведения уроков, к сожалению, типичного для иных учителей, он старался ввести в занятия характер "живой дружеской беседы", предлагая для сочинений темы, не совсем обычные, например, автобиографии. Этим самым Красовский получал возможность знакомиться с жизнью своих

 $^{^1}$ Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25 лет. Сб. 1. Ч. 2. Вятка, 1895. С. 303.

² ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 233. Л. 119 об.

питомцев, их материальным положением, духовными запросами. Иван Красноперов вознамерился писать только правду, о том, как его притесняли, нещадно секли, как хотелось ему учиться.

По окончании Главного педагогического института в Петербурге Михаил Шемановский некоторое время преподавал математику в ковенской гимназии. Но обстановка там тяготила молодого учителя, который стал обдумывать возможность перевода в вятскую гимназию. "Я нахожу Вятку гораздо лучше во всем, чем Ковно, — сообщал он Н.А. Добролюбову. — Ковно — это Крутогорск в более утонченном, в более гадком виде: в настоящем Крутогорске все дела делаются прямо, нахрапом, как говорит Щедрин... Даже гимназия представляет Крутогорск в миниатюрном виде: в ней нет учителей, наставников, а есть только чиновники, грызущие друг друга тайно и явно... сплетни обо мне, китайские ужимки... я думаю проситься летом в Восточные губернии..." ¹.

"Восточные губернии" привлекали Шемановского не случайно: в Вятке жила его сестра, в Казанском университете учился брат. В марте 1859 года намерение Шемановского осуществилось, он переехал в Вятку, но почти сразу же известил Добролюбова, что, по его мнению, и вятская гимназия немногим отлична от ковенской. Вскоре у молодого учителя обострились отношения с директором: "Директор аттестует меня по малой мере дерзким, непокорным начальству и проч... Вот конец моей честной свободной деятельности, а директор по-прежнему будет ругать учеников". По аттестации Шемановского директор – "человек грубый с гимназистами, начальнически величавый с учителями при учениках; а без учеников начальнически самолюбивый признаки недальности ума и бедности нравственного образования". Под пятой И.М. Глебова, по мнению Шемановского, оказалось большинство учителей: "В нашей гимназии педагогический совет потерял и тень своего значения. Учителя ропщут... Я истый приверженец коллегиального управления... Я восстаю на узурпатора директора, распоряжающегося мнениями учителей (Трудно сейчас разобраться в их отношениях. характеристика, данная Шемановским директору, страдала определенной тенденциозностью, хотя, возможно, и Глебов не во всем оказывался прав по отношению к талантливому учителю).

Преподаватели вятских учебных заведений проявляли различные умственные и человеческие качества. На рубеже 50-60-х годов из 32-х учителей гимназии 23 имели высшее образование, 5 — незаконченное, 3 — среднее. Четверо вышли из Главного педагогического института в Петербурге, одиннадцать из Казанского университета. Многие были вятчанами по рождению. Шемановский отмечал, что его "искреннее уважение навсегда остается к некоторым из вышедших в те времена из Казанского университета".

¹ Материалы для биографии Н.А. Добролюбова... С. 405.

В таком мнении он укрепился именно, "бывши учителем в Вятской гимназии" 1 .

В женской гимназии преподавали те же учителя, что и в мужской. В семинарии вели занятия выпускники духовных академий. К сожалению, учителя. Один ИЗ семинарских преподавателей всякие собственноручно изготовлял разных фасонов дурацкие колпаки и вывески на грудь провинившихся учеников с издевательскими надписями: "Я – лентяй", "Я – болван", "Я – дурак". Бездарные преподаватели встречались и в семинарии и в гимназии. Некоторые тяготились занятиями, проводя их сухо и схоластично. Задания давались "от сих до сих", часовые уроки сокращались на Е.М. Овчинников даже на полчаса. вспоминал, семинаристов проходило бестолково, что им никто не руководил и вообще много времени тратилось впустую. Под стать этим семинарским оказывались и некоторые гимназические учителя. Сохранились воспоминания об одном из них: "Придет, бывало, в класс; нужно новый урок задать, объяснить чтонибудь; обращается к ученикам: дайте, господа, геометрию. Дадут: уж он читает, читает, насилу, по-видимому, поймет. Станет объяснять, собьется, перепутает, опять примется читать. Даже тоска берет". Н.А. Чарушин рассказал об учителе немецкого языка Борнгардте, который вел уроки "плохо и апатично", но, хотя ученики почти не занимались, приличные оценки он ставил почти всем. Учитель Барановский, преподававший французский, оказался любителем неуклюжих нравоучений: "Вот и Каракозов тоже имел плохие тетрадки, и его повесили..." И еще несколько отзывов, сохранившихся в архиве: "Инспекторы и директора никогда не отличались педагогическими способностями и вовсе не пользовались популярностью и уважением со стороны учеников", "учителя, будучи под полицейским надзором своего директора, те из них, которые были от природы бездушными холодными формалистами, подражали своему начальству", "учителя сухи и далеки от учеников, очень нуждающихся в теплом, отеческом отношении к ним", "физически, умственно и нравственно меня гимназия терзала". В подобных аттестациях, конечно, многое зависело от индивидуальности авторов отзывов. Не исключена и утрированность высказываний. Тем более ценной оказывалась добрая память о талантливых преподавателях.

Учащиеся стремились найти в учителях старших товарищей и наставников. Взгляды на учение, воспитание и роль учителей изложил Иван Красноперов в письме к своему знакомому, в котором решительно опровергал изложенные тем суждения: "По Вашему мнению ученик и не должен ослушаться учителя, не должен уклоняться от своих будто бы обязанностей, а преспокойно и с сознанием выслушивать официально трактуемую учителем дичь... Вы требуете,

¹ Шемановский М.И. Воспоминания о жизни в Главном педагогическом институте 1853-1857 годов // Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1961. С. 66.

что ученик - это мешок, набиваемый разными разностями, должен играть в учебном заведении пассивную роль, обязан только слушать учителя, учить лекции и не сметь свое суждение иметь, так как все это будто бы законно?" На шести емко исписанных страницах Иван высказывался о взаимоотношениях учителя и ученика: "Главная обязанность всякого учителя заслужить любовь и, конечно, уважение от своих учеников, поставить себя в равные, одинаковые с ними отношения, так чтобы не было и помину слова "учитель" и "подчиненный" (в противном случае все будет основываться на чувстве страха). Тогда-то ученики и будут слушать своего учителя, а нет, чтобы должны слушать. Здесь в слове должны предполагается уже насилие, принуждение. Коль скоро эта нравственная связь между учениками и учителем порвалась - ученики уже не слушают и никогда не будут слушать этих "законных" декламаций учителя, да и тогда он не имеет и права требовать, чтоб его слушали и исполняли его приказания, так как и всякого человека, который почему-то потерял в глазах наших уважение, и с которым мы прекратили всякие отношения" 1.

Отношение учеников к учителям складывалось неоднозначно. "Что касается преподавателей, – вспоминал Н.А. Чарушин, – то среди них были у нас всякие. Были и совсем никчемные, которых мы не уважали, у которых не учились, над которыми нередко зло издевались. Были и такие, которых не любили, но уважали и у которых, как у толковых и знающих преподавателей, охотно учились. Но любимых и в то же время уважаемых преподавателей, оказывавших на нас благодетельное влияние и способствовавших нашему развитию, было совсем мало – один-два, да и только! Мы не только учились у них, но и всегда особенно бережно относились к ним".

Уважали учащиеся преподавателя русского языка Александра Кондратьевича Халютина. Не выучить урока у него было нельзя, незнание сразу обнаруживалось. "Под суровой наружностью у Халютина скрывалось доброе сердце... Халютин был любимцем в старших классах, потому что не относился здесь к ученикам свысока и энергично заступался за них на экзаменах".

Добрая память осталась у гимназистов о преподавателе естествознания Николае Федоровиче Шнейдере. Он глубоко разработал учебный курс, собрал богатые коллекции и гербарий, в преподавании обращался к трудам историка и социолога Г.-Т. Бокля, объясняя развитие человека непосредственно условиями географической среды.

Снискал уважение энергичный учитель математики и физики Василий Петрович Хватунов. Он преподавал необыкновенно живо, только ленивый не усваивал его предметов. Ясность и сжатость объяснений почти исключала

¹ Письмо И.М. Красноперова неизвестному адресату 11 июля 1861 г. - Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета. № 334/8. Л. 16 об, 18.

необходимость домашней работы. Хватунов увлекал учеников, однако, этим отношения с ним и оканчивались.

Гимназисты любили словесника Виктора Павловича Москвина. Отменно знающий литературу, следящий за ее развитием он старался заинтересовать и учеников. Уроки его всегда проходили в полной тишине. По убеждению Москвина, учитель словесности был "обязан следить за каждым более или менее замечательным явлением литературы", процесс обучения должен рассматриваться в теснейшей связи литературы с жизнью народа и общества. На уроках Москвин мог повести речь и о современных писателях, изучение которых не входило в обязательный курс словесности, да и, по правде говоря, не особенно поощрялось. Помимо всего он собирал вятские диалектизмы, пословицы, приметы, заговоры, привлекая к сбору фольклора и гимназистов.

Любимым учителям прощались некоторые слабости. Колоритнейшая личность латиниста Алексея Ивановича Редникова, проработавшего в гимназии тридцать лет, особенно запомнилась всем. "Алёхе" извинялось многое, в том числе, неряшливость в одежде – засаленный вицмундир и широченные из толстого драпа брюки ("фигура Собакевича"). Бывавшие у Редникова дома видели неприбранность холостяцкой квартиры с кучами сигарного пепла где попало: на книгах, в горшках с засохшими цветами. Замечали ученики, по словам Чарушина, другое: "...умный, энергичный, отличный знаток языка, который он любил и в котором обладал профессорскими знаниями... Какое-то сложное чувство вызывала в нас эта несомненно оригинальная, цельная и талантливая личность учителя". Признание "профессорских знаний" весьма примечательно, ведь многие из гимназистов отрицательно относилось к изучению "мертвых языков". Зато ученики Редникова, заинтересованные латынью, "смело переводили любого классика, не боялись никаких переводов с русского языка, понимали и любили язык" 1. Это воспоминание одного из учеников не распространялось на всех гимназистов, но многие из них благодарили "Алёху", который не топил их на экзаменах. Испытательный комитет Казанского университета всегда выделял качественные знания выпускников Вятской гимназии, причисляя их к выпускникам Пермской и 2-й Казанской гимназий, считавшимся лучшими в Казанском учебном округе 2 .

Воспитание чувства человеческого достоинства - вот с чего начинали "пионеры гуманистической пропаганды" (выражение А.И. Герцена). Учащиеся видели в таких учителях товарищей, обретали верных и надежных наставников. "Новые люди" действовали не только словом. Зимой 1860 года,

¹ Васильев М.Г. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования. 1811-1911. Вятка, 1911. С. 126.

² Корбут М.К. Казанский университет им В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. Казань, 1930. С. 169.

когда в Вятке свирепствовал тиф, Красовский поселил у себя Ивана Красноперова. Несмотря на заботливый уход, его состояние все же ухудшилось. Занемогшего семинариста пришлось отправить в больницу. На всю жизнь Иван Маркович запомнил, как его выносили из дома на углу Московской и Воскресенской, а Красовский бережно кутал своего воспитанника собственной шинелью.

Для преподавателей "нового типа" воспитанники были не "ослами и болванами" (такими кличками щедро награждали их "рутинисты"), а "младшими товарищами". Каждый из них мог бы сказать о себе словами Шемановского: "Я - учитель, человек современный, с гуманным взглядом на воспитание и, положим, достигший до такой степени развития, на которой мне делается невыносимым всякое унижение Божеского лика и в 15-летнем мальчике..." Входя в класс, Красовский вежливо здоровался с учениками, обращаясь на "вы". Его уроки носили характер "дружеской беседы", дисциплина устанавливалась простым обращением: "Нельзя ли потише", и ученики сами наводили порядок на буйной "камчатке". Яков Григорьевич Рождественский говорил, что силы питомцев необходимо "вызвать на общее дело".

Передовые учителя серьезно задумывались о проблемах обучения и воспитания. Красовский прямо высказывался "о неудовлетворении способом преподавания, который велся в семинарии". Шемановский выступал в печати по вопросам преподавания математики. В "Журнале для воспитания" (1859, № 9) появилась его статья о способе решения неопределенных уравнений первой степени. Живо интересуясь вопросами преподавания, Шемановский написал для "Современника" отрицательную рецензию на учебник геометрии некоего П. Ефремова, который, пользуясь связями, беспардонно проталкивал свое бездарное творение в гимназии Казанского учебного округа. "Автор бесчестно поступает с нашими училищами, - извещал он Добролюбова, - навязывая силою свое сочинение..."

Вспоминая о том, что преподавателей, оказывавших на учеников благодетельное влияние, было совсем мало, Чарушин не погрешил против от истины. Тем более, такие учителя сохраняли о себе благодарную память жизнь. Савватий Сычугов, одержимый всю университете. тщетно пытался получить помощь ПО семинарских преподавателей. Случайно он познакомился с Шемановским: "Его симпатичная, открытая натура покорила меня. Когда я рассказал о своем горе с первыми числами, он так хохотал, что вместе с кашлем у него показалась кровь. (Шемановский страдал чахоткой. "Здоровье мое дрянно, - писал он Добролюбову, - надеюсь, впрочем, на родной климат Крутогорска". – В.С.). Напоследок он зазвал меня к себе и в полчаса сообщил столько, сколько в

¹ Материалы для биографии Н.А. Добролюбова... С. 530.

семинарии я не узнал бы и в полгода у своего математика Попова... Он предложил заниматься со мною ежедневно по часу... Для хороших разговоров мы виделись почти каждый день. Достаточно сказать, что мы разговаривали в конце 50-х годов, чтобы понять великое значение этих разговоров для меня".

Сычугов два письма Шемановского берег, "как святыню". Чарушин вспоминал о Рождественском: "Благодарная память об этом выдающемся педагоге и человеке живет и по сие время в сердцах". Когда Яков Григорьевич покинул Вятку, то ежегодно в день его рождения бывшие ученики присылали в Уфу, Екатеринбург, Пензу, где он потом учительствовал, поздравительные телеграммы.

Людей типа Шемановского и Рождественского можно называть, пусть несколько архаично - не учителя, а учители. Учителя - это те, кто нас когдалибо, чему-либо учил, преподавал, вел тот или иной предмет. Их можно помнить, а можно и забыть. Учители - это те, кого помнят всю жизнь с искренней любовью, причем они могут быть не обязательно учителями в узко профессиональном значении этого слова. В учебных заведениях Вятки в XIX веке, как и всюду и во все времена, тоже были учителя и учители. О первых осталась или плохая память, или имена их забылись. Учители навсегда сохранились в благодарных сердцах учеников.

"ЧАСТО ПРИХОДИЛОСЬ СЛЫШАТЬ О ССЫЛЬНЫХ"

Говоря о Вятском крае, о становлении воззрений разночинной интеллигенции нельзя миновать тему ссылки.

Профессора Технологического института Васильцева выслали Петербурга в родовое имение "без права выезда из оного". Его приезд вызвал в округе оживление. "О новоприезжем и о причинах его неожиданного появления немедленно пошли самые нелепые и преувеличенные толки, многие подозревали в нем опасного конспиратора; это подозрение окружало его таинственным, в то же время и устрашающим и привлекательным нимбом". Вскоре профессор встретился с девушкой из аристократической семьи Верой Баранцовой. Идеалами мечтательной и склонной к экзальтации новой знакомой Васильцева были подвижники веры, миссионеры, несущие светоч христианства в дальние земли. Поинтересовавшись книгой, которую читала Вера, Васильцев не удержался от легкой иронии по поводу выбора чтения. Но девушка горячо заступилась за книгу, выпрошенную у няни, запальчиво стала говорить о самоотверженности подвижников, живших в прежние времена.

"Мученики есть и теперь, – серьезно проговорил Васильцев. Вера взглянула на его удивленным долгим взглядом… – Разве вы никогда не слыхивали, что и в России сажают людей в тюрьмы, ссылают в Сибирь, подчас даже вешают? Как же вы еще спрашиваете, есть ли мученики? – Да ведь у нас же ссылают

только злодеев, преступников!.. – Случается, что ссылают и за другое, - проговорил Васильцев вполголоса". Под его влиянием кругозор Веры изменился. Жития святых уступили место сочинениям Добролюбова. У окрестных же помещиков высланный профессор вызывал раздражение и подозрительность, зато крестьяне не чаяли в нем души. В собственном имении Васильцев раздал землю без выкупа; соседним крестьянам помогал "непрошенными советами", чем расстроил "не одну хитроумную операцию", придуманную тем или иным помещиком при разделе с его бывшими крепостными.

Однажды в усадьбу Васильцева нагрянул жандармский полковник. В предъявленной им бумаге "стояло, что дворянин Степан Михайлович Васильцев - лицо весьма опасное для спокойствия края. Поэтому губернатор на основании власти, свыше ему данной, предлагает ему переменить свое теперешнее место жительства на прекрасный, хотя и несколько более отдаленный город – Вятку".

После долгого ожидания Вера получила письмо от Васильцева. "Писать ей обыкновенным образом по почте он не мог: письма были бы перехвачены полицией или ее родителями, но он умудрился прислать весточку через знакомого купца, имевшего торговые связи с Вяткой". Васильцеву удалось переправить еще три письма. Он сообщал Вере, что есть надежда на окончание ссылки, во всяком случае через два с половиною года. Потом письма перестали приходить... И однажды Вера заметила, как с большой дороги к знакомому дому свернул тарантас. Исправник, сопровождавший приехавших, знал Веру: "Извольте представить... родственники нашего бедного Степана Михайловича. На днях получили официальное известие, что двоюродный братец их скончался в Вятке от чахотки". Лишь через несколько дней, когда Вера стала приходить в себя от перенесенного потрясения, ей передали письмо, написанное Васильцевым перед смертью: "Я знаю, я чувствую, что ты призвана к чему-то высокому и прекрасному. То, о чем я только мечтал, ты совершишь, то, что я только смутно предчувствовал, ты выполнишь..."

Вера и закончивший жизнь в вятской ссылке Васильцев — герои повести "Нигилистка", написанной математиком, писательницей, участницей общественного движения Софьей Ковалевской. История вымышлена, но она могла произойти, потому что существовали десятки и сотни людей, прошедших в разное время ссылку в Вятской губернии. Для некоторых она закончилась так же, как и для Васильцева. И все-таки не случайно, что героя повести сослали в Вятку, а не в Воронеж или Тамбов, хотя в Перми или Вологде он тоже мог оказаться.

Слово "Вятка" для людей, живших в царствование Николая I и двух Александров, да и позднее, стало знаком политической ссылки. "В Вятку его за лжемудрствование!" - иронизировал "Колокол". В том, что именно Вятка, а не Пермь с Вологдой стала символом ссылки, заслуга А.И. Герцена, который

первым описал Вятку как ссылочное место на страницах "Былого и дум". Немало способствовал подобной "пропаганде" Вятки и М.Е. Салтыков-Щедрин. Читатели "Губернских очерков" знали, что Крутогорск - это Вятка, и, догадывались, что автор пробыл там несколько лет отнюдь не по собственному желанию.

Несколько месяцев в Вятке под надзором провел декабрист Иван Горсткин. Здесь же отбывал ссылку участник кружка братьев Критских канцелярист Николай Тюрин. В вятском изгнании закончил дни учитель Гоголя Казимир Шаполинский, привлекавшийся по делу "о вольнодумстве" в Нежинском лицее. Не перенеся сурового климата, умер сосланный в 1832 году в Вятку участник заговора грузинских дворян, философ, общественный деятель и просветитель Соломон Додашвили. В начале того же года в губернии находилось свыше трехсот поляков-повстанцев. (Через год по амнистии им разрешили вернуться на родину). Позднее вятскую ссылку отбывали более 560 участников польского восстания 1863 года. Многим довелось перед этим испытать каторгу и ссылку в Сибири. Не случайно поляки пели о том, что им пришлось пройти по этапам "до Камчатки, до Нерчинску и до Вятки". А эпиграммист С.А. Соболевский в 1852 году тоже зарифмовал Вятку с далеким полуостровом: "Пусть его хоть в Вятку, // Коль нельзя в Камчатку!" 1.

Во второй половине 40-х годов в Петербурге выходил альбом карикатур "Ералаш". Его издатель М.Л. Невахович среди прочих рисунков представил в цензорский комитет вид Петербурга с "окрестностями". При этом окрестностями российской столицы оказался не только Шлиссельбург, но и Вологда, и Пермь, и Вятка... Неваховича вызвал сам начальник штаба отдельного корпуса жандармов, управляющий ІІІ отделением Л.В. Дубельт и пригрозил, что в случае повторения подобной шутки издателя незамедлительно отправят в одну из обозначенных на рисунке "окрестностей" ².

К теме вятской ссылки часто обращался Герцен. В "Колоколе" он поместил исполненное сарказма письмо публициста и историка князя П.В. Долгорукова, который уже отбывал ссылку в Вятке в 1843-1844 годах. Письмо эмигрант адресовал двоюродному брату, шефу жандармов, начальнику ІІІ отделения В.А. Долгорукову: "... вы требуете меня в Россию, но мне кажется, что зная меня с детства, вы могли бы догадаться, что я не так глуп, чтобы явиться на это востребование. Впрочем, желая доставить вам удовольствие видеть меня, посылаю вам при сем мою фотографию, весьма похожую. Можете фотографию эту сослать в Вятку или в Нерчинск, по вашему выбору, а сам я - уж извините - в руки вашей полиции не попадусь, и ей меня не поймать!"

¹ Соболевский С.А. К.К. Яниш-Павловой // Русская эпиграмма второй половины XIXначала XX в. Л., 1975.С. 375.

² Подробнее см.: Сергеев В.Д. Вятка – окрестность Шлиссельбурга. Сергеев В.Д. Сам я – вятский уроженец. Вятка. Из истории Вятки. Вятка (Киров), 2000. С. 86-87.

В ведомости 1857 года числилось всего двое политических ссыльных - К. Шаполинский и Ф. Трейманн, высланный из Эстляндии "за возбуждение ненависти к правительству". Кроме того в ссылке находились несколько поляков, сосланных за различные действия против властей, и горцы, участники борьбы против царских войск на Кавказе. Но к концу 50-х годов положение изменилось. Приток ссыльных стал нарастать. Из Петербурга выслали Василия Лаврецова, который хорошо знал Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, М.Л. Михайлова. "Лаврецов был довольно долго библиотекарем в публичной библиотеке Крашенинникова (бывшей Смирдина) на Михайловской площади, и там я с ним познакомился, - говорится в "Записках" М.Л. Михайлова. - Его знание своего дела, симпатичный характер, страсть к чтению и большая любознательность сблизили его скоро со многими молодыми людьми... В 1857, кажется, году он был арестован за то, что выдавал для чтения абонентам библиотеки несколько лондонских изданий, собрать которые ему стоило большого труда".

Примечательной чертой общественного движения 60-х годов стали студенческие выступления. В "Колоколе" сообщалось о высылке студентов "в разные города губерний Вятской, Вологодской, Олонецкой". 1860 - В попал участник Харьковско-Киевского тайного Владимир Ивков. 1861 - В Слободской же водворен студент Петербургского университета Александр Френкель. В Орлов - студент Московского университета Ксаверий Корево (за исполнение во время службы в костеле польского революционного гимна). 1862 - В Вятку отправлены студент Казанского университета, бывший вятский семинарист Николай Беневицкий, обвиненный "в соучастии по устройству панихиды по крестьянам, убитым в Яранск Северин Смоленский, vчастник селе Бездна": П.Э. Аргиропуло и П.Г. Зайчневского, в Уржум - Петр Свешников. Оба студенты Петербургского университета. В Глазов попал московский студент Порфирий Войнаральский. Другой студент Московского университета Сергей Борисов выслан в Вятку. 1863 - Из Петрозаводска в Вятку перевели участника студенческого движения, друга землевольцев Л.Ф. Пантелеева и Н.И. Утина Константина Гена. 1864 - выслан в Яранск, а позднее переведен в Вятку преподаватель Нижегородского дворянского института Николай Копиченко, глава нижегородского отделения "Земли и воли".

Во второй половине 60-х годов количество ссыльных в губернии увеличилось. Ананий Куща выслан за участие в работе саратовского кружка, Владимир Капацинский - за связь с каракозовцами, Петр Петерсон - за пропаганду среди крестьян в Лифляндской губернии. Из Вологодской губернии в Вятскую перевели Александра Фрязиновского, из Сибири Василия Хохрякова, выпускника Вятской гимназии, который, будучи студентом, в Петербурге вел революционную пропаганду в воскресных школах.. Перечень далеко не полный... И люди разные. Среди них немало зеленой молодежи,

только что прикоснувшейся к революционной работе. Но здесь же и опытные люди, несмотря на молодость. Александра Линева арестовали 23-х летним, но он уже успел побывать за границей, находился в связи с Герценом и Огаревым. После ссылки в Тотьму Вологодской губернии из-за "вредного влияния на местное общество" Линева перевели в Нолинск. Чуть ранее Порфирия Войнаральского "за возмущение спокойствия" переместили из Глазова в Яренск Вологодской губернии. Так совершался обмен "крамольниками". В данном случае равноценный: Линев позднее стал активным помощником П.Л. Лаврова в издании газеты и журнала "Вперед!", а Войнаральский снискал известность как участник "процесса 193-х".

Помимо студентов среди ссыльных находилось еще человек двадцать из отставных чиновников и канцеляристов, высланных за составление жалоб и прошений крестьянам, за толкование документов реформы в крестьянских интересах; за призыв к отказу выплат по выкупным платежам.

Своеобразной категорией ссыльных являлись участники крестьянского движения. В Вятской губернии насчитывалось более шестидесяти крестьян, высланных за отказ платить оброк и отбывать барщину до перехода на выкуп, за "преднамеренную порчу" помещичьего имущества, за самовольный передел земли. Причины высылки мотивировались "безнравственностью поведения", "возмущением спокойствия", но иногда указывалась и конкретная причина: "за неприятие уставной грамоты", "за превратное толкование временной обязанности", "за отказ платить выкуп" 1. Среди "подстрекателей" оказывались крестьяне, высланные из Симбирской, Самарской, Саратовской губерний, и из более отдаленных - Ковенской, Ставропольской.

Особое внимание привлекают два крестьянина из села Бездна Казанской губернии. Оба высланы без срока "за подстрекательство к неповиновению крестьян". Один из бездненцев - Александр Бехтев, попавший в Слободской, не получал от казны ничего, второй - Петр Чегодаев, водворенный в Слободской уезд, имел "арестантскую дачу". Имя Бехтева прослеживается в бездненских событиях. В "Списке раненых и умерших от ран крестьян Казанской губернии Спасского уезда с 15 апреля по 3 мая 1861 года" значится раненным крестьянин Александр Леонтьевич Бехтев. Это и есть будущий вятский ссыльный. Указанный в том же списке крестьянин К.Ф. Чегодаев, получивший при расстреле 12 апреля опасные ранения и через неделю умерший, скорее всего, родственник Петра Чегодаева ².

Сведений о влиянии ссыльных крестьян на сельское население Вятской губернии в годы отмены крепостного права нет (в последующее десятилетие

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 73. Л. 51 об., 88, 168-187, 212.

 $^{^2}$ Там же. Д. 49. Л. 94; Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ), Ф. 1. Оп. 2. Д. 1713. Л. 36, 68, 69, 73 об "Список раненых и умерших от ран крестьян Казанской губернии Спасского уезда с 15 апреля по 3 мая 1861 г."

они появились), но одно не подлежит сомнению - среди крестьян-ссыльных оказывались опытные народные вожаки, которые могли, оказывать воздействие на настроения местных крестьян.

Н.А. Чарушин вспоминал: "С 1870 г. начинают появляться ссыльные... непосредственные участники начавшегося в России революционного движения или соприкасавшиеся с ними. Немного их было в первые годы, но с ростом революционного движения росло и их число". Ссыльные попадали в Вятскую губернию за участие в кружках и организациях, в студенческих сходках и волнениях, за распространение нелегальной литературы. Среди них оказывались участники "процесса 193-х", члены "Северного союза русских рабочих". Увеличилось число высланных крестьян из поволжских и центральных губерний, высылались крестьяне с Украины, из Белоруссии.

Некоторые ссыльные имели широкую известность в общественном книгопродавец и издатель Флорентий Павленков; участник в Петербурге, будущий студенческого движения землеволец Василий Трощанский... В Вятке отбывал ссылку участник "процесса 193-х", младший брат Германа Лопатина Всеволод (их отец был выпускником вятской гимназии). В Слободском находился студент Киевского университета Павел Пугинюк, который перевел на украинский язык пропагандистскую "Сказку о четырех братьях". На его квартире собирались и другие ссыльные. В Вятской губернии отбывали ссылку братья Дмитрий и Тимофей Франжоли. Новая, но характерная особенность - среди ссыльных этого периода все больше женщин. В Уржуме, а затем в Нолинске отбывала ссылку Софья Лаврова, причастная к делу о покушении на шефа жандармов Н.В. Мезенцова; в Котельниче Вера Рогачева, жена известного пропагандиста Дмитрия Рогачева; в Яранске, а потом в Вятке Мария Четвергова, действовавшая в кружке "москвичей", "Всероссийскую оформившемся во социально-революционную организацию". Отбывали ссылку в Вятской губернии Мария Малиновская за попытку проникнуть по подложным билетам на "процесс 50-ти"; Эвелина Улановская и Клавдия Мурашкинцева за участие в нелегальной сходке (а Мурашкинцева еще и за сбор денег на издание газеты "Земля и воля").

Жизнь ссыльных нередко была исполнена суровых испытаний и горьких лишений. Многие из них подписались бы под словами Короленко: "На мою долю выпало сомнительное счастье на собственной шее вынести замечательно полный и совершенно законченный цикл административных мероприятий".

Пожалуй, только лишь А.М. Унковский, деятель либерального движения, мог написать: "Ссылка эта только по звуку была страшна, в действительности же она представляла мне немало хорошего". Он вспоминал, что губернатор М.К. Клингенберг и его жена "производили удивительно высокое и стройное впечатление... Жить под их кровом значило не в ссылке быть, а приехать в

гости к прекрасным, глубокомысленным людям" ¹. Прожил Унковский в Вятке недолго, со 2 марта по 7 сентября 1860 года. Хотя Алексея Михайловича, предводителя дворянства Тверской губернии, именовали "красным", он все равно находился на одном социальном уровне с вятским губернатором. Да и суровые времена николаевского царствования прошли. Клингенберг не оказался Тюфяевым. (Когда Герцен отправлялся в Вятку, пермский доктор Чеботарев напутствовал его: "Вы едете к страшному человеку. Остерегайтесь его и удаляйтесь, как можно более. Если он вас полюбит, плохая вам рекомендация; если же возненавидит, так уж он вас доедет, клеветой, ядом, не знаю чем, но доедет...")

В большинстве своем ссыльные, люди небогатые, а то и вовсе бедные, терпели неустроенность, а подчас и нищету. За год до того, как Унковский "гостил" у вятского губернатора, Шемановский сообщал Добролюбову о другом ссыльном, уже упоминавшемся разночинце Василии Лаврецове: "Деньги, которые у него были, пропил, вещи заложены и кроме положенного жалования (по 90 к. в месяц) не получает". (Добролюбов, знавший Лаврецова, нашел средство помочь ему через Шемановского).

Судьба некоторых ссыльных складывалась печально и походила на участь героя стихотворения, которое послал товарищу неизвестный ссыльный из Котельнича в 1875 году:

Под горькою сенью Я подрастал. Смиренью, терпенью Отец обучал.

В бурсу свели. "Учись", - наставляли... Лоз принесли -Меня отодрали.

Латынью душили, Нелепостью разной, Шпионству учили, Ябеде грязной. С бурсой простился И с силою новой В борьбе очутился С жизнью суровой.

С трудом учиться В Питер собрался Но, надо ж случиться, В беду я попался.

Сослали далёко На север холодный. Жить одиноко Жизнью негодной 2 .

"Жизнь негодная" могла поломать судьбы ссыльных. Находившиеся под полицейским надзором в уездных городах получали от казны по 25 коп. в сутки и 20 коп. на квартиру за месяц. (В Вятке на квартиру давали по 50 коп. в месяц). Особенно страдали ссыльные, обремененные семьями, если не приходила помощь от родных. Происходили трагедии - ссыльные, сломленные нищетой и безвыходностью положения, решались на самоубийство. Тему

¹ Отзыв А.М. Унковского о ссылке в Вятку // Труды Вятской ученой архивной комиссии. комиссии. Вятка, 1906. Отд. третий. Вып. V-VI. С. 90.

² ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 130. Л. 4-4 об.

положения ссыльных поднимала "Вятская незабудка" (1877): "Говоря о Слободском, необходимо указать на одну из его особенностей - это "ссыльный город", как и вообще все города Вятской губернии. Вообще тяжелое положение ссыльных заслуживает особого внимания... В Слободском застрелился 27-летний поляк Грабовецкий... он предпочел мгновенную смерть медленному и мучительному умиранию". После смерти Грабовецкого в его убогой каморке обнаружили... четыре копейки.

О положении ссыльных извещала и нелегальная печать. В пятом номере "Листка "Земли и воли" (1879, 8 июня) сообщалось: "В гор. Слободском, Вятской губернии, умер в апреле месяце от бронхита политич. ссыльный рабочий Васильев". В другом "ссыльном городе" Орлове из-за тяжелого нервного заболевания покончил с собой студент Петровской земледельческой академии Александр Война. (Он попал в ссылку за участие в народнической пропаганде, за близость к нелегальной типографии Ипполита Мышкина). На гроши от казны Война вынужден был содержать жену и новорожденного сына. К физической работе ссыльный оказался неспособен по причине слабого здоровья, безуспешно пытался заняться переплетным делом. Критическое состояние его усугубила смерть жены. В августе 1879 года Война застрелился. В начале октября сообщение о трагедии в Орлове попало на страницы первого номера "Народной воли". Гибель товарища тяжело отразилась на настроениях орловских ссыльных. Врач Федор Семенович Покрышкин, сам отбывавший Татьяна Авксентьевна приняли жена воспитание ссылку, его на пятимесячного сына Александра и Марии Война 1.

Местное население в большинстве своем относилось к политическим положительно. М.Л. Михайлов вспоминал проезд через Вятку в сибирскую каторгу: "Я лишь ненадолго останавливался в Вятке, чтобы пообедать, да написать письмо... Хозяйка дома, в котором помещалась почта, видя, как я изнеможен, упрашивала меня остаться переночевать, а на ночь сходить попариться в бане". Поездка к месту ссылки после тюремного заключения оборачивалась для вчерашних арестантов даже радостью. Владимира Короленко с братом везли в Глазов. На косяке окна ямской станций он прочел надпись, оставленную уже проехавшей партией ссыльных. Среди подписей оказалось знакомое имя - Клавдия Мурашкинцева. Ямщики рассказали, что

¹ Архив "Земли и воли" и "Народной воли". М., 1932. С. 266-267. Ф.С. Покрышкин служил земским врачом в Рязанской губернии. На лето к нему приехали студенты, которые вели с крестьянами беседы, давали им книжки. "Это была одна из ранних изолированных попыток хождения в народ, немного наивная и не очень страшная... Возникло громкое дело... Доктор Покрышкин, пожилой уже человек, пользовался большой популярностью среди крестьян, как земский врач" (Елпатьевский С.Я. Воспоминания. Л., 1929. С. 13-14.) Такую же известность Покрышкин обрел и в ссылке, врачуя крестьян в селе Верхошижемье Орловского уезда. В 1879 г. он вызвался поехать на борьбу с эпидемией чумы, вспыхнувшей в Архангельской губернии (ГАКО. Ф. 718. Оп. 4. Д. 15. Л. 1-2).

накануне они провозили "молодых господ и барышень". Мурашкинцева запомнилась ямщикам своим пением: "Заливается: что тебе соловей". В одной из вятских деревень Владимира и Иллариона Короленко обступили крестьяне. "Браты, видно", - догадались жалостливые женщины.

Отношение населения к ссыльным не было однозначным, ведь кроме политических среди них оказывалось и немало уголовников, всякого ворья ¹. (Хотя отнюдь не следует идеализировать поголовно и всех политических). "Заседатель" из мужиков, содержавшихся при полицейских управлениях на посылках, сопровождая Короленко из Глазова в Березовские починки, приставал к нему "с наивным нахальством": "Сапоги-те... Сменяешь что ли?" Он, конечно, хам. Но понятна и настороженность добропорядочных "починовцев" при привозе Короленко: "Еще один... Житья от ссыльных не стало..." Начались даже угрозы: "Выволокем в лес... Мать родная костей не сыщет". Но вскоре они поняли, что перед ними не мазурик, а более того "человек просужий, работной. Мастеровой человек: в ящике-те струмент у него..."

В душах простых вятчан побеждало естественное человеческое качество - сострадание. Яркое свидетельство этому оставил ссыльный, студент Петровской земледельческой академии Семен Васюков. В воспоминаниях "Былые годы и дни" он рассказал о путешествии летом 1879 года по вятским дорогам:

"...Я лег на дно брички и стал смотреть на голубое небо. В моем воображении проносились отрывки минувших впечатлений, я думал почему-то о Достоевском, думал об огромной неустроенной России, которую кучка революционеров желала упорядочить и вывести в какие-то рамки. Я думал о сером, непосредственном мужике, которого любил, сам не зная почему..."

По прибытии в Вятку Васюков узнал, что губернатор определил его в Котельнич. Денег для найма ямщика у Васюкова не было, ему разрешили отправиться по этапу. Среди этапных оказалось несколько арестантов в кандалах. многие имели крестьянский облик. Студент отказался предложенной ему, как "барину", подводы в пользу больного старика. Спутники Васюкова побросали на подводу свои котомки, а по выходе из города и солдаты сложили в нее ружья. Дорогой студент заводил знакомства, декламировал стихотворения Некрасова, что особенно понравилось охраняемым и охранникам. Дошли до Орлова, где предстояла дневка. Этапных разместили в тесной душной камере. Тюремщики попались злые и грубые. Но и это не смогло испортить настроения Васюкова, который постоянно

¹ Без срока в Яранск в 1870 г. был сослан служитель Зимнего дворца Михаил Никифоров "по подозрению в краже... серебряного галуна на возвышении, обшитом бархатом в Георгиевском зале, а также на тронном кресле" (ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Л. 146 об.) Надаром десять лет спустя С. Халтурин расказывал Л. Тихомирову о распущенности дворцовой прислуги и страшном повальном воровстве сверху донизу.

чувствовал внимание и доброе отношение товарищей по этапу и местных жителей.

Особенно впечатлил его такой случай: "Помню, мы проходили какую-то деревеньку. Из крайней избы вышла и заковыляла за нами старуха, в ее руках была горбушка хлеба. Трудно ей было нагонять нас, и я остановился. Трясущимися руками подала она мне кусок хлеба со словами: "Покушай, родненький, хлебец-то - только из печи!". Не знаю почему, но только это "подаяние" и слова, сказанные старой, произвели на меня большое впечатление и на моих глазах навернулись слезы. Да, это подаяние от теплого сердца, бабушка!" Вители деревень близ Московского тракта памятовали простую на все времена мудрость: "От сумы и тюрьмы не зарекайся". Как не помочь "несчастненьким"?

Ссыльных привычно воспринимали и обитатели Вятки. Мария Селенкина жила в доме, расположенном через дорогу от губернаторской канцелярии на Владимирской улице. "Против моего окна, - записала она в дневнике, - каждый день останавливается по нескольку кибиток, набитых ссыльными и жандармами, на которых и я и чиновники канцелярии губернатора глазеем по часу" ².

Политическую ссылку как характерную особенность попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков, инспектировавший земское училище: "Город Вятка находится в исключительном положении в этом отношении", а далее прибавлял, что ссыльные влияют на местную контакты, молодежь, вступают нею В стараются обзавестись единомышленниками" 3. Замечание соответствовало действительности. "Когда я приехал сюда, – сообщал Василий Трощанский Селенкиной, – и спросил, есть ли здесь люди, мне назвали очень немногих, в числе их была фамилия Мышкиных" 4. (Мышкина – девичья фамилия Селенкиной). Она и ее сестры, личности эмапсипированные, водили знакомства не только с Трощанским, но и с Флорентием Павленковым, Василием Обреимовым и другими ссыльными. Неслучайно в 1870 году губернатор В.И. Чарыков беспокоился тем, что ссыльные могут "свободно беседовать с разными лицами по их выбору". О том же девять лет спустя говорил и начальник губернского жандармского "Здесь они находят довольно единомышленников обвинявшихся в преступной пропаганде, также в недоучившейся молодежи, служащих по земству... и посредством их распространяют свои политические и экономические воззрения"⁵.

¹ Васюков С.И. Былые годы и дни // Исторический вестник. 1906, № 6. С. 382.

² Изергина Н.П. Писатели в Вятке. Киров, 1979. С. 128.

³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10923. Л. 9 об.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 29.

⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10923. Л. 9 об.

В 60-е годы (позднее это стало невозможным) ссыльные могли трудиться в губернской газете. Константин Ген и Николай Копиченко были ее редакторами. Поляки Н. Гедройц и А. Богуцкий служили в типографии и книжном магазине Красовского. Занимались ссыльные репетиторством. Частные уроки имел Обреимов, ранее преподававший математику в Екатеринбургской гимназии. Трощанский готовил Анну Кувшинскую к поступлению на женские врачебные курсы в Петербурге. Дети городской бедноты в Котельниче стараниями Эвелины Улановской "начинали читать и царапать каракульки... немного считали". Но этим доброе дело и закончилось, потому что исправник запретил уроки 1.

Ссыльные оказывали вятчанам юридическую помощь. Павленков стал адвокатом по делу об оскорблении сестры М.Е. Селенкиной провизором аптеки Фореманом, где она служила. "Адвокатом бедняков" выступал после освобождения от полицейского надзора Оскар Авейде, заслужив признания вятчан "бескорыстием, безвозмездностью ведения дел".

Благодаря связям с местной интеллигенцией у ссыльных развеивалось представление о Вятке, как о пресловутом "медвежьем угле". Показательно письмо Ильи Игнатова (брат В.Н. Игнатова, ставшего членом плехановской группы "Освобождение труда"). "Я все-таки человек свободный, - писал он в январе 1879 году Валериану Балмашеву, отбывавшему ссылку в Холмогорах Архангельской губернии, - хотя моя свобода ежеминутно испытывается. Нет, не особенно хорошо и здесь... Впрочем, "минорный" тон мне вовсе не к лицу... Вы, должно быть, воображаете, что Вятка представляет из себя нечто вроде Якутской области, куда сведения о взятии Плевны попали ровно через год? Нет-с, плохо Вы о нас помышляете. Ведь я уже писал, кажется, Вам, о том, что тут две библиотеки, а следовательно и газеты и журналы" . Игнатов извещал Балмашева о высланных товарищах, о Всеволоде Лопатине, брате Германа Лопатина, с которым жил на одной квартире. Балмашев сообщал другу о землевольцев. Оба обсуждали политические события, деятельности происходившие во Франции и Германии ³.

-

¹ Прибылев А.В. Годы неволи. // Каторга и ссылка. 1925. № 4(24). С. 245.

² ГАКО. Ф.582. Оп. 58. Д. 566. Л. 1, 1 об.

³ Валериан Балмашев позднее и сам был выслан в Вятскую губернию из Саратова. В апреле 1898 г. его водворили в Котельнич. К нему приезжала жена и сын Степан. Известие о казни Степана Балмашева за убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина в 1902 г. застало отца в Вятке, когда срок его ссылки закончился и он собирался уезжать, ожидая начала навигации. Отъезд В. Балмашева превратился в политическую демонстрацию. На проводы явились четырнадцать человек, среди которых находился ссыльный социалдемократ П.И. Стучка, впоследствии один из создателей компартии Латвии, нарком юстиции РСФСР. Провожавшие поднесли Балмашеву букет живых цветов. Когда пароход отходил от пристани, раздались их выкрики: "Да здравствует, гремит фамилия Балмашева! Желаем свободы, ура!" (См.: Луппов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 104-

Ссыльные заводили знакомства с владельцами библиотек. Библиотеку Красовского в 1862 году посещали Северин Смоленский и Петр Свешников. пересылке корреспонденций 1. Помощью Красовский помогал ИМ В Красовского пользовался и Павленков, кроме того переправлять письма ему помогал земский служащий из Слободского А.В. Полумордвинов, пользуясь возможностями земской почты 2. В 70-х годах в библиотеке Н.И. Вершинина (бывшей Красовского) своими людьми считались Павленков и Трощанский. В Котельниче ссыльные посещали дом земского служащего И.Н. Кошурникова, в библиотеке которого имелся богатый подбор сочинений русских писателей и комплекты демократических журналов. А сам он рассказывал о знакомстве с М.Е. Салтыковым-Щедриным в период его ссылки ³. Для уржумских ссыльных была доступна библиотека купца А.А. Чернова. Когда Софью Лаврову перевели из Уржума в Нолинск, он стал пересылать ей книги. Для Лавровой, жаловалась, что в Нолинске "нет даже библиотеки, которая единственного утешения для лиц, оторванных от семьи и лишенных занятий и общественной жизни", помощь Чернова стала неоценимой.

Во второй половине 70-х годов отправку книг из Вятки в уезды для ссыльных наладил М. Бородин. Рабочим Александру Христофорову и Карлу Стольбергу он посылал в Глазов таблицы логарифмов, пособия по тригонометрии, спрашивая при этом, нужен ли Стольбергу географический атлас ⁴. Ссыльные оказывали помощь друг другу. "У нас есть несколько экземпляров сочинения Флеровского "Азбука социальных наук", - писали ссыльные из Котельнича, – один экземпляр можем пожертвовать хорошим людям, которые в нем нуждаются" ⁵.

"Можно ли работать над собой, - размышлял Короленко о положении ссыльных, - стремиться "достигать" в том направлении в нынешней обстановке, в богоспасаемом граде Глазове?.. Можно, можно везде, где есть люди, а здесь даже две библиотеки имеются..."

Несомненен вклад ссыльных в изучение Вятского края. Несколько статей по истории и этнографии Орловского уезда написал Н.А. Добротворский. А.А. Андриевский принял участие в составлении фундаментального сборника

^{105).} Распоряжение о высылке участников проводов в села по уездам было отменено. Возможно, губернатор опасался каких-либо нежелательных эксцессов.

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д.160. Л. 16, 16 об.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 255. Л. 14; НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1617. Л. 9. Упомянутый Полумордвинов — отец Александра Аполлоновича Полумордвинова (1874-1941), инженера-изобретателя, автора схемы первого в мире аппарата для передачи цветного изображения на расстояние (1899) и аппарата для одновременной передачи звука и изображения (1903). Обе работы были запатентованы, но не реализованы.

³ Васюков С.И. Былые дни и годы // Исторический вестник. 1908. VI. С 886.

⁴ Кировский областной краеведческий музей. Фонды. № 72. С. 11, 28.

⁵ Архив "Земли и воли" и "Народной воли". М., 1930. С. 267.

"Столетие Вятской губернии", подготовил для него статью "Картофельные бунты в Вятской губернии в 1833 и 1842 годах". Ссыльные принимали участие в статистических исследованиях, оказывали помощь местному населению познаниями в технике, сельском хозяйстве, помогли юридическими советами, содействовали образованию. Некоторые женщины-ссыльные трудились фельдшерицами и акушерками. В Вятке помнили Феклу Ивановну Донецкую, которая умерла от тифа, ухаживая за больными в губернской земской больнице.

Труднее приходилось тем, кто отбывал ссылку в селах, деревнях, починках. Они с полным правом могли бы назвать Вятскую губернию "медвежьим углом". "Вскоре совсем буду отдалена от мира, – сетовала Улановская матери из Березовских Починков, – реки и болота... и единственный способ - верхом, да и то не всегда. Газеты получаю из Питера и Глазова, но спустя месяц после их появления на белый свет... Газеты и письма по прихоти этой полицейской мелюзги лежат по целым дням у урядника или волостных старшин..." ¹. Поэтому особо ценилась дружеская поддержка, общение. Улановская обрадовалась встрече с Короленко: "Теперь я богатая, в одном лице у меня отец, брат, товарищ, уж теперь-то я никого и ничего не боюсь!"

В ссылке хватало времени для бесед, споров. Особенно увлекали темы "о народе". Улановская рассказала Короленко о "грибном бунте" близ городка Пудож Олонецкой губернии, когда несколько ссыльных демонстративно отлучились за запретную для них городскую черту. На поимку "ослушников" городские власти послали инвалидную команду. При задержании ссыльные, преимущественно девушки, "оказывали сопротивление" собранными грибами. Но их с помощью мужиков из соседней деревни препроводили в город. Короленко с юмором высказался об этих крестьянах. Однако отношение Улановской оказалось иным: "Вы кощунствуете, называя этих людей народом". (Впрочем, сама Улановская в письме к матери рассказала о том, что по возвращении в Пудож за отказ ссыльных идти в полицейское управление солдаты даже прицеливались в них из ружей. Инцидент сумел сгладить один из городских "обывателей").

Рассказанная история навела будущего писателя на размышления: "Конечно, ни тех мужиков, ни наших починковцев нельзя было назвать народом. Но... что же следует считать "народом" в истинном значении этого слова?.." До ссылки многие знали народ лишь "приблизительно". Действительность разрушала подобные "наивно-народнические настроения". Стоило ли в таком случае устраивать побег? Короленко допускал его вероятность, если бы был "революционер по темпераменту, а не созерцатель и художник": "И потом, от чего собственно я бы убежал? ... от того дна народной жизни... Но разве я не стремился именно к этому? Разве я не собирался

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 566. Л. 1, 1 об.

окунуться в море народной жизни анонимно и тайно от властей?" Он отказался от "соблазна" бежать. И Петру Неволину, "отчаянному революционеру" (а именно так характеризовал его один из глазовских знакомых Короленко), жившему тогда в Омутнинском заводе, не пришлось способствовать побегу будущего автора "Истории моего современника".

Но некоторые ссыльные, именно "революционеры по темпераменту", действительно мечтали о побегах, а некоторым удавалось их осуществить. Энергичные люди тяготились годами ссылки. М. Бородин говорил о Трощанском: "Стремления его в Вятке были почти все сосредоточены на том, чтобы освободиться из-под надзора полиции и получить свободу" ¹. Сам он жаловался в письме товарищу по кишиневской гимназии: "Вятская жизнь пока однообразна и скучна, скука тут смертельная".

Конечно, ссыльным досаждал надзор. В корреспонденции "Из Вятки", помещенной в газете "Народная воля" (1879, № 1) сообщалось не только о положении ссыльных, но и о внимании полиции к "нигилистам" в целом: "Как известно, Вятская губ. служит местом для административной ссылки, и в настоящее время в одной только Вятке политических административноссыльных 18 человек. Каждый день по несколько раз к ним является полиция посмотреть, все ли они налицо. Часто бывает, что одним лицезрением ссыльных не удовлетворяются, и тогда без всякого повода все их вещи подвергаются "административному осмотру"... Надзор не только ссыльными, но и вообще за всеми обывателями самый мелочный. В глазах вятского полицмейстера все барышни, не носящие серег, колец, перчаток, социалистки, а молодые люди, гуляющие в загородном саду, - социалисты, и записываются, как говорят, полицмейстером в особую книжку". Как-то полицмейстер привязался к приехавшей в Вятку слушательнице медицинских курсов, обнаружив у нее четыре тома Некрасова. "Что это значит, что так много? Четыре книги! Зачем?!... Поставлять, что ли взялись кому?"².

В июне 1878 году бежал из ссылки Василий Обреимов. На его долю выпала настоящая ссыльная одиссея: в 1872-м выслан в Глазов, потом переведен в Слободской, в 1877-м в Вятку, через год в Нолинск, затем в село Даровское Котельничского уезда, откуда и совершил побег. В августе того же года из села Поломское Слободского уезда бежал Петр Объедов. Годом раньше из Глазова исчезла Ольга Кананова, оставив участникам народнического кружка, которые помогли ей бежать, записку: "Дорогие друзья, пишу вам пока еще не свободной, но думаю уже скоро быть свободной и счастливой". Из-под надзора полиции в феврале 1879 года совершила побег из села Буйско-Архангельское Уружумского уезда участница "процесса 193-х" народоволка Анна Якимова. Иногда местные жители способствовали побегам ссыльных. О помощи кайских

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 91. Л. 46.

² Литература партии "Народная воля". М., 1930. С. 16.

крестьян вспоминал совершивший побег ссыльный поляк Руфин Пиотровский 1 .

Губернские власти сознавали влияние ссыльных на разночинную интеллигенцию. "Не будет преувеличением сказать, что вся так называемая вятская интеллигенция... воспитывалась под оппозиционным влиянием политических ссыльных" ², - волновался губернатор Чарыков.

Попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков извещал в 1874 году министра народного просвещения Д.А. Толстого: "Я недавно только возвратился из Вятки, где осматривал учебные заведения... и где особенно мне приходилось слышать о ссыльных: Павленкове, приписывается составление изданной под именем священника Блинова наглядной азбуки, и Трощанском, который был, так сказать, воспитателем сидящего теперь в остроге ученика VII класса Вятской гимназии Бородина, и пристроил своего ученика домашним репетитором к воспитанникам земской учительской школы. О Павленкове и Трощанском общий отзыв такой, что это самые вредные люди, стремящиеся действовать тлетворно на молодежь, поэтому удаление их из Вятки было бы весьма желательно" 3. Политические ссыльные приносили "верхам" губернии немало треволнений. Чего стоили такие характеристики: "возмутитель спокойствия" (отзыв архиерея Агафангела о Войнаральском), "язва Вятского края" (аттестация вятского губернатора Н.А. Тройницкого Павленкову). Конечно, не оставались в долгу и ссыльные. Павленков оказался неистощим на выдумки прозвищ местным "помпадурам". Особенно доставалась самому Тройницкому.

Серия "Загадочных картинок", карикатур, отпечатанных в Петербурге, вызвала цензурное дело. Павленков, поистине "язва" для губернатора, сообщал в Казань Н.Я. Агафонову: "Предложение - сюжетик для карикатуры в альбом, который мог бы стать приложением к "Вятской незабудке": "Картинка изображает Тройницкого в форме лицеиста (намек на учебное заведение, законченное губернатором - В.С.). Он сидит за столом, на котором разложена большая генеральная карта Вятской губернии, и указывает окружающему ему штабу из мальчишек (вице-губернатор, прокурор и проч.) перстом на Кай. Сверху надпись: "воинствующий лицеист", внизу подпись: "В войне против "Незабудки" операционным базисом по лицейской стратегии должен быть Кай" (слова нашего Мольтке)" ⁴.

Через ссыльных вятчане получали информацию об общественной жизни в Петербурге. Василий Лаврецов, помогая библиотеке Красовского в подборе

 $^{^1}$ Петряев Е.Д. Вятская копилка. // Вятка. Краеведческий сборник. Вып. 1. Киров, 1972. С. 43-44.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 222. Л. 73.

³ Там же. Д. 325. Л. 480.

⁴ Письмо Ф.Ф. Павленкова Н.Я. Агафонову 27 мая 1877 г. – рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета, собрание Н.Я. Агафонова, 213, Ч. І, Л. 485 об.

книг, мог рассказывать о Добролюбове, Чернышевском, Михайлове. Ссыльный Петр Свешников говорил с Красовским о флотском юнкере В. Трувеллере и гардемарине В. Дьяконове, которые пытались тайно провезти на военном корабле из Лондона в Кронштадт герценовские издания. Обсуждали они и судьбу арестованного в 1862 году студента Петра Баллода, организатора нелегальной "Карманной типографии", который печатал революционные прокламации и памфлет Д.И. Писарева "Глупая книжонка Шедо-Ферроти" ¹.

Нельзя забывать и о том, как влияли на вятских крестьян крестьянессыльные. Запоминающийся образ одного из них, Федора Осиповича Богдана дал в "Истории моего современника" В.Г. Короленко. В архивном деле причина высылки Богдана из села Максимовичи Радомысльского уезда сформулирована так: "За распространение губернии односельчанами и крестьянами соседних деревень неосновательных надежд на получение большого количества земли, за подстрекательство крестьян" 2. Короленко посвятил народному заступнику целую главу "Ходоки. – История Федора Богдана, дошедшего до самого царя". Рассказ пожилого крестьянина в свитке и бараньей шапке - одежде непривычной для вятских жителей, слушали не только постоянные обитатели Березовских Починков, но и ссыльные участник рабочего движения в Петербурге Федот Лазарев, два Санниковы, высланные из Орловского уезда за "возмущение" крестьянского мира. Тяжба украинских крестьян, самоотверженность Богдана, подавшего бумагу самому царю, и угодившего за это в починковскую глушь - все это впечатлило слушателей.

"Так-то, - закончил Богдан печально, - И пошел я по тюрьмам да по этапам... Пока сидел дома, то думал, что и весь порядочный народ дома, а в тюрьмах только воры... А как самого стали гонять из тюрьмы в тюрьму, то показалось мне, что и весь лучший народ по тюрьмам сидит..." Отношение к выслушанному выразил даже Гавря Бисеров: "А неладно, слышь, и царь-те делает..." История Богдана впечатлила Санниковых, их судьба во многом была схожа с участью украинского крестьянина. "Теперь, — заключал Короленко эту главу, — когда я вспоминаю этот день, закопченную избу Гаври Бисерова в дальних починках, группу ходоков, слушающих рассказ Богдана, и непроизвольную сентенцию Гаври, осудившего далекого царя, — мне кажется, точно я присутствовал в тот день при незаметном просачивании струйки того наводнения, которое в наши дни унесло трон Романовых".

К ЖИВОТВОРЯЩЕМУ СВЕТУ ЗНАНИЯ

¹ НАРТ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 6. Л. 336, 342.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 137. Д. 167. Л. 185.

В конце 50-х годов в жизни Вятки, которая со стороны воспринималась иной раз по "Губернским очеркам", происходили ощутимые перемены. Город вроде бы сохранял еще черты достославного щедринского Крутогорска, хотя ощущались уже во многом. Само название "Крутогорск" изменения Вятки. М.И. Шемановский употреблялось ДЛЯ обозначения Н.А. Добролюбову: "4-го числа я приехал в Крутогорск." Смысловую нагрузку названия понимали все. Министр народного просвещения сообщал о сатирическом журнале В.С. Курочкина: "Названия мест и лиц в этих статейках употребляются в разных номерах "Искры" для каждой местности те же самые... и все читатели знают, что, например, вместо Грязнославля, Крутогорска, Чернилина, должно читать Екатеринославль, Вятка, Чернигов" 1.

В письмах Добролюбову Шемановский рассказывал о вятской гимназии, о старых "крутогорских чертах", a также свидетельствовавших об оживлении общественной жизни. "Знаком ли ты, сколько-нибудь, с бытом русских помещиков-бар? Здесь точно так же живут все, начиная с протоколиста уездного суда и кончая губернатором: поедят выспятся, в карты поиграют – выспятся, почитают жития святых – выспятся и т.д., одним словом, венец каждого дела есть сон" 2. Но все же Шемановский отмечал, что прежняя кругогорская тишь постепенно нарушается новыми, отрадными ему явлениями: "Вятка много переменилась с того времени, как я ее видел; в смысле современности ее можно поставить выше Ковна. Журналы читаются, публичная библиотека". Оценка здесь сильно есть даже примечательна - Вятку, этот пресловутый "медвежий угол", Шемановский предпочел в культурном отношении одному из губернских городов западной части России. Перемен в Вятке и в губернии к приезду нового учителя и в недолгое время его пребывания здесь совершилось много.

1859. - В феврале открыл библиотеку для чтения А.А. Красовский. В октябре начались занятия в женской гимназии. 1860. - В Елабуге начала действовать воскресная школа, где преподавали учителя городского училища. 1861. - В январе открылась воскресная школа в Вятке. Красовский завел при библиотеке книжный магазин. В феврале в Вятке состоялся Пушкинский вечер. Музыкально-литературные вечера становились частью культурной жизни губернского и уездных городов. 1862. - Трудами П.В. Алабина качественно улучшилась работа Вятской публичной библиотеки. В Котельничском уезде Д.Л. Сенников открыл "крестьянскую волостной писарь бесплатную библиотеку". Все эти явления не случайны. В просвещении и культурной жизни шел неуклонный процесс демократизации. И в этом Вятка немногим уступала более крупным городам. Учителя, литераторы, врачи, "нравственные

¹ Литературное наследство. Т. 25-26. М., 1930. С. 606-607.

 $^{^2}$ Письмо М.И. Шемановского Н.А. Добролюбову 11 мая 1859 г. // Литературный критик. 1936. № 2. С. 143.

разночинцы", создавали в Вятке, и постепенно в губернии, пусть еще очень тонкий культурный слой, проникнутый новым мировоззрением, приемлемым далеко не всеми.

В уездной глуши дело обстояло сложнее. Священник о. Н.Н. Блинов вспоминал, как живя в далеком селе Карсовае севернее Глазова, он приобщал к книгам дочерей другого священника. Чтения устраивались в крестьянской избе, где обитал о. Николай со своей молодой женой: Поповны "были очень рады нашему обществу, приходили каждый день, вечером даже устраивались чтения. Внизу в избе было не тепло, почему размещались на "голбце" — на площадке между печью и полатями. Девицы в первый раз знакомились с русскими писателями".

Говоря о деятельности "новых людей" в Вятке, невозможно обойти А.А. Красовского. настойчивую кропотливую работу вниманием пользовался заслуженным авторитетом у разночинцев-демократов ("чистейший и благороднейший представитель 60-х годов" в оценке И.М. Красноперова) и, соответственно, антипатией местной администрации ("основатель нигилизма" характеристика Красовскому, данная губернатором Чарыковым). суждение небезосновательное, но явно утрированное. Красовский рано познакомился с Н.А. Добролюбовым и Н.Г. Чернышевским. В письме родителям 10 августа 1853 г. из Петербурга Добролюбов сообщал о знакомстве с братьями Красовскими, когда он намеревался поступать в Духовную академию: "Здесь случилось со мной весьма важное и, быть может, счастливое обстоятельство... Наверху жили в том же домике два брата, один, кончивший курс в здешней академии, другой - студент Вятской семинарии, сыновья тамошнего ректора. Младший брат приехал было держать экзамен в духовную брат не посоветовал ему, и он подает прошение в академию, но Педагогический институт" 1. Советы Александра Красовского косвенно и самому Добролюбову, разговоры со студентом Педагогического института Чистяковым - все это оказало воздействие на окончательное решение Добролюбова. Вместо Духовной академии ОН поступил педагогический институт.

Когда Красовский возвратился после учебы в Вятку, к нему потянулись воспитанники духовного училища и семинарии. Лучше всего об этом рассказал И.М. Красноперов. Сына бедного пономаря губернский город поразил. Наконец-то он получит возможность приобретать книги! "На другой день после своего водворения в училище я отправился в книжный магазин... - Мне надо купить книг, - говорю я приказчику или самому хозяину, робко подходя к прилавку. — Каких вам угодно? — Вот посмотрю... И я совершенно зря, не разбирая, брал с прилавка по несколько книг и наклал целую гору. - Сколько

¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9-ти тт. М., 1964. Т. 9. С. 33.

вот это все стоит? - Позвольте сосчитаем... Четырнадцать рублей, двадцать пять копеек... С радостью схватил я свою ношу и пошел скоро, точно полетел на крыльях". Среди купленных книг попались и ценные - романы Жорж Санд, "Севастопольские рассказы" Льва Толстого; остальное оказалось развлекательным чтивом. Но страсть к чтению была непреодолима. Бурсак жадно набросился на затрепанные книги сотоварищей — "Битва русских с кабардинцами", "Гуак или рыцарская любовь", романы Поль де Кока. Большинство этих книг соответствовали тем, о которых с горечью писал Некрасов, мечтая о приходе времени, когда будут читать "не Блюхера и не милорда глупого".

Однажды Красноперов прослышал, ЧТО преподаватель семинарии Красовский дает книги для прочтения. Готовясь к визиту, он взял взаймы рубль, полагая, что за чтение придется платить. "Из-за стола тотчас же встал и подошел ко мне еще молодой, лет под тридцать человек, высокого роста... Большие карие глаза смотрели смело, прямо. Лицо в общем было довольно красиво и привлекательно". Приветливый голос хозяина, обращение на "вы" поразило гостя. А хозяин, угощая его чаем, подавая сливки и сахар, расспрашивал о книжных интересах. "Вы читали что-нибудь прежде? - Читал. Я читал романы... Александр Александрович слегка улыбнулся и поправил меня: - Надо говорить не романы, а романы. Какие же романы вы читали? - А всякие... "Дрожащая скала" Эли Берте, "Подвенечное платье" Дюма, "Гуак или рыцарская любовь", "Битва русских с кабардинцами"... - Однако много же вы прочли всякой дряни; ну да это ничего, вреда не будет. Дело поправимое... Что вы хотите читать?"

В училище и в городе тогда ходили разговоры о "Губернских очерках" Салтыкова-Щедрина, о том, то автор изобразил в непредвзятом виде местные власти и самого губернатора. Поэтому Красноперов попросил именно эту книгу. "Да, книга хорошая, но только, знаете, я бы вам не советовал сейчас читать ее: не поймете всей соли... Время не ушло, успеете еще прочитать, а теперь возьмите что-нибудь попроще. – Так вот бы Гоголя... "Мертвые души". - Тоже погодите, потому что сейчас впечатление утратится. Впоследствии прочтете Гоголя с большим увлечением, а теперь будет для вас только смешно... Я вам дам другую книгу... Вот эту прочтите. Только, когда прочтете всю, то придите и расскажите мне... ну, хоть о том, что вам особенно понравилось. Я раскрыл и прочел: "Семейная хроника. С. Аксакова". Я встал и направился было к двери, чтоб уйти, но вспомнил, что мне надо было еще отдать рубль. - Вот я рубль принес вам за чтение, - сказал я, протягивая Александру Александровичу развернутую засаленную ассигнацию. - Нет, вы лучше оставьте ее у себя. Вон какой вы худой... Вы лучше на этот рубль булок покупайте, получше ешьте. Вас, чай, там плохо кормят?" Так в жизни Красноперова произошло чудо: "В чтении книг, в знании я стал уже видеть источник внутреннего счастья; свет знания, озаривший мою темную голову,

влил во все мое существо какую-то живительную струю, которая толкала меня вперед все к более яркому, животворящему свету знания..."

Слова Красовского западали в души учащихся: "Знания делают людей полезными... Читайте, приобретайте знания". "В течение двух лет, - вспоминал Красноперов, - мы основательно познакомились с нашими писателями: Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Грибоедовым, Кольцовым. Тогда только что начали выходить в свет одно за другим произведения Тургенева, Гончарова, Островского, Писемского, Льва Толстого. С этими писателями мы знакомились в классе, - объясняли, комментировали, спорили... В произведениях всех писателей, помимо их художественно-литературной Александр Александрович старался искать общечеловеческое содержание. Человек, служение человеку, содействие его счастью были любимой темой его бесед при чтении или разборе литературных произведений".

Для учащейся молодежи преподаватели "нового типа" стали откровением. Они старались пробудить в учащихся, забитых жестокостью и зубрежкой, чувство человеческого достоинства. Нелегкой оказалась эта задача, но передовые учителя, по словам А.И. Герцена, "борясь с бедностью, отданные во власть грубой администрации, они нередко поступались своим личным достоинствам, но тем не менее продолжали проповедовать идею независимости и ненависти к произволу".

"В нашу душную атмосферу ворвалась струя живого воздуха в лице нового профессора, вечно памятного мне А.А. Красовского, только что окончившего Петербургскую академию, – вспоминал С.И. Сычугов, – Во время учения в ней он сблизился с Добролюбовым и, конечно, поддался его благотворному влиянию. Многие из нас были положительно увлечены его, хотя и неглубоко ученым, но живым и искренним словом, которое при мертвяще рутинном преподавании других наставников, обаятельно действовало на нас и особенно Усыпительная безжизненная И риторика уступила неслыханному прежде курсу русской словесности..." Такой же подход к "младшим братьям" находили и другие учителя. По словам одного из вятских гимназистов, М.И. Шемановский остался "навсегда образцом даровитого учителя и благородного человека".

Доброе влияние оказывал на гимназистов учитель истории Михаил Васильевич Сапоровский, соученик Добролюбова и Шемановского. "Он появлением своим внес в гимназию живое слово, - вспоминал выпускник гимназии А. Рукавишников, - научил нас иметь вкус в чтении книги. Он прочитал нам лучших авторов с комментариями по Белинскому и другим критикам. Его обширные знания, честный прямой взгляд на литературу для нас

 $^{^1}$ Герцен А.И. Новая фаза русской литературы. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. VIII. М., 1959. С. 204.

был первою школою, давшей дальний отпечаток нашей жизни". О Белинском, Добролюбове, Писареве говорил на уроках словесник В.П. Москвин. Обращаясь к "тенденциозным статьям", он анализировал "Недоросль" Фонвизина, "Горе от ума" Грибоедова, стихотворение Лермонтова "Пророк".

Не обходилось и без инцидентов. А.А. Красовский назначил для экзамена разбор стихотворения Пушкина "Пророк". "Едва только ученик начал декламировать "Пророка", как архиерей, точно ужаленный, вскочил с своего председательского кресла и закричал на бедного Красовского: "Как вы смеете в духовном заведении сообщать сочинение Пушкина? Вы развращаете будущих пастырей церкви? Знаете ли, кто такой Пушкин? Он безбожник и поганец". Затем досталось на орехи ректору, да зауряд всем профессорам. Губернатор Муравьев, сын виленского, закрыл лицо руками на все время, пока архиерей изрыгал свою грозную и грязную тираду".

В 1867 г. на экзамене в гимназии словесник В.П. Москвин не удержался и, не удовлетворившись ответом экзаменуемого, сам принялся увлеченно комментировать лермонтовское стихотворение. Произошло замешательство. "Под видом пророка, - известил об этом инциденте попечителя Казанского учебного округа губернатор Н.В. Компанейщиков, - он представил человека с высшими гуманными взглядами, стремившегося к тому, чтобы для блага рода человеческого **ЧТИЖОТРИНУ** порабощение сильных слабыми богатыми... Легко понять, какое впечатление производило подобное толкование на юношей" 1. Директору гимназии было предписано неослабно следить "за духом и направлением мысли" Москвина.

Благотворное воздействие на гимназистов оказывал преподаватель истории Яков Григорьевич Рождественский. "Если кто-нибудь был полезен нам, то он, – вспоминал выпускник гимназии А.К. Лопатин, - если кто перевел нас от чтения пустых романов на более серьезный материал, то он, если кто вкладывал в нас свою душу, то он..." В воспоминаниях выпускницы женской гимназии А.К. Хлебниковой рассказано стремлении Рождественского 0 учащимся умение следить за международными событиями: "Раз приходит Я.Г. в класс, раскланявшись с ученицами, погружается в глубокую думу. Потом, словно очнувшись, обращается к ученицам с вопросом: "А не слыхали ли вы Гарибальди?", что-нибудь И начинает рассказывать, самоотверженный патриот, какое горячее и критическое время переживает Италия и проч. и проч. В другое время он рассказывал нам о войне в Америке за освобождение негров. Все это были тогда свежие газетные новости, к которым никак как нельзя было относиться безучастно и безразлично". Учитель не забывал напоминать ученикам о современном положении в России. "Особенно врезалось в моей памяти, - вспоминал выпускник гимназии В.И. Зобнин, - то обстоятельство, что когда речь заходила о крестьянском

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 130. Д. 478. Л. 2-об., 3.

сословии, то Я.Г. Рождественский говорил, обращаясь к нам в виде просьбы: "Не забудьте же, господа, крестьян-то, когда будете большими, помогайте им выйти из грубости и нищеты".

Важнейшую роль в воспитании разночинной молодежи, в пробуждении общественного сознания "пионеры гуманистической пропаганды" отводили книге. Умело, со знанием дела приучал к чтению Красовский. Он привозил книги в семинарию, раздавал их с пояснениями, почему необходимо прочесть иную ИЗ них, составлял списки литературы, своего рода рекомендательную библиографию. Чтение захватывало лучшую часть семинаристов. Читали, собираясь вечерами в классах, в спальном корпусе. Круг чтения соответствовал "знамениям времени" - "Письма об изучении природы" Герцена и его роман "Кто виноват?", статьи Белинского, напечатанные в "Отечественных записках", номера "Современника", исторические сочинения Т.Н. Грановского, тома "Всемирной истории" Ф.-К. Шлоссера, которых осуществлялся группой публицистов "Современника", возглавляемой Чернышевским.

Красовский понимал общественную значимость библиотек, которые, по его меткому выражению, становились "верным барометром, показывающим направление литературы". Целенаправленное современное состояние и комплектование книг, умело составленный каталог, условия пользования книгами, удобные и доступные для интеллигенции и учащейся молодежи - все способствовало исключительной популярности библиотеки. Ее значимость в частности, политический ссыльный В.Я. Лаврецов, отметил, знакомый с "книжным делом" по Петербургу. В письме историку и библиографу П.П. Пекарскому (1859, сентябрь) он высоко отзывался о Красовском, сообщив, что его библиотека "мало уступает библиотеке Крашенинникова" 1. Оценка Лаврецова весома - эту библиотеку, хозяином которой до 1847 года был знаменитый А.Ф. Смирдин, знала вся читающая Россия. Для пополнения библиотеки и книжных запасов магазина Красовский поддерживал связи с книгопродавцами Петербурга. По рекомендации Добролюбова и Чернышевского ему присылали книги из магазина известного книгопродавца и издателя Д.Е. Кожанчикова, близкого к демократическим кругам. Красовский вступил в деловые отношения также с книжным магазином, издателя-демократа Н.А. Серно-Соловьевича. Помимо Красовского с ним были связаны книгопродавцы Казани, Саратова и других городов. После ареста в сентябре 1862 года Серно-Соловьевич писал из Петропавловской крепости брату Владимиру, беспокоясь за судьбу книг, отправленных в некоторые губернские города: "Через какую контору посланы книги в

¹ Новикова Н.Н., Клосс Б.М. Н.Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. М., 1981. С. 69. Библиотека П.И. Крашенинникова – бывшая А.Ф. Смирдина.

Екатеринбургскую гимназию и исправила ли комиссия *Посредник* путаницу с транспортом в Вятку и Чернигов? И не упустили ли из виду написать туда?" ¹.

Почетное место в круге чтения занимал "Современник", о котором Шемановский сообщал Добролюбову, что он "пользуется в нашей "восточной стороне" самым большим авторитетом". По подсчетам Н.Г. Чернышевского, собравшего сведения о числе подписчиков на "Современник", в самой Вятке в 1859 году выписывалось 12 экземпляров журнала, в 1860-м - 9, в 1861-м - 12. Кроме того подписчики "Современника" жили во всех уездных городах губернии, на Воткинском и Ижевском заводах и на Павловском винокуренном заводе в Уржумском уезде. Всего по Вятской губернии в 1859 году выписывалось 33 экземпляра "Современника", в 1860-м - 44, в 1861-м - 47.

Шемановский стал активным пропагандистом "Современника". По приезде в Вятку он сразу же обратился к Добролюбову с просьбой высылать ему книжки журнала. В письме к И.А. Панаеву, заведовавшему конторой "Современника", Добролюбов просил помочь Шемановскому. Рядом с указанным в письме адресом он сделал пометку - "Очень нужное". Вскоре Шемановский известил друга, что ему удалось "устроить при здешней гимназии... компанию для выписки всех более примечательных журналов, в числе которых, разумеется, "Современник" на первом месте".

Неустанная работа Красовского, Шемановского, Рождественского по пропаганде демократической книги, оживление публичной библиотеки стараниями П.В. Алабина, хотя он находился на другом общественном полюсе, начинали давать благотворные результаты.

"Чтение мое стало с той поры систематичнее, – вспоминал С.И. Сычугов, – руководил порядочный знаток дела – сам Красовский; ему так же помогал в этом деле ссыльный, кандидат прав Петербургского университета. Перечитал я за этот год целую уйму книг, но особенно сильное, неотразимое впечатление произвели на меня статьи Белинского и письма об изучении природы Герцена, "Отечественные записки", в которых они были напечатаны, и "Современник" (тогда еще отдельного издания Белинского не было) стали моими настольными книгами; из-за них я ограничивался пятью часами сна. Никогда уже, ни прежде, ни после я не испытывал такого воодушевления, такого неудержимого стремления к саморазвитию, какое пробуждали во мне сочинения этих авторов".

Становление общественного и нравственного сознания подсказывало выбор жизненного пути. В начале 60-х годов учащаяся молодежь Вятки интенсивно потянулась к высшему образованию. За 1856-1863 годы из 53-х выпускников гимназии в университеты поступили 44 человека из них в Казанский — 28, преимущественно на медицинский факультет. В 1856-м из семи выпускников туда поступили двое, в 1861-м - из восьми - пятеро на медицинский и один на

¹ Серно-Соловьевич Н.А. Публицистика. Письма. М., 1963. С. 262.

естественный факультет. По социальному происхождению эти шестеро были - дворянин, купеческий сын, сын мелкого чиновника, выходец из мещан и двое из крестьянских семей (правда, материальное положение семейств трех последних студентов неизвестно) ¹.

"Новые люди" способствовали стремлению своих питомцев к образованию. Зная о горячем желании Сычугова учиться, Красовский созвал у себя семерых студентов университета, оказавшихся на вакациях в Вятке. Все они относились к Сычугову, "как к равному, истинно по-товарищески", не ограничившись советами, составили программы для поступления в университет и передали ему с десяток учебников. Ежедневно с Сычуговым занимался Шемановский. Он шутливо рассказывал Красовскому: "Придешь к Савушке... постоишь за его стулом, иногда и кашлянешь, а он и ухом не поведет..." Действительно, их воспитанник готовился одержимо. "Право, ужас пробирает даже и теперь! - вспоминал он через годы. - Но зато и работал же я тогда! Когда садился за книгу, кроме нее ничего не видел и не слышал". За год Сычугов должен был закончить семинарию, и кроме того усвоить семилетний курс гимназических наук. Он с честью вышел из серьезнейшего испытания и поступил на медицинский факультет Московского университета. Не меньшие трудности преодолел Иван Красноперов, оставивший семинарию до окончания обучения.

Об умственном пробуждении вятской молодежи более известно на жизненном примере Сычугова и Красноперова, благодаря их воспоминаниям. Но такой же путь к учению совершали в шестидесятые годы двоюродный брат Красноперова Егор, Шулятиков, Василий Михаил Дернов семинаристы. Нелегким оказывался путь к университетскому образованию и у вятских гимназистов. Конечно, стремление обрести образование не было характерным для большинства семинаристов. Многие из них стали добрыми церковными пастырями, снискавшими признательность своих прихожан. Но "знамения времени" увлекали молодых людей, подобных Сычугову и Красноперовым, на отказ от духовной карьеры, на решение избрать иную, не менее достойную стезю для служения народу.

По всей вероятности, ко многим выпускникам вятских учебных заведений, их будущей судьбе применимы известные слова А.П. Чехова в письме А.А. Суворину (7 января 1889): "... Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченый, ходивший по урокам без калош.... напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая".

¹ ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 26, 30; НАРТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 7138. Л. 57, 69.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ НА ПЕРВОМ ПЛАНЕ

В статье "Общественная жизнь в провинции" ("Вятские губернские ведомости". 1859, № 10) Я.Г. Рождественский ставил животрепещущий вопрос: "Где же нам искать этой освежающей силы, которая не дала бы человеку зачерстветь и заснуть, которая предохранила бы его от грубости и апатии ко всему окружающему?" Ответ им давался такой: "В общественной жизни. Человек, лишенный общественной жизни... мало-помалу делается бесчувственной машиною".

В самом начале 1859 года "Вятские губернские ведомости", редактором неофициального отдела которых трудился Николай Иванович Золотницкий 1, поместили статью А.А. Красовского "Об открытии частной библиотеки в Вятке". "При нынешнем общем у нас стремлении к свету, к знанию, говорилось в ней, – и оживлении вследствие этого русский журналистики и литературы, отсутствие в губернском городе открытой библиотеки для чтения чувствуется особенно тяжело". Автор отмечал, что в столицах наблюдается "всестороннее развитие", в то время как "губернское общество, как и встарь, не выходит из полусонного, полубессознательного состояния". Книги, имеющиеся у многих чиновников, учителей, лежат под спудом. Многие в провинции еще равнодушно относятся к чтению. "Сравнивая губернское и столичное общество, не шутя приходишь к сомнению, уж не разных ли территорий эти области: так велика, так поражает всякого мыслящего человека их внутренняя противоположность и разобщенность настроения. Слиться интересами с центрами нашей общественной жизни, участвовать в общем ходе развития, можно только при теперешних условиях провинциального быта через открытие библиотек для чтения. Библиотека таким образом становится орудием духовного сближения города с центрами образованности и поднимает общей уровень его существования"².

Золотницкий, полностью разделяя суждения Красовского о библиотеках, высказывал симпатию к сторонникам серьезного чтения, иронически отзывался о тех, кто почитывал "книжки" "от нечего делать", ради "забавного чтения". В статье "Мысли о чтения книг вообще и в нашей губернии в особенности, по

¹ Н.И. Золотницкий еще до работы в "Ведомостях", стремясь пробудить общественную жизнь в Вятке, создал рукописную газету "Незваный гость, листок для чтения от скуки и для скуки", которая, несмотря на то, что вышло всего два номера, пользовалась огромным успехам, помещая литературные опыты, освещая "современные вопросы, политические известия, наблюдения, рассуждения" (Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского государственного университета. Ф. 226. Собрание Н.Я. Агафонова. Л. 636). Г.Ф. Чудова высказала предположение, что эти "литературные упражнения" натолкнули губернатора на мысль предложить Золотницкому работу в "Вятских губернских ведомостях".

² Вятские губернские ведомости. 1859. № 3. С. 21-22.

поводу открытия в Вятке частной библиотеки для чтения" редактор неофициального отдела с сарказмом изобразил и "осторожных людей" (наверное, вроде Щедринского "премудрого карася"), которые говорят: "Знаем мы эти современные книги... благомыслящему человеку нельзя в руки брать, – все вредные идеи, вольные мысли...". В уважением автор высказался об общественном значении литературы: "Ныне оказываются несостоятельными и недостаточными те патриархальные понятия, на которых доселе держались кое-как все эти отношения, ныне всюду стараются внести свет, разум и сознание. Где мы будем черпать всё это? В литературе, господа, в литературе; она делает человека человеком, она дает ему возможность мыслить и действовать, как мылят и действуют лучшие люде, делящиеся посредством книг своими светлыми убеждениями, а не оставаться с ограниченными понятиями, наследованными от времен, давно минувших".

В 1859 году в Петербурге А.А. Красовский напечатал "Каталог библиотеки для чтения в Вятке". Библиотека не преследовала коммерческих целей, но нуждалась в средствах для пополнения книжных фондов. По этой причине Красовский ввел плату за пользование книгами. Стоимость определялась "разрядами" - количеством книг, журналов или газет, которые читателя или брали на дом, или прочитывали в читальном зале. В целом годовая подписка стоила 8 рублей, полугодовая – 4, на треть года – 3 рубля 50 коп., за месяц брался рубль. В первой половине 1859 года библиотека имела 246 подписчиков, среди которых были чиновники, учителя, учащиеся, военные, мещане и даже человек 5-10 крестьян из "биржевых ямщиков", то есть городских извозчиков. По данные, которые владелец библиотеки помещал в губернской газете, в первый год ее существования обладателями годовых билетов стали 40 человек (30 чиновников, 4 духовных лица, 4 купца и 2 семинариста), на треть года подписалось 32 человека (6 чиновников, 23 семинариста и 3 учеников уездного училища), помесячно было взято 600 подписок (154 из них приобрели чиновники, 6 купцы и мещане, остальные 446 билетов взяли гимназисты и семинаристы). На следующий год число читателей возросло – с 11 января по 16 октября 1860 года годовых билетов было взято 74, полугодовых -10, "третных" -131, месячных -1225^2 .

Какие книги и журналы можно было прочесть в открывшейся библиотеке? В корреспонденции Владимира Фармаковского, помещенной в газете "Русский дневник" (1859, 13 мая. № 99), сообщалось, что библиотека Красовского выписала до 28 названий газет и журналов, причем "Современник" и "Отечественные записки" пользовались у читателей наибольшим успехом. Кроме того они спрашивали сочинения Пушкина, Гоголя, повести "новых

¹ Там же. № 6. С. 40-41.

² Вятские губернские ведомости. 1860. № 43. С. 302.

беллетристов" Тургенева и Писемского, особенно его роман "Тысяча душ", охотно читали и Салтыкова-Щедрина.

Во вступительной статье к каталогу Красовский выразил свое отношение к книгам и библиотечному делу: "В состав нашей библиотеки...вошли издания преимущественной ценные по своему внутреннему достоинству... Таким образом, несмотря на редкость и довольно высокую цену, мы достали "Отечественные записки" сороковых годов, которые теперь находятся в библиотеке с первого года их существования (1839) по настоящий, с случайными пропусками двух, впрочем, неважных лет (1851 и 1852)... Затем, уже с наступлением, в недавнем прошлом, боле счастливой эпохи умственного и литературного движения, отмеченной оживлением старых журналов и выходом новых возможно полных изданий первоклассных поэтов (Пушкина и потом Гоголя), состав библиотеки наше стал гораздо полнее и разнообразнее... Из отдельных непериодических изданий в нашей библиотеке есть решительно все лучшее, появлявшееся в литературе с выхода сочинений Пушкина..." 1. С явной иронией отзывался Красовский о "Библиотеке для чтения" издававшейся Осипом Сенковским, знаменитым "Бароном Брамбеусом" которая положила начало "торговому направлению" в отечественной журналистике и привлекала читателя облегченностью материала, зачатую чтивом. Красовский решительно выступал против засорения библиотек "журнальным хламом" с далеко не лучшими образцами переводных журналов, зато в его библиотеке почетное место занимали романы Диккенса, Бальзака, Жорж Санд.

Важным средством распространения книг стал книжный магазин при библиотеке Красовского, открывшийся в 1861 году. Со временем он предпринял еще одно новое дело — организовал высылку книг в уезды губернии по поступавшим заказам. Для пополнения фондов библиотеки и магазина Красовский часто выезжал в Петербург, Москву, Нижний Новгород, обращаясь перед отъездом к вятчанам через газету с предложением привезти для них необходимые книги.

Под влиянием Красовского книжное дело стало распространяться по уездам губернии. В 1862 году в Котельничском уезде открылась "крестьянская бесплатная библиотека", созданная писарем Казаковской волостной управы Дмитрием Сенниковым. Фонд библиотеки составил 150 книг, она выписывала пять периодических изданий. Читателями библиотеки числились сорок крестьян. Появлялись библиотеки в некоторых сельских школах. В Уржумском уезде, к примеру, в 1865 году выписывалось 62 названия газет и журналов в 147 экземплярах (кроме "Вятских губернских ведомостей", которые выписывали 168 человек). В Орловской городской библиотеке в конце 60-х годов было 220

 $^{^1}$ Каталог для чтения библиотеки в Вятке А.А. Красовского. СПб., Тип. С. Бекенева. 1859. С. 4.

названий книг (449 томов). Улучшались библиотеки в Слободском, Малмыже и других городах.

Большое внимание разночинная интеллигенция Вятки уделяла народознанию. "Изучать народ, его нравы, обычаи", – призывал своих питомцев Красовский. Способствуя более близкому знакомству учеников с народной жизнью, он задавал темы сочинений не похожие на те, что предполагались обычно – "Крестьянские свадьбы", "Сельские ярмарки и базары", "Народные суеверия"... Красовский говорил: "От меня требовали, чтобы я задавал сочинять хрии, а я находил более естественным упражнять учеников сочинениями описаний" 1.

На основе семинарских сочинений Иван Красноперов написал для губернской газеты несколько статей этнографического характера. Гонорар, пусть незначительный, заполнил брешь в его убогом бурсацком бюджете. Первые печатные опыты Красноперова вызывали иронию семинарского начальства. Он пришел к инспектору отпроситься в город. "Зачем тебе? – "Статья моя напечатана в губернских ведомостях, так редактор велел мне за деньгами придти..." – "Ты... ты писать стал? Ха-ха-ха!... Да знаешь ли ты, что я более 50-ти лет на свете живу, да и то не чувствую в себе призвания к сочинительству?... Что ты написал, за что бы тебе деньги следовало давать?" – "Верования вотяков". – "Наврал, чай, какую-нибудь чушь, да и в печать понес". Сычугова увлекал пример известного собирателя народной словесности П.И. Якушкина. Он имел намерение тоже идти в народ, изучать его быт и нравы. Интерес к народной жизни проявлялся у семинаристов Николая Блинова и Николая Романова, которые впоследствии стали увлеченно заниматься этнографией и статистикой.

Собирая материалы по истории Вятского края, Я.Г. Рождественский испытывал непосредственное влияние историка-демократа А.П. Щапова, с которым учился в Казанской духовной академии. Щапов в соответствии с созданной им "земско-областнической теорией" считал, что в старину освоение Вятской земли происходило усилиями народа, а не правительственной колонизацией. Казанский историк Н.Я. Аристов сообщал, что в 1859 году Щапов "занимался, с утра до полночи, над разработкою вопроса колонизации северо-восточного края", что он "пришел в восторг" от привезенных Аристовым после каникул "песен и других этнографических материалов, приобретенных в Вятской губернии". Аристов вспоминал: "Просидели мы у него часа три, и он все расспрашивал о состоянии и разных сторонах жизни Вятского края, припоминая в то же время об особенностях исторической судьбы его". Сам Рождественский рассказывал о том, что Афанасий

¹ НАРТ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 6. Л. 334. *Хрия* - риторическая речь по заданным правилам. Подробнее о А.А. Красовском см.: Сергеев В.Д. А.А. Красовский. Киров. 1977.

Прокофьевич просил его "заняться отыскиванием и собиранием в Вятке местных памятников, преданий и народных песен" 1.

Разночинцы-демократы стремились использовать печать, превратив неофициальные отделы провинциальных газет в трибуну, с которой можно обсуждать вопросы современности. корреспондентов привлекались учителя, врачи, писали и сами редакторы неофициальных отделов. Новые черты общественной жизни не замедлили сказаться на облике "Вятских губернских ведомостей", которые затрагивали проблемы образования, разнообразные книжной торговли, библиотечного дела, воскресных школ, литературно-музыкальных вечеров, подписок на журналы. В газете подчеркивалась тема социальных перемен в "эпоху великих реформ": "Что было – прошло и верно не воротится, – отмечалось в одной из статей, - прошлые времена схоронены и оплаканы Порфириями Петровичами и подобными господами не нашего прихода"².

Во многих корреспонденциях говорилось о голоде, засухе, о неурожаях, о нуждах сельских школ. "Ведомости" перепечатали из "Современника" очерк вятчанина М.И. Осокина "Народный быт в северо-восточной России", вызвавший внимание слависта И.И. Срезневского и Н.А. Добролюбова. Со слов вятских крестьян автор записал песни, народные причитания, предания, и среди них легенду о Хомитке-разбойнике, которая имела много общего с циклом легенд о Стеньке Разине. О народных нуждах писали П.В. Алабин, елабужцы — учитель Е. Пухов и врач И. Йозефович. Газета сообщала о намерении выпустить в Вятке серию брошюр для народа, авторы которых намеревались "пройти с простолюдином всю жизнь его", поговорить с крестьянином о его "житье-бытье", о необходимости знать грамоту. К сотрудничеству над этим ценным начинанием Алабин предполагал привлечь врача Н.И. Розова и чиновника П.А. Зубова.

Важным средством пропаганды просветительских идей стали речи преподавателей на торжественных актах в учебных заведениях. Некоторые из них известны, благодаря публикациям в "Ведомостях", о других можно судить лишь по названиям. В речи, сказанной в 1859 году директором Вятского уездного училища П.Х. Хохряковым ³, говорилось об отношении к

 $^{^1}$ Аристов Н.Я. Жизнь Афанасия Прокофьевича Щапова // Исторический вестник. 1882. № 10. С. 306.

² Порфирий Петрович - персонаж "Губернских очерков" М.Е. Салтыкова-Щедрина, "человек казенных денег не расточающий: свои берегущий, чужих не желающий". М.И. Шемановский сообщал Н.А. Добролюбову, что "Губернские очерки" известны по всей Вятской губернии.

³ Петр Харлампиевич Хохряков – брат учителя Пензенской гимназии Владимира Харлампиевича Хохрякова (ок. 1828-1916), педагога, историка, собирателя рукописей М.Ю. Лермонтова и материалов о нем (см.: Андроников И.Л. Первый биограф. – В кн.

воспитанию, о "тесной связи школы с жизнью", о "гуманных и разумных началах" в воспитании, о том, что "на первом плане в деле воспитания должно стоять изучение исторического развития народа".

О воспитании часто говорил Я.Г. Рождественский. В речи на первом выпуске учениц женской гимназии в 1864 году он призвал обратить серьезное внимание на вопросы женского образования, напомнил о насущной необходимости для женщин принимать участие в общественной жизни: "Образование женщин есть великое дело: это не есть какая-нибудь ненужная роскошь, не есть мода... это необходимая потребность общества, столь же необходимая, как образование мужчины". Рождественский пользовался любым случаем сказать о долге перед народом. Эта тема прозвучала в речи "Об отношении образованных классов нашего общества к народу" (1862). Актуальный подтекст имели речи "О невольничестве у древних римлян" и "О рабстве у современных народов" (1864). И хотя тексты речей не разысканы, об их демократической направленности можно судить по корреспонденции П.В. Алабина в газете "Голос", который в силу умеренности собственных посчитал выступления Рождественского неподходящими гимназических актов.

Речи, в которых пропагандировались идеи просвещения, произносились не только в стенах учебных учреждений, но и на музыкально-литературных являвшихся тоже одной из форм просветительской работы разночинцев-демократов. Первый литературный вечер в Вятке 27 февраля 1861 года был посвящен Пушкину. Сборы от него предназначались на сооружение памятника поэту в Царском Селе. Главными организаторами вечера стали П.В. Алабин и П.А. Зубов, страстный поклонник Пушкина. В проведении вечера участвовали и представители от "новых людей" - чиновник и начинающий литератор В.А. Кандауров и Я.Г. Рождественский, выступивший с докладом "О Пушкине как о человеке и его влиянии на развитие отечественной литературы". Зубов, которому претил акцент, сделанный Рождественским прежде всего на общественной значимости Пушкина, не преминул с явным неудовольствием поделиться впечатлением от вечера и от выступления Рождественского со своим университетским наставником П.А. Плетневым (ему Пушкин посвятил "Евгения Онегина"): "Общий взгляд автора на поэзию, а также отдельные оценки его некоторых из русских поэтов диаметрально противоположны тем убеждениям, какие вынес я и навек себе усвоил из университетской аудитории" 1. Так на Пушкинском вечере произошло столкновение "отцов и детей", хотя нельзя сказать, что "дети", то есть "новые люди", относились к Пушкину "по-базаровски", по-писаревски.

Андроников Ираклий. Собр. соч.: в 3-х т. М., 1981. С. 572-589) и Василия Харлампиевича Хохрякова, участника революционной пропаганды в воскресных школах Петербурга.

¹ Петряев Евг. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970. С. 84-85.

По подсчетам "Ведомостей" в 1862 году в губернии прошло 20 музыкальнолитературных вечеров, в 1863-м - 12. На первом месте стояла Вятка, за ней Елабуга (ее первенству среди уездных городов несомненно способствовала близость Казани). Организаторами и участниками вечеров становились преподаватели, учащиеся, чиновники. Вечера начинались лекцией, затем читали стихотворения, ставили отрывки из пьес, исполняли музыкальные произведения, песни. В программах преобладали стихи Некрасова, Шевченко, фрагменты из сочинений Салтыкова-Щедрина. Но звучали и стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Гоголя обычно представляли чтением отрывков из "Мертвых душ", "Записками сумасшедшего", сценами из "Ревизора". Из иностранных поэтов преимущественным успехом пользовался Беранже в В.С. Курочкина поэтов-демократов И М.Л. Михайлова. Некрасовские стихотворения исполнялись постоянно и чаще других. В Глазове ссыльный Порфирий Войнаральский читал "Еду ли ночью по улице темной...", "Маша", "Извозчик". В Яранске звучала поэма "Коробейники". Преподаватель словесности вятской гимназии В.П. Москвин выступил на одном из вечеров с лекцией о творчестве Некрасова. Разборы литературных произведений устраивались и в уездных городах. Учитель елабужского городского училища Е. Пухов прочел статью Белинского о творчестве Лермонтова. Там же участники вечера слушали чтение тургеневской статьи "Гамлет и Дон Кихот". Войнаральский не только выступал на вечерах в Глазове, но и стал организатором одного из них, привлекая участников созданного им кружка, выпускника Казанского университета Петра Колотова, учителя Федора Сергиева, купеческого сына Осипа Зонова. В Вятке в проведении вечеров помогали ссыльные Константин Ген и Ананий Куща.

А.А. Красовский подготовил семинаристов к восприятию театра, ранее ими невиданного, приобретал билеты на спектакли заезжих актерских трупп и раздавал своим подопечным. Позднее по его же инициативе семинаристы поставили "Женитьбу" Гоголя. Первый спектакль прошел тайно от начальства. О "нелегальной премьере" подробно рассказал Красноперов в "Записках разночинца". Позднее, когда разрешение на постановки было получено, спектакли собирали до трехсот семинаристов. (Правда, по "Запискам бурсака" Сычугова исход увлечения театром выглядел иначе - первый спектакль оказался и последним).

Воспитанники семинарии и гимназисты стали активными участниками вечеров и преданными помощниками их устроителей. Сборы шли на различные цели: в пользу бедных учеников и студентов, в помощь библиотекам. На одном лишь вечере в Глазове в 1862 году для устройства библиотеки уездного училища собрали около ста рублей.

"Вятские губернские ведомости" уделяли вечерам много внимания - сообщали программы, имена участников, сведения о том, куда поступали средства, собранные от вечеров, писали об отношении к ним различных слоев

общества. Ретрограды встречали эти дела в штыки. На их выпады газета реагировала так: "Вообще такое нововведение, как литературные вечера, трудно принимается на уездной почве и иногда встречается с явным недоброжелательством". И все-таки вечера пользовались громадным успехом. На Пушкинском вечере, по свидетельству "Ведомостей", помимо "высшего вятского общества" собрались "и учителя гимназии, семинарии и разных училищ, и чиновники, и офицеры, и купцы, и ученики гимназии, семинарии, канцелярского училища, и приказчики из магазинов, и всего отраднее и знаменательнее то, что на этом вечере было, кажется, больше двенадцати дам".

Не меньший, если не больший интерес вызывали вечера в уездных городах. В Яранске на литературный вечер, проходивший в небольшом помещении, собралось более ста человек. На одном из вечеров в Кукарке, организованном Н.И. Золотницким, пришедших оказалось так много, что иным пришлось тесниться у окон на улице. Проведение вечеров во многом зависело от энтузиастов, а они могли покинуть Вятку или уездные города, причем кое-кто и вынужденно. После перевода Войнаральского "за возмущение спокойствия" обывателей из Глазова в Яренск Вологодской губернии, купеческий сын Осип Зонов сообщал ему: "Театры у нас снова восстанавливаются" ¹. Значит вынужденный отъезд Войнаральского, деятельного организатора и участника вечеров, не смог заглушить полезное дело.

Одним из примечательных явлений эпохи реформ стало стремление интеллигенции к просвещению народа. С общественным подъемом оказалась связанной организация воскресных школ, в работе которых просветители-демократы усматривали прямой путь к бессословному образованию народа, а также возможность его политического воспитания. О непосредственной связи образования со служением обществу Н.И. Золотницкий писал:

"Учись затем, чтоб быть полезным Себе и обществу всему, Учись быть гражданином честным 2 .

Во второй половине ноября 1860 года П.Х. Хохряков и Н.И. Золотницкий, бывший тогда редактором неофициального отдела губернской газеты, обошли более сорока мастерских и ремесленных заведений Вятки, приглашая учеников и подмастерьев на занятия в воскресной школе. Часто им приходилось преодолевать сопротивление хозяев. Причину такого поведения Золотницкий объяснил: "Что заставляет хозяев удерживать учеников от посещения школы? Боязнь ли того, чтобы ученики не сделались умнее их самих, чтобы не

 $^{^1}$ Козьмин Б.П. Молодые годы Порфирия Ивановича Войнаральского // Каторга и ссылка. №1 (38). М., 1923. С. 153.

 $^{^2}$ (Золотницкий Н.И.) 1 января 1866 года в Кукарке и краткий очерк слободы Кукарки. Казань. 1866. С. 26-27.

прочитали какого-нибудь ремесленного устава, чтобы не написали при случае жалобу начальству, чтобы не заметили недостачи платы?"

Программы воскресных школ были проникнуты сознанием необходимости просвещать народ. "Нам нельзя оставаться равнодушными, это дело ближе всего лежит к нашему сердцу", - писали учителя из Елабуги. Они предполагали вести уроки "живо, увлекательно", стараясь "посвятить себя новому служению на общую пользу", намечали "помимо уроков чтения, письма, арифметики и закона Божьего, проводить уроки истории, естествознания". О последнем предмете в программе сообщалось, что он "должен помочь искоренению невежества в массе простого народа" 1. Мысли елабужских учителей оказывались созвучны словам Золотницкого в статье "О вятской воскресной школе", помещенной в "Ведомостях": "Нужно было прислушаться к голосу того общества, на пользу которого должна служить школа, узнавать склонность его к учению, заранее определить приблизительно сумму запроса с его стороны на грамотность".

Вятчане охотно привлекали богатый опыт соседей, просветителей Казани и других городов Поволжья и Приуралья. За распространение грамотности среди народа страстно ратовал А.П. Щапов. Немалую роль в пропаганде воскресных Поволжско-Уральский высланные В регион Харьковско-Киевского тайного общества: в Бирске (Уфимская губерния) -Митрофан Муравский, в Перми - П.С. Ефименко, впоследствии известный этнограф, в Слободском - В.В. Ивков. Еще до ареста участники общества вынашивали мысли о необходимости просвещать народ. Муравский много энергии отдал устройству воскресной школы в Бирске. Помощником его преподаватель уездного училища, выпускник университета Петров, происходивший, как он с гордостью говорил, "из вятских" ². У Петрова, увлеченного идеей воскресных школ, могли быть связи с родиной. Да и сам Муравский, человек общительный, корреспондентов в Поволжье и Приуралье, установил связи с Ивковым.

"Даровая учеба" привлекла народ. В воскресную школу при уездном училище записалось 135 человек в возрасте от 9-ти до 36-ти лет. Общее их число постепенно возрастало, и хотя не все имели возможность регулярно посещать занятия, к началу 1862 года в школе насчитывалось сто действительных учеников. Они происходили из мещанского сословия, из городских низов. Уроки посещали солдаты стоявшего в Вятке резервного батальона. Крестьяне окрестных деревень являлись за несколько верст. Те, кто по разным причинам пропустили занятия в воскресный или праздничный день, когда шли уроки, обращались к учителям за разъяснениями. Случаев отказа не

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7863. Л. 3.

² Лемке М.К. Молодость "отца Митрофана" // Очерки освободительного движения "шестидесятых годов". СПб., 1908. С. 303.

бывало. Задолго до начала занятий ученики собирались у здания училища. Уроки воспринимались ими как праздник, поэтому многие старались получше приодеться. Учеников воскресной школы привлекала не только возможность получения знаний, но и общение с учителями, которые говорили с мещанами, крестьянами, солдатами, как равные с равными.

Занятия для народа в воскресной школе в Вятке вели Золотницкий, Хохряков, учителя гимназии, преподаватели семинарии - Рождественский, Шестаков, Трушков. Им охотно помогали гимназисты и семинаристы И. Рудницкий, Арбузов, Кувшинский, Никольский, Богданович, Емельянов, Глазырин, М. Шулятиков, Н. Романов, В. Фармаковский, Голтовский. Пятеро последних состояли в кружке Красовского, который и сам вел занятия в школе. Участвовали в ее работе студенты Казанского университета, выпускники вятской гимназии Н. Пушин и А. Хохряков. И.М. Красноперов вспоминал: "Каждое воскресенье, после обедни, мы ходили в город, в эти школы и учили там грамоте массой собиравшихся и старых и малых мещан и крестьян... Ходил туда и Александр Александрович (Красовский - В.С.). Везде - в номерах, на улице, в классе - только и было разговора о том, что каждый из нас прочитал: общественные вопросы стояли на первом плане... говорилось о свободе, о любви к мужику... Для нас, еще тогда молокососов, наступило точно воскресение. Какая-то радость, какое-то высокое одушевление наполняли наши сердца. Но мы знали, что перед нами открылся новый широкий путь знания и служения дорогой родине. Это была золотая идиллия юности, исполненной мечтаний, невозвратное время, когда самонадеянному уму всякая высь казалась доступной, всякая преграда – легко устранимой. Жизнь, не омраченная ни единой тенью, была в наших глазах озарена ослепительным светом..."

Успешно действовала воскресная школа в Елабуге. Организовавшие ее учителя А.Н. Калугин и Е. Пухов старались, по их собственному признанию, "послужить по мере сил и способностей делу образования в массе народной" 1. В Глазове "будничную женскую школу" создали почетный смотритель уездного училища П.И. Колотов, учителя Ф. Сергиев и Рукавишников. Вел там занятия и ссыльный студент Порфирий Войнаральский. В школе занимались тридцать три девочки, причем более половины из них перешли из школы, ранее организованной глазовским духовенством. Но между устроителями "будничной женской школы" и кое-кем из уездного училища произошел досадный конфликт. Смотритель училища, принявший сторону духовенства, отказался выдавать "будничной школе" учебные пособия и письменные принадлежности. Более того, он совершенно безосновательно обвинял создателей школы в злоупотреблении имуществом уездного училища, хотя Сергиев и Рукавишников, отдавая новому делу все силы, "жертвовали громадным капиталом времени и трудом своим". Причиной негативного

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7763. Л. 6 об.

отношения к "будничной школе" стало, к сожалению, "нигилистическое" поведение самого Войнаральского, который в церкви во время службы вел себя неподобающим образом, смеялся, проявляя неуважение и к священнику и к прихожанам. Такой человек, к тому же ссыльный, то есть "государственный преступник", не должен был, по мнению глазовского духовенства и вятского архиепископа Агафангела, обучать детей.

Воскресные школы наряду с женскими, подвергались резким нападкам рутинистов, которым особенно претило человеческое обращение учителей с учениками. "В этой школе, - передавал Н.И. Золотницкий слова одного из "господ не нашего прихода" о воскресной школе в Вятке, - всякому, какому ни на есть чумазому оборвышу учитель говорит: скажите вы мне то и это..."

Помимо неудачи с "будничной женской школой" в Глазове, были и другие поражения сторонников народного образования. Об одной из побед ретроградов в Орлове повествовал стихотворный фельетон "Старое предание", помещенный в демократическом журнале "Русское слово" (1862, VI). Автором этой сатиры, по предположению Е.Д. Петряева, был орловский уроженец П.М. Синцов. Упомянутый в фельетоне купец Петухов, или "барин Петух", как говорится в примечаниях к фельетону, оказался самым яростным противником открытия женской школы в Орлове.

Средь великих угрюмых лесов Городок есть Орлов. Там живут взаперти, как купцы, Того града отцы.

С вялой ленью, с недвижностью сна: Старина им мила. Раз глядят, – к ним забрел в вятский лес Мимоходом Прогресс.

Речь о книгах повел, И пошел, и пошел: Я для вас, – говорит, – дикари, Заведу буквари,

Нам не умниц давай, лучше дур, Чтоб не строили кур, Книг не знали, родили детей, Да боялись мужей. Чтоб для ваших жен и детей Свет открыть поскорей. Я их в школы от вас уведу И на ум наведу...

Застонал, закряхтел вятский лес, Когда смолкнул Прогресс. Будем жить мы, как жили отцы, – Завопили купцы.

Для чего нам твои буквари, Молодец, говори!.. Для чего нам для здешних сторон Образованность жен!

Чтоб умели не петь лишь стишки, А ворочать горшки. Так иди же, молодчик, к другим -Ничего не хотим!

Так вопил тех орловских граждан Целый дружеский стан. Громче всех посреди стариков Причитал Петухов.

Ученики воскресных школ занимались с примерным усердием, показывая неплохие знания. Учителя работали творчески, мечтая о совершенствовании

обучения. При вятской воскресной школе существовала небольшая библиотека, где ученики могли получать книги на дом. Н.И. Золотницкий предполагал ввести "упрощенный способ чтения", который впоследствии вошел в употребление во многих губерниях и помимо Вятской. В одном из отчетов о работе школы сообщалось, что учителя рассчитывали освоить приемы "против старинных методов обучения", в тоже время увеличив продолжительность занятий.

В работе воскресных школ вятские просветители встречали те же трудности, что и их единомышленники в других губерниях. Журналист и публицист Г.Е. Благосветлов в статье "По поводу воскресных школ" писал: "Есть ли какая-нибудь возможность человеку, занятому десять часов в сутки механической работой, к вечеру усталому и голодному, ежеминутно встревоженному одной заботой, - дневного обеспечения себя и своего семейства, - есть ли ему возможность не только уделить часы досуга умственному занятию, но даже подумать об этом?" ¹.

Одновременно с юными разночинцами, помогавшими воскресной школе в Вятке, в гимназии учился Василий Хохряков, который, став студентом Медико-Хирургической академии, принял участие в революционной пропаганде среди учеников воскресных школах Петербурга. Аналогичных фактов в вятской воскресной школе не было. Но в июне 1862 года с похолоданием политического климата все воскресные школы по распоряжению Александра II прекратили существование. Автор рукописной биографии Золотницкого казанский публицист и журналист Н.Я. Агафонов написал об этом: "Воскресная школа привлекала массы учащихся и была закрыта в пору полного процветания одновременно с закрытием всех воскресных школ." 2.

УМЕРЕННЫЕ И "НЕТЕРПЕЛИВЦЫ"

Говоря о составе книг своей библиотеки, А.А. Красовский отмечал, что ей надлежит стать "средоточением сознательной русской мысли в лучший из периодов ее развития", нашедший выражение "в замечательнейших произведениях и статьях". Не случайно он гордился приобретением, несмотря на редкость и довольно высокую цену, "Отечественных записок" 40-х гг., интересных статьями Белинского, появление которых с нетерпением ожидали и в столице и в провинции. Тогда же журнал публиковал художественные произведения и философские сочинения Герцена. Отсутствующие комплекты создатель библиотеки назвал "неважными", поскольку с уходом Белинского из "Отечественных записок" они на некоторое время потеряли былое значение.

 $^{^{1}}$ Благосветлов Г.Е. По поводу воскресных школ // Шестидесятники. М., 1984. С. 96.

² Агафонов Н.Я. Несколько биографических данных о Н.И. Золотницком. – Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета, собрание Н.Я. Агафонова. 226. Л. 636.

Номера, выпущенные до ухода Белинского и отъезда Герцена в эмиграцию, имели ценность еще и оттого, что предписанием министра внутренних дел книжки журнала с герценовскими статьями подвергались уничтожению. Тогда же из Вятской публичной библиотеки изъяли и уничтожили двенадцать номеров "Отечественных записок" 1840-1843 годов. Красовский имел все основания гордиться тем, что его библиотека располагала и этими уже тогда редкими экземплярами.

Книжки "Современника" библиотека Красовского получала непосредственно через редакцию, и сам Н.А. Добролюбов следил за их высылкой в Вятку. В пропаганде книги, в библиотечной работе, в организации книжной торговли Красовский следовал принципам, изложенным Н.А. Серно-Соловьевичем: "Книготорговец, если только им двигают не одни только личные, денежные расчеты, может много сделать для народного образования, содействуя созданию и распространению книг, полезных по содержанию..."

Вокруг Красовского образовалась группа семинаристов, которые часто собирались в библиотеке по приглашению хозяина: двоюродные братья Иван и Егор Красноперовы, С. Сычугов, М. Шулятиков, Н. Вершинин, В. Захаров, Н. Блинов, Н. Романов, А. Черепанов, Голтовский, Селивановский. Возможно, участниками кружка были и некоторые гимназисты.

Пристальный интерес у собиравшихся вызывали и издания Вольной русской типографии. "Теперь начинают и в Вятке, как, конечно, и в других захолустьях России узнавать о заграничной деятельности Искандера", – такую запись сделал в дневнике (1856, январь) Н.А. Добролюбов после встречи с одним из вятчан. Разговор шел о Герцене и о вятчанах, знавших его во время ссылки.

"Колокол" на том берегу бил тревогу, – вспоминал Н.И. Золотницкий – умы даже и в Вятке волновались" ². Автор одного из писем, перлюстрированных в августе 1860 года III отделением, сообщал: "...здесь легко попадаются в руки сочинения Искандера, и я, кажется, успеваю их все перечитать и даже "Колокол" за нынешний год: вот как просвещена Вятка!" ³. Беспокоясь, что и Вятка может "наводниться заграничными русскими изданиями", III отделение издало предписание следить за распространением их в городе. В причастности к этому подозревались инспектор Вятской врачебной управы Н.И. Розов и чиновник П.С. Сунцов. И.М. Красноперов вспоминал, как в 1859 г. сын вятского купца, московский студент Масленников привозил в Вятку литографированные экземпляры "Былого и дум" и продавал их: "Грошами собрали некоторые из нас эти два рубля и купили в то время запрещенное

¹ См.: Петряев. Е.Д. М.Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров. 1975. С. 28.

 $^{^2}$ Собственноручные автобиографические показания Николая Ивановича Золотницкого. — Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета. Собрание Н.Я. Агафонова. № 216. Л. 1623.

³ Революционная ситуация в России 1859-1861 гг. М., 1962. С. 257.

сочинение" 1. В 1861-1862 годах слободской купец Иван Ворожцов привозил будто бы купленные у кого-то на Нижегородской ярмарке номера "Колокола", "Былое и думы" и другие герценовские издания. В августе 1862-го полицией были получены сведения, что у Красовского, который "не отличается особенной религиозностью" имеется много запрещенных сочинений Герцена, и что он скрывает их в киотах для образов и в самих образах 2. Чтение "Колокола" в библиотеке Красовского, расположенной во втором этаже каменного дома на углу Московской и Воскресенской улиц, по словам Сычугова, происходило так: приглашенные являлись "в заветную комнату в определенный час. Кому-нибудь... Красовский вручал "Колокол" Герцена, и тотчас начиналось его чтение, за которым, конечно, следовали разговоры". Участники кружка соблюдали меры осторожности – собирались будучи заранее оповещены, приглашались только проверенные, для запретного чтения отводилась особая комната. После прочтения "следовали разговоры" обсуждение. Затем выходили в читальный зал "один по одному". Подобные чтения происходили по воскресным дням, расходились вечером. Стало быть, знакомству с "крамольной" литературой посвящался почти целый день.

Кроме "Колокола" Красовский знакомил участников кружка с особо важными статьями "Современника": "Красноперов, приходите ко мне сегодня на ночлег - пришел "Современник"... ужасно много интересного. Приводите с собой Романова, Селивановского, Голтовского и еще кого-нибудь из своих товарищей". "Колокол" и "Современник" прочитывались "от корки до корки", а хозяин библиотеки был знающим комментатором журнальных статей.

Над прочитанным долго и вдумчиво размышляли. В бумагах Красноперова семинарского периода сохранились выписки из "Колокола" и "Современника". Позднее, отвечая на вопросы следственной комиссии по делу о "Казанском заговоре", он объяснял, что найденная при обыске рукопись "Французский карбонаризм 20-х годов нынешнего столетия", написана им еще в бытность обучения в семинарии, а использованы в ней сочинения Луи Блана, Д.-С. Милля, Ф.-К. Шлоссера. Интерес к французскому социалисту-утописту Л. Блану Красноперов пояснил: "Причиною выбора этого сочинения послужил частью хороший отзыв о нем в "Современнике", а частью то, что главной моей целью было изучить историю Франции с XVIII столетия до настоящего времени". Сочинения английского философа и экономиста Милля и "История восемнадцатого столетия" немецкого историка Шлоссера в переводе Чернышевского пользовались особой популярностью читателей-разночинцев. Для Красноперова, формировавшего взгляды на рубеже 50-60-х гг., был характерен интерес к истории французских революций. "Видно, такова манера

¹ Красноперов И.М. Отрывки из воспоминаний (1850-1860 гг.) // Вятская речь. 1915. № 17. Этот эпизод не вошел в текст "Записок разночинца".

² Коган Л.А. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966. С. 272.

царей, - размышлял Красноперов, - что они власть свою понимают как насилие; в своих требованиях и поступках они постоянно пьют кровь своего народа, который дает им короны и подати, кормит все дворянство и правительство и в награду за это получает плети и вечно безотрадную неволю". Красноперов впечатлялся описаниями революционных событий: "Подобные вещи как-то сильнее заставляют биться сердце и не велят нам отчаиваться, а царям забываться". Пусть эти строки - переложение из указанных авторов, как утверждал Красноперов на следствии, - в любом случае высказанные мысли являются и убеждениями будущего участника "Казанского заговора".

Использовал Красноперов и материалы "Современника". Прочитав на его страницах о том, что во времена бироновщины "Санкт-Петербургские ведомости" изображали Россию счастливейшею страной, он записал собственное суждение: "У нас теперь то же самое. Россия страдает от дикого деспотизма правительства, от грабительства чиновников, а газеты (Петерб. вед., Москов. вед., Север. пчела и проч.) уверяют, что Россия свободно наслаждается благоденствием. В подобные времена людям денежным, продажным жить и писать весьма выгодно, потому что честность тогда не терпится и отправляется в тюрьмы, а низость награждается и поощряется. Дело само по себе ясное" 1.

Участники кружка знали о знакомстве Красовского и Шемановского с Чернышевским и Добролюбовым. Руководители "Современника" обращали внимание на общественную жизнь провинции, получая информацию от нижегородцев, казанцев, пермяков, вятчан. Сведения им давал и Шемановский, он писал о Вятке, Казани, Казанском университете, вообще о "восточной стороне", сообщал о восприятии вятчанами добролюбовских статей: "Темное царство" великолепно, все, кто читал его, интересуются знать имя автора, отпетых, которые страшно негодуют". разумеется, кроме Шемановский о реакции на статьи Добролюбова представителей духовенства: "Кстати, о твоей литературной деятельности. Здесь в Вятке читающие из духовенства негодуют на тебя, говорят: что это за человек, который все отвергает... Они очень удивляются, что такой человек мог выйти из семинарии".

В одном из писем Шемановский сообщал Добролюбову: "Есть кое-что о Жадовском". Речь шла об оренбургском помещике, которого в 1858 году выслали в Вятку. Жадовский являл собой яркий образчик помещика-крепостника. Вот его далеко не полный "послужной список": в собственном имении тридцать четыре крестьянина забрил в солдаты, намеревался отдать в рекруты еще девяносто трех, шестерых загнал в сибирскую ссылку. Против Жадовского имелись явные улики - следы жесточайших побоев у крепостных: у многих из них и через год не спадала опухоль на голове, у других были

¹ НАРТ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 6. Л. 293 об., 296 об.

выдраны волосы. Дикость и бесчинство помещик-самодур проявлял не только по отношению к собственным крестьянам. В одной из поездок он избил ямщиков, учинил скандал в ямской избе, приказал дворовым палить из ружей по сбежавшимся на шум людям. В ссылке Жадовский вел себя буйно, пьянствовал, заводил ссоры на театральных представлениях и в частных домах, пытался самовольно покинуть Вятку, хотя и без того получал ранее разрешение минеральные все Елабугу на воды. И губернатор выехать М.К. Клингенберг аттестовал его как человека отменного во всех отношениях. Жил Жадовский на широкую ногу, снимая комнаты в меблированных Homepax 1.

Интересуясь настроениями Шемановского, Добролюбов писал ему еще в Ковно: "Ты ничего не пишешь о гимназистах: разве ты не сблизился с ними? Разве не старался пробивать хотя бы в некоторых кору ковенской пошлости и апатии. Ведь ты знаешь, что вся наша надежда на будущие поколения?" Но Шемановский и сам старался пробуждать человеческое достоинство и общественное сознание в ковенских, а затем и в вятских учащихся. Впрочем, многое доходило до молодежи и помимо учителей. Шемановский записал в своих воспоминаниях: "В 1860 году, бывши в Вятке, мне попалась тетрадь запрещенных стихотворений одного семинариста тамошней семинарии. Перебирая, я встретил в ней два-три стихотворения, писанные Добролюбовым во время его студенчества! Так далеко расходятся его стихотворения!" 2.

Избравший священническое служение выпускник семинарии о. Николай Блинов вспоминал: "Когда и как выработалось такое "идейное" убеждение? Сказать не могу прямо. Представляется, что мы (я и товарищ мой Курбановский) сами пришли к тому, самостоятельно выработали себе такой взгляд, да и не вырабатывали, а он как-то утвердился само собой, — сельская деревенская жизнь запечатлелась, зафиксировалась в картинах всего детства, юности. А направление, несомненно, дано было литературой. Но какими писателями — едва ли определенно можно сказать. Завершилось Добролюбовым" ³.

Участники кружка увлеченно слушали рассказы Красовского о поездках в Петербург, необходимых ему "для освежения головы". Наезжая из Вятки в столицу, он поддерживал старые знакомства, заводил новые, посещал для пополнения библиотеки книжные магазины, бывал в редакции "Современника". "Всякий раз по приезде своем назад в Вятку, - вспоминал И.М. Красноперов, - Александр Александрович передавал нам в классы

¹ О Жадовском см.: Зубарев И.И. Сосланный в Вятку тайный советник А.Е. Жадовский // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905. Отд. третий. Вып. V-VI.

² Шемановский М.И. Воспоминания о жизни в Главном педагогическом институте 1853-1857 годов // Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1961. С. 73.

³ Блинов Н.Н. Дань своему времени... Л. 1.

впечатления своей поездки. Его рассказы о Добролюбове и Чернышевском дышали такой любовью и уважением к этим личностям, что эту любовь и уважение он передал и нам... Бывало всякий раз, презжая из Петербурга, Александр Александрович передавал нам поклоны от Добролюбова и Чернышевского, и когда мы спрашивали его: "Ведь они нас не знают?", он серьезно отвечал: "Я говорил им, что вы - страстные поклонники их, любите читать их статьи".

Интересна переписка Добролюбова и Шемановского. Глубоко порядочный и предельно честный, хотя иногда не в меру апатичный, Шемановский, конечно не годился к действиям, на которые был способен Добролюбов, убеждавший его: "Мы можем овладеть настоящим и удержать за собою будущее. Нечего унывать и спать". Шемановский соглашался, однако, свершение благих мечтаний видел в весьма отдаленной перспективе: "Наша цель - общее благо, если не теперь, то в будущем, и потому приносить пользу обществу действительную, согласную с нашей великой целью, пользу, но кто чем может". Критик делился с Шемановским сокровенными планами, отвечая ему, сетовавшему на отсутствие сил пробить дорогу "к деятельности честной и свободной": "...нам нечего хлопотать о создании честной деятельности; она сама собой создастся, потому что мы не в состоянии действовать иначе, как только честно. С потерею внешней возможности для такой деятельности мы умрем, - но умрем все-таки недаром... Вспомни: Не может сын глядеть спокойно // На горе матери родной, - прочти стихов десять, и в конце их ты увидишь яснее, что я хочу сказать". Эти строки некрасовского стихотворения "Поэт и гражданин" Шемановский не мог не знать: "...дело прочно, // Когда под ним струится кровь". С этим он не мог согласиться и в одном из писем Добролюбову решительно возразил против призыва "К топору зовите Русь!", провозглашенному на страницах "Колокола" автором "Письма из провинции", укрывшемся за псевдонимом "Русский человек". (По версии ряда историков им являлся сам Добролюбов).

Авторитету Шемановского среди учащейся молодежи, при всех его собственных достоинствах, немало способствовала дружба с Добролюбовым. Знал он и других сотрудников "Современника" Н.А. Некрасова, И.И. Панаева, П.П. Пекарского. Участникам вятского кружка могли быть известны фотографии Добролюбова. Одну он в 1860 г. прислал Шемановскому, другую тогда же передал Красовскому с карандашной надписью на обороте: "На память Александру Александровичу Красовскому".

Преждевременная кончина Добролюбова впечатлила почитателей его статей. По донесению полицейского агента в день похорон собралось свыше двухсот человек. Среди них были Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов, А.Н. Пыпин, И.И. Панаев, Н.В. Шелгунов, М.А. Антонович, сотрудники "Русского слова" и "Искры", издатели и журналисты, литераторы, офицеры,

студенты, гимназисты. Находился среди них и Красовский, оказавшийся тогда в Петербурге 1 .

Возвратившись из столицы, он показал семинаристам печальные реликвии несколько тщательно сложенных листков от лаврового венка, возложенного на голову покойного Добролюбова, и карточку со словами "Соль русской земли". Возможно, такая надпись была сделана на визитных карточках Добролюбова, которые раздавались участникам похорон. Семинаристы согласились с предложением Красовского почтить память Добролюбова панихидой, ведь для них образ одного из руководителей "Современнника" был окружен, по словам И.М. Красноперова, ореолом святости. В холодный декабрьский день в Воскресенском соборе, против которого находилась библиотека Красовского, собралось около семидесяти семинаристов. Позднее Иван Маркович по памяти воспроизвел содержание речи, произнесенной им на панихиде: "Русская земля понесла великую потерю... Умер Добролюбов. Мы все его знали; знали, что он был одним из лучших людей русской страны. Мы обязаны ему всем, что может быть только лучшего в человеке. Он воспитал в нас идеалы правды и добра, воспитал в нас любовь к народу, на служение которому он учил нас посвятить все свои силы. Велика твоя заслуга перед молодым поколением! В будущем, в трудные минуты нашей жизни, когда под бременем житейских невзгод мы будем близки к падению, стоит нам только вспомнить твое славное имя, твои великие заветы –, и, я уверен, мы спасем себя от падения. Пусть это старье ругает и ненавидит тебя, как развратителя молодого поколения, но это поколение будет горячо любить тебя за твои здравые идеи; оно со смехом отойдет прочь от обскурантов и с гордостью и самоуверенностью пойдет по тому именно пути, который ты проложил своей литературной деятельностью". На другой день инспектор семинарии выговаривал Красноперову: "Как ты смел своими погаными устами осквернять храм Божий?.. Это святотатство!.." - "Я, отец инспектор, ничего худого не сказал. Я сказал только, что Добролюбов учил нас мыслить..." - "Ох, вы, дураки, дураки! Учились мыслить у людей, которые сами люди вредные для общества..."

Красовский показывал юным друзьям автографы Добролюбова и Чернышевского. Эти записки были адресованы В.А. Обручеву, а переданы Красовскому самим Чернышевским. Возможно, и сам Обручев знал Красовского, поскольку позднее конверт с пятью экземплярами второго номера нелегальной газеты-прокламации "Великорус" был послан в Вятку в его библиотеку.

Некоторые ссыльные, отправляясь в Вятскую губернию, заранее рассчитывали встретить там знакомцев Добролюбова и Чернышевского. О Красовском они могли узнать и от них самих и от возвратившегося в Петербург из вятской ссылки Василия Лаврецова, который стал приказчиком в

¹ См.: Рейсер С.А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957. С. 128.

книжном магазине Д.Е. Кожанчикова. По прибытии в Вятку завели знакомство с Красовским ссыльные студенты Северин Смоленский и Петр Свешников. Вряд ли их встреча была случайной, как объяснял Красовский следственной комиссии по делу о "Казанском заговоре". О случайности знакомства заявил и Смоленский: он зашел в библиотеку будто бы привлеченный приметной вывеской.

Общение Красовского и ссыльных студентов основывалось на обоюдном доверии. Примечательна характеристика, данная Смоленским Красовскому для участника студенческого кружка в Петербурге Мирослава Кучука. (Сам Кучук Красовского не знал, а рекомендация осенью 1862 года после ареста Чернышевского была необходима). "Ты можешь быть с ним откровенным, - писал Смоленский Кучуку, - он из числа тех, с которыми можно говорить свободно. Если имеешь какую-нибудь новость, то можешь смело ему дать, и он доставит мне. Познакомь его с Утиным, это будет очень хорошо: через него можно все посылать в провинцию. Он сам давал нам читать разные запрещенные издания. Следовательно, ему можно доверять вполне" 1.

Через высланного в Слободской участника Харьковско-Киевского тайного общества В. Ивкова Красовский знал Митрофана Муравского, который, отбывая ссылку в Уфимской губернии, в 1861 году организовал сбор книг для узников Петропавловской крепости. В письме врачу и общественному деятелю В.А. Манассеину в Казань "отец Митрофан" сообщал: "О сборе книг в библиотеку Алексеевского равелина я постараюсь похлопотать в Уфе и Оренбурге, кроме того, напишу в Херсон, в Новомосковск Екатеринославск. губ.), Курск, Вологду, Вятку, Каргополь (Олонецк. губ.)" ².

Общение с людьми, знавшими Добролюбова и Чернышевского, знакомство с "Современником", с изданиями Вольной русской типографии, "усердное и толковое чтение массы книг", а также "упорное размышление, как по поводу прочитанного, так и встречавшихся в жизни явлений" (слова Сычугова) - все это, в конечном счете, определило мировоззрение многих молодых разночинцев Вятки в "эпоху великих реформ". Их настроения и чаяния выразил Иван Красноперов в письме 11 июля 1861 года одному из старших товарищей.

Жизненным примером для себя Красноперов выбрал Яна Гуса с его твердостью и непоколебимостью духа: "Когда Гуса привели на вселенский собор, где он должен был выслушать решение своей участи, и когда сказали ему, что собор в своих действиях непогрешим и потому он, Гус, должен исполнить в точности все приказания собора, Гус ударил себя в грудь рукой, засверкал глазами и вскричал: "Если бы вся вселенная что-нибудь сказала, я и

¹ НАРТ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 6. 345.

² Лемке М.К. Молодость "отца Митрофана" // Очерки освободительного движения "шестидесятых годов". СПб., 1908. С. 315.

тогда тому не поверю, и не сделаю сам, если сам в том не буду убежден!" Красноперов юношеским максимализмом доказывал: "Молодое воспитывающееся поколение бывает умнее старого - таков закон прогресса". на праве человека обличать невежество, устаревшие настаивал представления: "На всяком человеке, коль скоро есть у него хоть капля здравого смысла, лежит священная обязанность обличать всех обскурантов, всех шарлатанов, не допускать их морочить других своими допотопными моралями, и внушать другим, если ты можешь и способен, понятия, проводить свои убеждения в жизнь". человеческие завершалось словами: "Советую Вам, если Вы не читали - читать Белинского, Добролюбова и Чернышевского – личностей в высшей степени гуманных и благородных" 1.

За советом в выборе жизненного пути Красноперов обратился именно к Чернышевскому, властителю дум разночинной молодежи:

"Милостивый государь Н.Г.! Уверенность, что Вы не будете обвинять меня за то, что я прямо, не зная Вас, обращаюсь к Вам с просьбой и советами, – побуждает меня высказываться перед Вами искренно и откровенно. Скажу наперед: я вятский семинарист, сын сельского причетника. Давно я уже имею мысль поступить в Петербургский университет и не знаю, каким образом мне осуществить эту мысль, мне, не имеющему никаких средств. Семинария мне ужасно опротивела, я не могу прожить в ней ни одного дня без того, чтобы не оскорбляли меня на каждом шагу, и все это так пошло и гадко, что я считаю для себя даже позором называться семинаристом. Думал, было, нынче держать экзамен в здешней гимназии, прихожу к директору с прошением, прося у него позволения явиться на экзамен, но он мне ответил, что принять у меня экзамен гоов, но что экзамен у них ведь строг и пр. и пр. Боже мой! Скоро ли мы уж дождемся того времени, когда эти экзамены пошлют у нас к черту! А между тем, мне очень и очень хочется заниматься серьезно, я предался бы этим занятиям всей душой, хотя бы пришлось мне для этого рисковать собственным здоровьем, лишь бы меня не теснили. Во всяком случае я решил ныне же идти пешком в Петербургский университет.

Не знаю, открыт ли и откроется ли он к началу следующего курса. Долго думал я о том, к кому бы мне обратиться за советом; один мне говорит то, другой — другое. Здешний библиотекарь Александр А(лександрович) Красовский советовал мне даже остаться в семинарии и примириться со всем. Легко сказать — примириться!.. Как можно примириться с пошлою семинарской рутиной, с этим беспутным семинарским начальством, не утратив чувство собственного достоинства, не утратив своего нравственного существа и не превратившись наконец в полуживотного? Я решился писать к Вам, Н.Г.

 $^{^1}$ Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета. № 3347/в. .Л. 17 об, 18, 18 об.

Обращаясь к Вам именно потому, что Вы знакомы мне по своим благородным статьям. Больше ничего говорить не буду... Ведь всякий из молодых людей испытал сам по себе, сколько он обязан "Современнику". Прошу Вас, умоляю Вас написать мне одно слово: можно ли найти какие-нибудь средства, чтобы проучиться в Петербургском университете, не умерев с голоду. В Петербург меня тянет давно, там литературный и политический центры... Я готов быть кондиционером (пожалуй, хоть и корректором при каком-нибудь журнале или газете), готов, наконец, поступить к какому-нибудь барину в лакеи, лишь бы мне можно было только слушать университетские лекции и заниматься, как следует.

Не имея средств, я, конечно, должен буду отправиться в первых числах июля, чтобы мне можно было дойти до Петерб(урга) в конце августа. Поэтому я прошу Вас, Н.Г., со слезами, ответить на мое письмо хоть двумя словами поскорее, напр., к 5 июля или ранее, если можно. Каков бы ни был Ваш ответ благоприятный ли, неблагоприятный для меня, во всяком случае я иду пешком. Лучше же умирать в дороге, в университете, везде, где угодно, лишь бы не в семинарии... Тяжело, ужасно тяжело оставаться в семинарии, и тысячу раз несчастны те, которые учатся в семинариях. Прошу Вас адресовать ко мне: ученику Вятской семинарии, среднего отделения, Ивану М. Красноперову (через библиотеку Красовского). Уважающий Вас семинарист И. Красноперов. 1862 года, июня 8 дня" ¹. (Письмо Красноперова Чернышевский получил, но не успел ответить. 7 июля его арестовали и заключили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости).

Несмотря на все трудности, Красноперов все же стал учиться, но не в Петербургском, а в Казанском университете. Перед отъездом в его пользу устроили музыкально-литературный вечер. Входная плата составляла пять копеек. По окончании вечера отъезжающему вручили пятнадцать рублей. Вряд ли вечер собрал триста человек, исходя из стоимости билета. Скорее всего в этой сумме заключались и проявления скрытой помощи старших товарищей. На вечере играл оркестр, составленный из семинаристов. Сам Красноперов прочел стихотворение Н.П. Огарева "Искандеру", известное и под другим названием "Свобода", впервые напечатанное в IV книжке "Полярной звезды", откуда оно прочно вошло в репертуар вольной русской поэзии.

13 марта 1863 года в книжном магазине Красовского появились двое молодых людей, одетых как типичные студенты-"кафтанники", выходцы из среды низшего духовенства, в русские полукафтаны, красные рубахи навыпуск, перехваченные поясками. В отсутствие хозяина, уехавшего в Петербург, делами в магазине заправлял выпускник семинарии Василий Захаров. В одном

¹ Дело Чернышевского. Сб. документов. Саратов, 1968. С. 456-457. *Кондиционер* - дающий уроки, репетитор.

из студентов он признал бывшего семинариста, посещавшего кружок Красовского, ныне студента Казанского университета Михаила Шулятикова. Услыхав, что Красовский еще не возвратился из поездки, визитеры передали для него письмо. После их ухода в магазин зашел Я.Г. Рождественский. Услышав о письме, он пожелал ознакомиться с его содержанием. Автор письма, датированного 7 марта 1863 года, вольнослушатель Казанского университета Иван Красноперов рекомендовал того, кто ехал к Красовскому: "В виду имеющихся совершиться для общего блага событий, сей человек взял на себя роль апостола-проповедника. Роль в высшей степени прекрасная и полезная; прошу принять этого апостола и исполнять его поручения, которые он на Вас возложит. Время близко, старому свету приближается конец, и Россия воспрянет от сна. Верю, что Вы примете в этом деле непосредственное участие... Да здравствует демократическая конституция! И.К." 1.

Какие события послужили поводом к отправке "опасного" письма? В начале 1863 года в Царстве Польском, Литве и Белоруссии вспыхнуло восстание. Герцен с Огаревым в эмиграции, "Земля и воля" в России выступили в его поддержку. Предполагалось, что с окончанием двухлетнего срока "временнобязанного состояния" крестьян, начнется подъем крестьянского движения. Действенность русско-польского революционного сотрудничества выразилась в организации "Казанского заговора", в попытке поднять восстание в Поволжье и на Урале, чтобы отвлечь часть войск от борьбы с польским восстанием. Казань не случайно стала центром заговора. Казанское отделение "Земли и воли" действовало активно. Эмиссары польских повстанцев привезли в Казань подложный манифест, предназначенный для распространения в народе. Но казанские землевольцы отказались его использовать, начав революционную пропаганду с помощью собственных прокламаций. Их должны были распространять студенты, именовавшие себя "апостолами". Такое название предложил Огарев, применив, как казалось ему, понятный народу термин для обозначения агентов тайного общества, готовящего, по его словам, "повсюдное" крестьянское восстание.

10 марта из Казани в Вятку и далее в Пермскую губернию выехали учившиеся в университете Иван Орлов и Михаил Шулятиков. В апреле в Вятку отправились еще два пропагандиста - вольнослушатель университета, выпускник вятской гимназии Николай Орлов и окончивший вятскую семинарию Василий Дернов, намеревавшийся поступить в университет. Прокламации попадали в Вятку и раньше. Иван Красноперов подробно извещал оставшихся в Вятке друзей о настроениях казанского студенчества, делился "неудовольствием современного положения", негодовал на "стесненную свободу в России, на цензуру". Осенью 1862 года он прислал

¹ Письмо Красноперова Красовскому приводится в разных вариантах. Здесь оно дано по кн.: Красноперов И.М. Записки разночинца... С. 79.

двоюродному брату Егору и жившему тогда еще в Вятке В. Дернову, по экземпляру переписанной от руки прокламации "Молодая Россия", экстремистское содержание которой не знало, пожалуй, еще аналогов. Вот лишь одно извлечение из нее, посвященное революции: "Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть и невинные люди; мы предвидим все это, и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы она поскорее, давно желанная!" В свою очередь, участники кружка Красовского, вятские семинаристы, поддерживали связи с университетскими студентами. Егор Красноперов писал в Казань "о сочувствии его товарищей к семинаристов Ивану Красноперову в его стремлениях".

В распространении прокламаций безосновательно подозревался и Красовский. В 1862 году вологодский губернатор С.Ф. Хоминский высказывал министру внутренних дел предположение, что книжный магазин Красовского имеет отношение к появлению прокламаций, обнаруженных в уездах вверенной ему губернии, сопредельных с Вятской. Вятский губернатор М.К. Клингенберг сообщил на это, что хотя улик против Красовского не обнаружено, он и его библиотека взяты под секретное наблюдение.

По пути в Вятку Иван Орлов и Шулятиков в деревне Ключевой на Казанском тракте близ Нолинска вручили ямщику конверт с прокламациями. Ямщик показал их проезжему мещанину. Тот сказал, что бумаги в конверте "опасные". Известие о появившихся "крамольных" листах через нолинского исправника по недавно устроенному телеграфу моментально достигло губернского города, упредив местные власти о скором прибытии туда студентов-"апостолов". После посещения магазина Красовского "апостолы" разыскали Егора Красноперова, передали ему часть прокламаций для распространения среди семинаристов. Так же действовала вторая пара "апостолов". Одну прокламацию Николай Орлов оставил на тракте при выезде из Казани, три листка пропагандисты передали на Буйском перевозе через Вятку крестьянину Рябову, причем Н. Орлов сказал, чтобы крестьяне готовились к восстанию и ожидали особого извещения. Среди вятских воспринимались заинтересованностью. семинаристов прокламации c Е. Красноперов передал привезенные ему из Казани листки С. Дрягину, А. Кочкину, Н. Вершинину, П. Лопатину, затем они переходили к другим семинаристам, а возможно, выходили и за пределы семинарии. Поведение и действия "апостолов" свидетельствовали об их революционной увлеченности, но одновременно и о крайней незрелости сознания. "В уме пущали революцию", - говорил о таких людях Салтыков-Щедрин.

Каким же могло быть отношение Красовского, ответственного за участников его кружка, к "Земле и воле" и "Казанскому заговору"? Уместно вспомнить слова бывшего активного землевольца, историка П.А. Ровинского: "Общество "Земля и воля" представляло горсточку молодежи в Петербурге, и в

провинции только весьма и весьма немногие могли назваться если не его членами, то агентами или людьми, содействовавшими ему, но было много людей, которые были его единомышленниками, т.е. разделяли его политическое исповедание и считали потребным начать действовать" 1. Если Красовский и подходил под категорию людей, названных Ровинским "единомышленниками", то вряд ли считал "потребным начать действовать". К радикальным намерениям и действиям он не мог относиться одобрительно. Этим и можно объяснить одно из писем Красовского Ивану Красноперову, в котором убеждал своего воспитанника быть "благоразумнее". Видимо, тому имелись все основания.

соображениями Такими реалистическими руководствовался Рождественский. Узнав о содержании письма, доставленного "апостолами", и предположив возможность появления аналогичных писем (второе письмо, Н. Орловым, привезенное Дерновым действительно оказалось И семинаристов), он попытался предостеречь учеников старших классов гимназии. Яков Григорьевич искренне опасался за судьбу собственных питомцев, способных сгоряча примкнуть к неразумным на его взгляд действиям. Поэтому на следующий день после прочтения красноперовского послания во время урока истории в выпускном классе он осторожно пересказал содержание письма из Казани, добавив: "Надеюсь, что никто из вас ни здесь, ни когда вы будете в университете, не будет ни апостолом, ни учеником тех учений, о которых мечтают многие из нынешних молодых людей" 2. Настрой мыслей Рождественского соответствовал позиции Герцена по отношению к участникам революционного vвлеченных движения, радикализмом прокламации "Молодая Россия": "Остановите их, вступайте в спор, отвечайте им, но не кричите о помощи, не подталкивайте их в казематы".

Жандармы провели обыск в библиотеке и книжном магазине, обнаружив возвращенное Рождественским письмо Красноперова. Красовского задержали 21 марта в Яранске, на пути в Вятку, при обыске нашли землевольческую прокламацию, посвященную восстанию в Польше - "Льется польская кровь, льется русская кровь..." В показаниях Красовский объяснил, что этот листок якобы сунул ему в руку какой-то молодой человек у витрины магазина на Литейном проспекте, когда он любовался выставленной там фотографией красивой дамы. Сам он будто бы вовсе не знал о содержании прокламации до того, пока не осмотрели в Вятке его вещей, опечатанных в Яранске.

Началось следствие. В инструкции унтер-офицеру жандармской команды, который препровождал И. Красноперова из Казани в Вятку, предписывалось: "1. В пути быть в полном вооружении, не позволять ни с кем разговаривать

¹ Михайлов Е.В. Письмо А.А. Слепцова П.А. Ровинскому от 3/16 апреля 1905 г. // Революционная ситуация в России 1859-1861 гг. М., 1965. С. 426.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 160. Л. 6, 7 об.

арестованному. 2. Быть осторожным, чтобы Красноперов не нанес себе вреда и не бросился на оружие. 3. Ночевать при местах, где есть воинские команды" ¹. По прибытии в Вятку его заключили в тюремный замок. Товарищи, несмотря на опасность быть скомпрометированными общением с "государственным преступником", пытались встретиться с ним. Из библиотеки Красовского разрешено было приносить книги. Среди них оказался мартовский номер "Современника", в котором начинал печататься роман Чернышевского "Что делать?". Так до узника вятского тюремного замка дошли строки, написанные узником Алексеевского равелина.

Под арестом в Вятке находились Иван и Егор Красноперовы, Иван и Шулятиков Николай Орловы, Василий Дернов, Михаил другие "прикосновенные к делу" семинаристы. Попал в тюрьму и Красовский. Вскоре его отправили в Казань. На допросах Иван Красноперов заявлял: "Считаю бесчестным выдавать товарища: шпионство дело слишком человека" 2. Иную сколько-нибудь порядочного недостойное поведения выбрал И. Орлов. Если Красноперов старался умалить свою роль в деле, то он, напротив, нарочито преувеличивал объем заговора, как бы пугая следствие. Видимо, этим объясняются заявления Орлова вроде того, что он знает "в Вятке старика 70-ти лет, бывшего в Яранске уездным волостным писарем, который имеет такое сильное влияние на крестьян, что ему стоит сказать только одно слово, чтобы вся волость тотчас ополчилась" 3.

Дело о "Казанском заговоре" переполошило Вятку. В мае по инициативе городских властей Александру II было послано "всеподданнейшее письмо". Небывалые для города события стали обрастать слухами. И через много лет вятчане помнили рассказы, хотя и несколько преувеличенные, об участниках "Казанского заговора". Кое-кого из них учащаяся молодежь Вятки 70-х годов "Рассказывали, вспоминал Н.А. Чарушин, семинаристы, организованные выходцами из Вятской семинарии Орловым, И.М. Красноперовым и др., непосредственными участниками Казанского дела, готовились к открытому выступлению в народе на поддержку казанцев, что для этой цели было заготовлено ими оружие, которое потом, когда последовала расправа, будто бы было похоронено в семинарском пруду. По этому поводу были обыски и аресты среди семинаристов и даже среди преподавателей. В числе последних называли Красовского, владельца в Вятке книжного магазина, библиотеки типографии, также И a И нашего Рождественского". Упорные слухи ходили 0 TOM, что семинаристы намеревались освободить из-под стражи Красовского, собираясь в случае необходимости применить оружие, что для бегства были приготовлены тройки

¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1883. Л.13.

² Ершов А. "Казанский заговор" 1863 года // Голос минувшего. 1916. №7. С. 226.

³ НАРТ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 6. Л. 304.

лошадей. He все обсуждавшееся оказывалось слухами. Семинарист А. Черепанов обвинялся в том, что будто бы подговаривал солдат Вятского батальона снабдить его ружьями. Черепанов и еще двое семинаристов, оставшихся неизвестными, склоняли двух солдат присоединиться к ним, уверяя, что уже имеют некоторое количество оружия 1. Что же было на самом деле неясно. В семинарии принялись круто искоренять "красноперовские плевелы". Ненадежных исключали "за вредное направление семинаристам запрещали посещать библиотеки городе без администрации, чтение бралось под строжайший контроль.

Пятерых поляков, участников "Казанского заговора", расстреляли по приговору военного суда. И. Красноперова приговорили к каторге на восемь лет, Дернова на четыре года, Е. Красноперова на два. Шулятиков получил три года тюрьмы. Потом приговор смягчили. Красовскому смогли поставить в вину лишь хранение землевольческой прокламации. Его приговорили к трем месяцам тюремного заключения, в ноябре 1863 года он вернулся из Казани в Вятку под полицейский надзор. События, связанные с "Казанским заговором", нашли отражение на страницах "Колокола" (№ 163. 15 мая 1863). В разделе "Нам пишут", в сообщениях о новостях из Петербурга отмечалось: "Говорят, что из Вятки привезли сюда учителя семинарии Красовского, основавшего там публичную библиотеку". И хотя в Петербург Красовского не привозили, важнее другое – журнал Герцена и Огарева отозвался на его арест. По предписанию министерства внутренних дел библиотеку Красовского в августе 1865 года закрыли. Всего причастными к делу оказались девятнадцать вятчан. Помимо Красовского, почти все они были семинаристами или выпускниками семинарии, подходя под характеристику, данную им членом Следственной Слуцким: "...молодые люди, находившиеся под следствием казанской комиссии, - воспитанники семинарии и люди крайне бедные... Бедность, присоединяющаяся к семинарскому образованию, лишает молодых людей благотворного влияния общества, заставляя их образовывать кружки, замкнутые, бессильные против влияния запрещенной литературы и тому подобных явлений" 2.

Некоторые выпускники вятских учебных заведений принимали участие в революционно-демократическом движении шестидесятых годов не только в Казани и в Вятке. Василий Хохряков читал фабричным рабочим в Петербурге воззвания "Что нужно народу", разъяснял смысл прокламаций "в революционном духе", говорил, что в России надо учредить правительство на выборном начале с президентом от народа. Рассказывал Хохряков рабочим, которые посещали его квартиру и о судьбе поэта-демократа М.Л. Михайлова,

¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1883. Л. 141.

 $^{^2}$ Из записки о происшествиях в Казани полковника Слуцкого от 12 / I 1864 г. // Красный архив. Т. IV. 1923. С. 301.

осужденного к каторге, объяснял, как следует пользоваться карманной типографией. В 1862 года Хохрякова арестовали и приговорили к девятилетним каторжным работам. После смягчения приговора через пять лет он вернулся из Сибири на родину.

участника тайного Трагически сложилась судьба, революционного основанного Н.А. Ишутиным, Осипа Моткова. Он крепостным, был отпущен на волю, воспитывался в семье чиновника В.А. Кандауровым, который некоторое время служил в Вятке. До 1864 г. Мотков обучался в вятской гимназии, затем переселившись с Кандауровым в Орел, кончил гимназию там. В ишутинском кружке Мотков оказался зимой 1865-1866 года. В дневнике он писал о воздействии на формирование его мировоззрения А.А. Красовского и политического ссыльного в Вятке Эраста Цявловского, который разъяснил ему "самые демократические идеи о равенстве, общем благе и правах человека", показал "идеалы новой, будущей светлой и разумной жизни и средствах к достижению ее" 1. Мотков давал уроки в школе "для бедных", где преподавали ишутинцы. Он стал одним из авторов проекта программы, предусматривавшей покушение на Александра II.

Выпускники вятской гимназии студент Медико-Хирургической академии Валериан Спасский и слушатели Петровской земледельческой академии двоюродные братья Иван И Владимир Рязанцевы привлекались "нечаевскому делу" в 1871 году. В распространении прокламаций нечаевской "Народной расправы" участвовал бывший вятский гимназист Сергей Федоров. После двухмесячного тюремного заключения Спасского и Рязанцевых отправили под надзор полиции в Вятку. Возможно, они рассказывали кое-что младшим товарищам о "нечаевщине", поскольку моральные уроки и предостережения от нее не оставляли никого равнодушными. (Позднее при обыске в 1874 году у воспитанника Вятского земского училища Павла Кудрявцева, участника "хождения в народ", нашли переписанный его рукой отрывок из романа Ф.М. Достоевского "Бесы". К сожалению, не удалось установить, какой именно текст выписал Кудрявцев. Вообще вятские учащиеся - и воспитанники земского училища, и гимназисты, и семинаристы всегда увлеченно читали Достоевского 2).

Участники народнических кружков Вятки могли получать некоторую информацию от "шестидесятников". В.Х. Хохряков ранее постоянно посещал квартиру Чернышевского; вятский ссыльный Н.В. Копиченко, помогавший вятчанам в обзаведении литературой через "чайковцев", был ранее землевольцем. О "Казанском заговоре" молодежь семидесятых годов узнавала от живших в Вятке В. Дернова, Е.И. Красноперова, Н.И. Вершинина.

¹ Филиппов Р.Ф. Революционная народническая организация Н.А. Ишутина – И.А. Худякова (1863-1866). Петрозаводск, 1964. С. 58.

² ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 235. Л. 119.

А большая часть вятских "шестидесятников", переболевших революционными увлечениями, смогла пробиться к высшему образованию, усердно училась в Петербурге, Москве, Казани. Многие из них после окончания учебы возвращались в Вятскую губернию врачами, учителями, агрономами. Некоторым приходилось трудиться вне пределов родного края, но все работали на благо народа, памятуя добрый завет Я.Г. Рождественского не забывать о крестьянах.

"К КНИГАМ МЫ НЕРАВНОДУШНЫ"

"На революционную пропаганду нас наталкивали люди и книги", - говорил участник "хождения в народ" Павел Кудрявцев 1. И хотя в его показаниях не назван еще один важный источник становления народнических воззрений окружающая действительность, все же эти слова помогают понять, как складывались взгляды "семидесятников". В общественную жизнь вступало новое поколение - младшие братья и сестры бывших учеников Красовского, Шемановского, Рождественского. В земском училище обучался двоюродный брат Савватия Сычугова Зот; в мужской гимназии – младший брат Владимира Фармаковского, а его сестры учились в епархиальном женском училище; гимназист Леонид Спасский приходился младшим братом Валериану Спасскому, который после привлечения к "нечаевскому делу", занимался медицинской практикой в Уржумском уезде; в женской гимназии и епархиальном училище обучались родственницы братьев Рязанцевых. Как и в предыдущем десятилетии характерным было участие в общественной жизни представителей целых семейств: четыре сестры Мышкины, шесть братьев Спасских, три брата и сестра Машковцевы, три брата и сестра Овчинниковы. Часто кто-то из этих семейных гнезд имел причастие к "шестидесятникам". Так складывались семейные традиции.

Но 70-е годы отмечены и появлением нового типа, ранее почти не встречавшегося - человека, непосредственно вышедшего из крестьян. Вступать в самостоятельную жизнь таким людям приходилось несоизмеримо труднее, чем выходцам хотя бы из бедного чиновничества и даже мещан. В это время в Вятке начали формироваться характеры крестьянских сыновей - Ивана Нелюбина, Петра Голубева, Степана Халтурина, избравших разные жизненные пути. Впечатляет судьба менее известного Дмитрия Тяжельникова. Когда ему был лишь год, отца отдали в солдаты. Внука воспитывал дед, "человек бывалый и весьма разумный". Способного подростка заметил П.В. Алабин. Однако Департамент уделов наотрез отказался помочь сыну удельного крестьянина. Тяжельникову все же удалось поступить в гимназию, но по

¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 233. Л. 120.

бедности он прекратил учебу. Тогда Алабин пригласил его на службу в библиотеку, где юноша ночи напролет проводил за чтением. Потом он был писарем в волостных правлениях, прислуживал в каком-то казанском трактире, работал конторщиком у купца. Лишь после долгих мытарств, сдав экстерном за гимназический курс, Тяжельников стал студентом Петровской земледельческой академии.

Местная интеллигенция, учащаяся молодежь, многие из политических ссыльных имели тесные связи с образованным в 1867 году вятским земством. Оппозиционные настроения земцев "первого призыва" находились в остром конфликте с губернскими властями, а первый председатель губернской земской управы врач Матвей Матвеевич Синцов, близкий к "шестидесятникам", будто бы имел, по словам губернатора, девиз: "Все, что от правительства и дворянства — осуждать, гнать и уничтожать" ¹. Вятское земство, отличавшееся от других земств резко выраженным разночинным элементом, заслуженно снискало прозвище "мужицкого". В земстве трудились примечательные люди. На должность старшего врача губернской земской больницы Синцов пригласил Вениамина Осиповича Португалова. "Камско-Волжская газета" (1873, № 95) отметила его переезд в Вятку многозначительным пожеланием служить на новом месте "без тормозов", как это случалось в Самаре. Португалов пробыл в Вятке чуть более года, но успел много сделать для улучшения здравоохранения в губернии.

На земской службе находился и кое-кто из вятчан, отбывших наказание за участие в революционном движении и отданных на малой родине под надзор: Василий Хохряков, Валериан Спасский, Рязанцевы, привлекавшиеся по делу о "Казанском заговоре" бывшие участники кружка Красовского, а кроме того около пятнадцати политических ссыльных. По словам В.И. Малинина, в прошлом участника кружков казанского "служащие земства были студенчества, на подозрении V администрации" 2. Губернские власти, испытывая антипатию к Синцову и его окружению, необоснованно представляли настроения "земского кружка" его революционными. Ha самом же деле работа являлась просветительской, хотя часть радикально настроенных земцев действительно вступала в довольно тесные контакты с народниками. По вычислениям губернатора в кружок входили: М.М. Синцов, секретарь Вятской уездной управы Н.И. Вершинин, ссыльный книгоиздатель Ф.Ф. Павленков, служащий земства Е.И. Красноперов, мировой судья В.И. Фармаковский, ссыльный А. Куща, чиновник А.Н. Селенкин, В.Х. Хохряков. Хотя, в данном случае вряд ли уместно слово "кружок", употребляемое власть предержащими, от которого

¹ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1613. Л. 18 об, 19.

 $^{^2}$ Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета. Собрание Н.Я. Агафонова. № 213. Ч. П. Л. 610 об.

веяло чем-то "крамольным". Скорее всего это была общность людей, объединенных сходными настроениями, причем фрондерских высказываний в их среде несомненно хватало.

В 70-е годы продолжал свою деятельность А.А. Красовский. Формальным книжного магазина стал его младший брат Василий, библиотекой, вновь открывшейся в 1869 году, ведал Н.И. Вершинин. За четыре года она приобрела заново свыше четырех тысяч томов, причем много книг перешло из книжного собрания Красовского. Условия работы теперь стали сложнее, сам Красовский до 1872 года находился под гласным надзором полиции, не имея возможности выезжать из Вятки. Помощь в подборе книг от студентов-вятчан, обучавшихся в Петербурге, Попова, Фармаковского, Григория Петра Шуравина. комплектованию библиотеки давали Ф.Ф. Павленков и В.Ф. Трощанский. О ее представление (1871)направленности дают каталоги 1873), пропагандировавшие общественно-политические естественно-научные И знания, помогавшие интеллигенции и, в первую очередь, учащейся молодежи, ориентироваться в книжном мире. Особенностью каталогов являлись указания на рецензии Добролюбова и Писарева к сочинениям Тургенева, Достоевского, Шевченко. Приводились и отзывы, помещенные в демократических журналах, на сочинения Гейне, Гюго, Жорж Санд, Диккенса. В каталогах оказались учтенными "Исторические письма" П.Л. Лаврова, "Положение рабочего класса В.В. Берви-Флеровского, В России" произведения А.П. Шапова, Н.В. Шелгунова. Почетное место занимали комплекты "Современника" и "Отечественных записок". Библиотека располагала повестями и рассказами Ф.М. Решетникова, И.В. Омулевского и других писателей народнического направления. В библиотеке был первый том "Капитала" К. Маркса (издание 1872 года в переводе Г.А. Лопатина и Н.Ф. Даниельсона). Каталог указывал сочинения, посвященные рабочему движению, в частности, книгу Э. Бехера "Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению", изданию изъятия предисловия, написанного допущенной после П.Н. Ткачевым. В приложении к ней был напечатан "Устав международного общества рабочих" – первое произведение К. Маркса на русском языке. Каталог отмечал труды Ч. Дарвина, Т. Гексли, И.М. Сеченова, которые сопровождались подробными библиографическими справками. Например, на книгу Дарвина "О происхождении видов..." давались указания на рецензии, помещенные в книжках "Современника", "Отечественных записок", "Русского слова", "Дела".

Молодежь, как и десятилетие назад, тянулась к библиотеке, где, по словам губернатора, происходили "чтения, не имеющие характера литературных вечеров". Существенную помощь в приобретении книг продолжал оказывать магазин Красовских. П.А. Голубев, вспоминая о том, что учащиеся составляли собственные, довольно порядочные библиотеки, писал: "Любовь к этому

поддерживалась много и тем, что единственный у нас книжный магазин *К-го* был в высшей степени чуток к потребностям времени; у него всегда можно было найти все лучшие книги... Бывало, забежишь в магазин случайно купить десть бумаги или карандаш — и непременно наткнешься на какую-нибудь новинку, которую ты не встречал у приятелей; ну, разумеется, оставишь тут свой последний четвертак или полтинник" ¹. Магазин распространял книги и за пределами губернии. В Казани продаже его книг способствовал редактор "Камско-Волжской газеты" Н.Я. Агафонов. Под его влиянием у Красовского и Малинина возникала мысль об издании в Вятке частной газеты ².

В конце января 1874 года издание "Камско-Волжской газеты" в которой часто публиковались вятчане, было прекращено. (Историко-литературный сборник "Первый шаг", изданный ее сотрудниками в 1876 году, выступил против "инсинуаций и поклепов", которые "опрокидывались на юную провинциальную прессу, отказывая ей в праве на жизнь" 3). Прекращение газеты вызвало сожаления у ее подписчиков и авторов. Малинин писал Агафонову: "А будь "Камка" — со всего Поволжья летели бы вести. Она заменяла бы переписку. Красовский говорит, что вот в Вятке хорошо бы издавать газету. Типографии его была бы работа, он взял бы дешево, бумага здесь дешевая, благодаря близости своих бумажных фабрик. Публика хочет в печатное слово верить" 4. Возникала мысль о переезде Агафонова в Вятку. ("Чтобы он поскорее решился сняться с якоря"). Красовский надеялся на приезд Агафонова.

Типография Красовского печатала много книг, пропагандирующих естественно-научные знания. В павленковском переводе Красовский издавал книги популяризаторов науки Д. Тиндаля, П. Баркера, А. Гано. В некоторых случаях материалистическое звучание переводимой книги усиливалось. Работая над переводом труда выдающегося астронома XIX века Анджелло Секки "Единство физических сил. Опыт естественно-научной философии", Павленков преднамеренно исключил рассуждения автора о влиянии божественных сил на свойства материи. "Еще бы! – передавал В.Г. Короленко его слова. – Стану я распространять иезуитскую софистику" ⁵. Неслучайно

¹ П.Г. (Голубев П.А.). Из недавнего прошлого // Волжский вестник. 1886. № 280. С. 1-2. Цензорские гранки. Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета.

² Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета. Фонд Н.Я. Агафонова. № 213. Ч. II. . 529, 571.

³ Цит.: Камско-Волжская газета. – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIV. C. 222.

⁴ Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета. Фонд Н.Я. Агафонова. № 213. Ч. II. Письмо В.И. Малинина Н..Я. Агафонову 14 марта 1875 г. Л. 529.

⁵ Короленко В.Г. История моего современника. Кн. 3-4. М., 1948. С. 89.

сотрудничество Павленкова с Красовским породило в Вятке слухи, об издании в его типографии "безбожной книги" ¹.

Объявления о работе книжного магазина и типографии появлялись помимо вятской и казанской периодической печати и на страницах газет, издаваемых в Петербурге, что вызывало раздраженные замечания Министерства внутренних дел 2 .

Общение Красовским, губернской учащихся снискавшим администрации авторитет "основателя нигилизма" в Вятке, с политическими ссыльными, связанными с библиотекой и книжным магазином Красовского-Вершинина, настораживало начальство гимназии, семинарии и земского училища. Как и в предыдущее десятилетие Красовский активно привлекал молодежь к "книжному делу". Гимназисты и семинаристы переписывали подготовленные к изданию, переплетали книги. Гимназист Александр Шуравин стал постоянным посредником в этом деле между Красовским и своими товарищами. Помогали Красовскому и воспитанники земского училища, при котором действовала прекрасно оборудованная переплетная мастерская.

Увлечения книгами (не теми, какими следовало бы) сказались и в речи епископа Вятского и Слободского Аполлоса, произнесенной перед воспитанницами епархиального училища в ноябре 1870 года. Преосвященный старался предостеречь, их от "сочинений вольных, льстящих современному вкусу, пропитанных духом мира, в коих нет духа жизни, духа Христова. Мерцающий светоч таких сочинений тоже соблазнителен и опасен для юной неопытной души, как горящая свеча для мотылька" 3.

Опасались губернские власти и того, что демократическая книга станет доступной абсолютно всем. Прокурор Вятского окружного суда отрицательно отзывался о популярном романе французских писателей Э. Эркмана и А. Шатриана "История одного крестьянина", переведенном на русский язык М.А. Маркович (Марко Вовчок), который имелся в библиотеке Красовского-Вершинина: "Всякий гимназист, лавочный приказчик и сельский писарь с любопытством прочтет это сочинение и легко может удобоисполнимостью революции". Далее прокурор говорил о популярности библиотеки, книги которой "с жадностью читаются как грамотными, так и малограмотными" 4. Повышенный интерес молодежи "крамольной библиотеке" вызвал накануне "хождения в народ" резонные опасения губернатора в том, что "с окончанием учения в сельских школах, будут приезжать в Вятку преподаватели и преподавательницы, которые при

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11. Л. 148.

² ЦГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 160. Л. 55.

³ Вятские епархиальные ведомости. 1870. 1 дек. № 23. С. 423.

⁴ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1613. Л. 28 об.

посредстве библиотеки Вершинина могут быть совращаемы с истинно религиозно-нравственного пути и снабжаемы вредными книгами". Губернатор и директор народных училищ были убеждены, что вятские учащиеся и сельские учителя получают из библиотеки "запрещенные цензурой книги, и через это подрывается власть" ¹. Такая уверенность полностью подтвердилась уже осенью 1874 года, когда чиновник губернского правления Плансон, ответственный за надзор над библиотеками и книжными магазинами, начал проверять, кто и какие книги берет в библиотеке Красовского-Вершинина.

Стремление удовлетворить потребность уездной интеллигенции и, главным образом, учителей, в книгах побудила Красовского к созданию торговли в Нолинске, где Вершинин одно время служил в земской управе, и в Орлове, где занимал должность мирового судьи. Библиотека Василий Красовский А. Чернова и Л. Матвеева действовала в Уржуме. Сочинения Писарева, Берви-Флеровского, комплекты демократических журналов, а иногда и нелегальная литература находились библиотеках Котельнича, Глазова, Сарапула. В Участники народнических кружков усердно посешали библиотеку Красовского-Вершинина. В полицейских наблюдениях отмечены Михаил Бородин, Петр Неволин, Евгений Овчинников, Василий Кибардин, Зот Сычугов, Александр Вадиковский, Ипполит Кошурников.

Власти старались противодействовать "книжному делу" Красовского. В.И. Чарыков, проявлявший себя просвещенным администратором, однажды закупил некоторое количество книг, которые были разложены в публичной библиотеке для продажи посетителям. Об этом мероприятии извещало и объявление в "Вятских губернских ведомостях". Однако старания губернатора интеллигенция восприняла иронически. бескомпромиссно и, конечно, излишне опрометчиво высказалась о его благих порывах М.Е. Селенкина на страницах своего дневника. Налицо типичное неприятие "нигилистами" действий представителя высшей власти в губернии. Чарыков, надо полагать, искренне содействовал просветительским делам. Можно согласиться с тем, что при нем "Вятское земство стало во многих отношениях и, в особенности, по народному образованию, во главе прочих земств империи"².

Среди народнических воспоминаний не найдется ни одного, где не говорилось бы о воздействии на умы и сердца молодежи русской литературы. Из вятчан об этом наиболее подробно поведал в своих воспоминаниях "О далеком прошлом" Н.А. Чарушин. Подлинный интерес к чтению проявился у него в гимназии. От Майн Рида и Купера Чарушин переходил к Сервантесу, Диккенсу, Теккерею, а затем и к русским авторам - Тургеневу, Некрасову,

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 160. Л. 58, 60 об.

 $^{^2}$ Чарыков Валерий Иванович // Русский биографический словарь. Чаадаев-Швитков. СПб, 1905. С. 59.

Гоголю, Помяловскому, Решетникову. Гоголь произвел "едва ли не самое сильное впечатление", показав "широкую картину неприглядной русской жизни", тогда как "страстно хотелось видеть ее в другом, много лучшем образе". Особо выделял Чарушин Некрасова и Тургенева: "Любимым же нашим поэтом того времени был, несомненно, Некрасов, произведениями которого мы зачитывались и выучивали многое из них наизусть". Из тургеневских романов более всего возбуждали споры "Отцы и дети". Хотя в Базарове Чарушин и его товарищи видели "представителя грядущей молодой России", все-таки привлекал и Рудин, который, "несмотря на все недостатки его характера, казался нам симпатичнее Базарова, в особенности же, когда мы узнали, что в неопубликованном конце этого романа автор заставляет умирать своего героя на парижских баррикадах". В этих оценках, дававшихся юными семидесятниками, чувствовался уже новый читатель, стремящийся радикальным действиям, в которых не показал, да и не мог показать Базарова Тургенев. Роман Чернышевского "Что делать?" производил на Чарушина "едва ли не самое сильное впечатление". Рахметов привлекал гораздо более "новых людей" романа "с их новыми и человечными отношениями": "Этим своим образом, таинственным и смутным, заставляющим усиленно работать наше воображение, Чернышевский, уже изъятый из обращения и обреченный на полное молчание, из своего сурового заточения как бы говорил нам: "Вот подлинный человек, который особенно нужен теперь России, берите с него пример и, кто может и в силах, следуйте по его пути, ибо это есть единственный для вас путь, который может привести вас к желаемой цели". И образ Рахметова врезался в нашу память, он властно вставал перед нашими глазами и тогда, когда мы и сами страстно искали лучших и верных путей жизни, помогая нам, поощряя нас на решительный шаг!"

для прочтения было трудно, Раздобыть роман поскольку "Современника", где он печатался, подвергались изъятиям из библиотек. Гимназистам, семинаристам, воспитанникам земского училища приходилось пользоваться редкими сохранившимися конволютами, а иногда переписывать от руки целые главы. В следственных делах многих участников "хождения в народ" сохранились выписки из "Что делать?". 128 страниц выписок из романа жандармы обнаружили в августе 1874 года при обыске в селе Сернур Уржумского уезда у врача Валериана Спасского, который заявил, что тетрадь эта была составлена им еще в гимназические годы. Для рукописного журнала "Луч", выпускавшегося участниками гимназического кружка, предназначались две статьи, в центре которых находился роман Чернышевского. Одна под названием "Новые люди" представляла собою, видимо, совместное сочинение Михаила Бородина и Василия Трощанского, вторая - "Идеалы наших общественных деятелей" полностью принадлежала Трощанскому.

Исключительной любовью среди вятской молодежи пользовалось творчество Некрасова. Его стихотворения распространялись в рукописных

списках, входили в нелегальный сборник "Новых песен и стихов", изданных "чайковцами". Но подозрение властей вызывали любые издания поэтадемократа. В первом номере "Народной воли" (1879, 1 октября), возможно, через Анну Якимову, появилась корреспонденция, рассказывающая о том, как на пароходной пристани в Вятке бдительный полицмейстер обнаружил у слушательницы медицинских курсов, приехавшей к родным, экземпляра книги стихотворений Некрасова. Количество экземпляров вызвало подозрения: "Что это значит, что так много? Четыре книги! Зачем? Поставлять что ли взялись кому?" Особым успехом у молодежи Вятки пользовались поэмы "Кому на Руси жить хорошо", "Железная дорога". К рукописному списку стихотворения "Размышления у парадного подъезда", найденному при обыске у одного из гимназистов, прилагались рассуждения "об угнетенности чернорабочего класса". Подобный комментарий имело и предисловие к списку "Железной дороги". Некрасовское слово звучало с вятской сцены. В 1871 году на "народном спектакле" (цены на билеты были снижены) в наполненном до отказа зале артист Данилович вместо положенных по ходу пьесы строф Державина продекламировал "Размышления у парадного подъезда" 1.

Уважением пользовались произведения Салтыкова-Щедрина. В начале С.А. Макашин, собирая 1930-x годов литературовед освободительного движения материалы для анкеты о писателе-сатирике, получил и письменный ответ от А.В. Якимовой: "Молодежь революционная ценила и любила Щедрина как несравненного социально-политического сатирика... Молодежь не искала у Щедрина выяснения теоретических вопросов, ее волновавших. Она приветствовала в нем сильного литературного бойца, боровшегося за общие с ней идеалы тем оружием, которое дал ему его мощный сатирический талант". (Вспоминая о петербургском периоде жизни, Анна Васильевна подтвердила в анкете, что она "действительно два-три раза приходила к Салтыкову-Щедрину с просьбой о "подарочной" посылке его книг льготной подписке журнал "Отечественные записки" на ссыльнопоселенцев» и что частично ее просьбы были удовлетворены). На анкету о М.Е. Салтыкове-Щедрине откликнулся и Н.А. Чарушин: "Сатира Салтыкова-Щедрина по разнообразию своего идейного содержания и по силе вложенного в нее чувства, полагаю, не могла не иметь революционизирующего влияния на молодое поколение. Такое влияние, в числе других писателей, несомненно имел на меня и Салтыков-Щедрин. Всесторонний и беспощадный анализ русской жизни, какой он давал в своих сатирах, не оставлял живого места на теле России, и невольно под влиянием его писаний, почти всегда трогающих, создавалось представление о ней, как о стране до последней степени угнетенной и придушенной, отданной на поток и разграбление разным Деруновым, Колупаевым и дельцам высшего порядка. Все это вместе взятое не

¹ См.: Петряев Евг. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970. С. 177.

могло не вызывать в человеке чувств возмущения и негодования, а в особо чутком и деятельном — стремления к борьбе с таким убийственным укладом жизни. Путь же для борьбы по условиям времени оставался почти один — революционный" ¹.

Читались в вятских кружках романы повести И.В. Омулевского, Д.Л. Мордовцева, Ф.М. Решетникова, А.И. Левитова, Ф.Д. Нефедова и других писателей народников. По воспоминаниям Чарушина, в программу чтений "входили не только одни художественные произведения, по преимуществу русских авторов, но и критические и публицистические статьи Добролюбова, Писарева и других..." Были в круге чтения и статьи Чернышевского по крестьянскому вопросу, напечатанные в "Современнике".

В публичной библиотеке со статьями Добролюбова, Шелгунова, Писарева Бехтерев². Там знакомился гимназист Владимир же "Современника", "Отечественных записок", "Дела" другой гимназист -Циолковский. Тогда же произошло и его знакомство со статьями Писарева. Пропаганда естественно-научных знаний оказала воздействие становление взглядов будущего ученого. "Известный публицист Писарев, вспоминал Константин Эдуардович, - заставлял меня дрожать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе "я"... Это один из самых уважаемых мною учителей"³.

"Исторические письма" П.Л. Лаврова пропагандировал Вятке Я.Г. Рождественский. Гимназисты знали о том, что он привлекался по делу о "Казанском заговоре", чувствовали, что в глазах начальства преподаватель истории выглядит человеком с "подмоченной политической репутацией". Но Рождественский был осторожен, общение с ним ограничивалось лишь уроками. "Я помню, – вспоминал Чарушин, – когда был в пятом классе и когда в "Неделе" начали печататься "Исторические письма" Миртова (Лаврова), Яков Григорьевич приносил газеты в класс и читал нам, посвятив этому делу много уроков. Чтение это, сопровождаемое комментариями особенно трудных для нас мест, производило на нас глубокое впечатление... Рождественский, восприняв все высокие идеи 60-х годов и искренне проникнувшись ими, любовно и умело старался и нас ввести в круг этих идей, возбудить в нас жажду знания и духовные интересы, а вместе с тем и помочь нам стать достойными гражданами своего отечества". Гимназисты, понимали, что подобное чтение на уроках являлось "запретным плодом", а потому держали язык за зубами.

¹ Анкеты А.В. Якимовой и Н.А. Чарушина см.: Русские революционеры 70-80-х гг. о Щедрине // Литературное наследство. Т. 11-12. М., 1933.

² См.: Бехтерев В.М. Автобиография. М., 1927. С. 51.

³ Циолковский К.Э. Моя жизнь и работа. В кн.: К.Э. Циолковский. М., 1939. С. 232.

"Исторические письма" читали многие. М. Бородин в рукописи "Новые трактовал исторический процесс по Лаврову, a епархиального училища Инна Овчинникова писала брату Евгению о большом влиянии на нее "Исторических писем", а также о чтении "Политической Д.-С. Милля, переведенной Чернышевским. В Вятке распространение журнал Лаврова "Вперед!" Его экземпляры тайно хранились в библиотеке Красовского-Вершинина 1. Издатели журнала иногда рассылали его из-за границы по известным адресам некоторых учреждений и частных лиц. В октябре 1875 года получателем 8-го номера "Вперед!" оказался... сам губернатор В.И. Чарыков. Он не замедлил уведомить Министерство внутренних дел о коварной проделке "нигилистов", предлагая изготовить по представленному конверту образцы для почт, дабы почтовые служащие могли по воспроизведенному образцу почерка безошибочно узнавать о крамольном содержимом конвертов.

Многочисленны свидетельства распространения книги В.В. Берви-Флеровского "Положение рабочего класса в России", тем более, что в ней встречались и сведения по Вятскому краю. (Спустя много лет Л.В. Чемоданова-Синегуб писала жене Берви-Флеровского: "Как много разбудил он чувств, мыслей в наших юных головах своей книгой "Положение рабочего класса в России" ². Эту книгу и другие сочинения Берви-Флеровского - "Азбука социальных наук", "Свобода речи, терпимости и наши законы о печати" читали гимназисты, семинаристы, воспитанники земского училища, сельские учителя, политические ссыльные.

Об направленности круга чтения участников народнических кружков свидетельствует записка воспитаннику земского училища Павлу Кудрявцеву (отправитель неизвестен): "Кудрявцев! Прочитайте следующие вещи покуда, а потом вам сообщится программа чтения. Из чтения этих книг вы познакомитесь с рабочим классом, с фабричным и земледельческим. Далее надо прочесть книги, из которых вы узнаете, как можно улучшить положение рабочего класса и как вообще рабочий вопрос может быть разрешен. Книги эти следующие: "Пролетариат во Франции", "Об ассоциациях" Михайлова, "Рабочий вопрос и средства к его разрешению" Бехера, "Политическая экономия" Чернышевского" 3.

В 1874 году при обыске у Бородина изъяли работу Карла Маркса "Гражданская война во Франции", изданную в Цюрихе без выходных данных. В Вятку ее экземпляры попадали через "чайковцев", среди которых было немало вятчан. Отношение участников гимназического кружка к Парижской Коммуне, по словам Чарушина, не вызывало "того единодушия, какое

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 387. Л. 14.

² Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С. 29.

³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11. Л. 139.

наблюдалось ранее к перипетиям предыдущей борьбы... Ей ставилось в вину то, что она, подняв восстание, когда война еще не была окончена, только помогает немцам... И лишь весьма немногие были на стороне коммунаров: с живейшим интересом следили за ходом их борьбы с версальцами и были искренне возмущены жестокой расправой с повстанцами после поражения Коммуны". Народническая молодежь Вятки, вспоминая об участии семинаристов в "Казанском заговоре", непосредственно связывала эти события с "польским восстанием". В кругу глазовских ссыльных читались стихи о Польше, написанные "в духе революционного учения", а Виктор Васнецов в одном из разговоров с М.Е. Селенкиной утверждал, что "Польша немыслима без свободы России" 1.

Хотя "книжное дело", благодаря Красовскому и Вершинину, во многом способствовало развитию молодежи, но и в ее среде появлялись собственные библиотеки, отражавшие интересы их владельцев. Связь собирателей книг с библиотекой Красовского-Вершинина была самой тесной. Литератор и педагог Н.А. Падарин сообщал на страницах "Вятской речи" (1910, № 278), что в нелегальной библиотеке, созданной усилиями гимназистов, находилась "вся литература от Пушкина, критика от Белинского, вопрос о русской крестьянской общине, положение рабочего класса, социалистические движения на западе Европы, народные движения в России, вопросы биологии, психологии, этики, социологии и политической экономии. Само собой разумеется, мы получали в свое распоряжение и заграничные издания, не допущенные в России, и русские издания, запрещенные в России, вроде "Политической экономии" Дж.-С. Милля с примечаниями Чернышевского, сочинения Флеровского по рабочему классу, сочинения Ф. Лассаля и т.п... Интерес к народной жизни побуждал нас к основательному знакомству с народнической литературой".

училища Митрофан Колотов Воспитанник земского рассказывал, как Бородин пригласил его посещать кружок. Собрание происходило дома у Владимира Машковцева. Сам Бородин читал тогда повесть Ф.М. Решетникова "Подлиповцы". На чтении присутствовали гимназисты, воспитанники земского училища, кое-кто из семинаристов. "Заправителями" были Бородин и Машковцев. Позднее, когда Колотов собрался на каникулы, ему вручили два тома А.Ф. Писемского и книжки "Современника". Все это являлось разрешенными изданиями, но за ними неизбежно следовало увлечение "нелегальщиной". Одно время обобщенные книги хранились у Владимира Машковцева в большом шкафу, который гимназисты так и называли - "библиотекой". Потом хранителем книг стал Петр Шуравин,

¹ Там же. Оп. 130. Д. 91. Л. 53.

имевший в доме родителей отдельную комнату с изолированным входом ¹. Это облегчало товарищам свободный и нестесненный доступ к книгам. По словам П.А. Голубева, в библиотеке "было много изъятых из обращения изданий, например, Чернышевский, Писарев, Герцен, Луи Блан..." Воспоминания Голубева "Гимназические тени прошлого", опубликованные в "Вятской речи" (1911, № 249-250), полностью дошли до читателя. Иная судьба постигла другую голубевскую публикацию под названием "Из недавнего прошлого. Мысли и воспоминания" на страницах "Волжского вестника" (1886). Цензор красными чернилами испещрил воспоминания Голубева, когда они находились в гранках, поэтому не все из написанного стало достоянием читателей 80-х годов.

"Я говорю о начале и середине семидесятых годов, - писал Голубев, - мы читали Писарева, Бокля, Милля, Лаврова, Дарвина и др. Эти писатели были любимцами тогдашней молодежи... Не быть знакомым с "Историческими письмами", не читать "О происхождении видов" - считалось верхом невежества. А о всеобщем увлечении Писаревым и говорить нечего... Его не читали, а проглатывали; перед ним благоговели, хотя у него же воспитывались в неуважении и к авторитетам" ². (Здесь и далее подчеркнутые слова удалены цензором из гранок, которые хранятся в Рукописном отделе Научной библиотеки Казанского университета).

Книги нелегальной библиотеки читали не только участники гимназического кружка в Вятке. Бородин щедро снабжал запрещенной литературой, своих знакомцев, уездных учителей, а также и политических ссыльных. "Как много наших товарищей обязаны Бородину своим умственным развитием, своим духовным просветлением", - оценил его роль Н.А. Падарин. Обратимся вновь к воспоминаниям Голубева: "Многие уезжали на вакаты домой в уездные города, в села, всякий прежде всего спешил захватить с собой побольше книг, достать программу для систематического чтения. Она должна была служить звеном в развитии нашем и наших братьев, сестер и знакомых, оставшихся дома. Эти последние нас ждали, как вестников света, знаний. Кроме книг, программ, каждый раз мы ехали к ним с новыми планами, проектами. Почте эти проекты мы не доверяли. То везли мы проекты устройства в селах публичных народных чтений, библиотек, читален, то проекты ассоциаций, артелей... Мы особо привозили и книги, которые должны были служить началом таких библиотек и читален. Вообще к книгам, а в частности, к книгам для народного чтения, мы были неравнодушны и о составлении библиотек мечтали почти все. Все свои

¹ Дом, где жил Циолковский сохранился, но интерьеры его безграмотно изуродованы при устройстве там музея космонавтики, ведь космический аппарат, на коем летал Виктор Савиных, требовал места, отчего уничтожили перекрытия между этажами.

 $^{^2}$ П.Г. (Голубев П.А.) Из недавнего прошлого // Волжский вестник. 1886. № 280. Цензорские гранки. Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского государственного университета.

сбережения мы тратили на покупку таких книг; и у некоторых из нас составлялись довольно порядочные библиотеки" ¹.

Книжный обмен установился между нелегальными библиотеками гимназистов и семинаристов. К последней допускались и заслуживающие доверия преподаватели. Книг в обиходе учащейся молодежи явно не хватало. Наиболее ценные статьи из демократических журналов переплетали в конволюты. "Лучшие воспитанники, - вспоминал о круге чтения семинаристов Е.М. Овчинников, - считали обязательным прочитать все лучшие в то время на русском языке книги. Читались журналы "Русское слово" где писал Писарев, и "Современник", где писал в то время Антонович; Добролюбова Чернышевского уже не было, но их, конечно, читали за старые годы. Были даже две партии семинаристов, одна за "Русское слово", т.е., за Писарева, другая за "Современник". Существовали и небольшие личные библиотеки, иногда принадлежавшие двум-трем товарищам. Гордились собственной библиотекой Петр Голубев и Иван Нелюбин, который писал о ней учителю Василию Бабинцеву: "У нас с Голубевым заведена для своего обихода небольшая библиотека, которая все-таки заключает в себе все более или менее замечательные произведения русской литературы. Книги собраны с большим трудом (ведь знаешь наши достатки). Теперь они лежат у Голубева в Омутнинском заводе" 2. Гордость за библиотеку понятна – товарищи по гимназии отлично понимали, какие "достатки" имелись у крестьянских сыновей Голубева и Нелюбина. Книги их долго хранились, несмотря на гонения участников кружка, на переезды, на длительное отсутствие хозяев -Голубев учился в Казанском университете; Нелюбин побывал добровольцем в Сербии. По крайней мере библиотека существовала еще в 1878 году.

Обучаясь в Петербурге, Москве, Казани, студенты-вятчане не забывали младших товарищей, оставшихся в Вятке. Старший брат семинариста Сократа Мышкина, петербургский студент, договорился по его просьбе с редакцией журнала "Дело" о выписке номеров для библиотеки семинаристов. (Сократ был ее хранителем). Кроме того старший Мышкин сообщал брату: "Ходил к редактору "О.З." Некрасову. Некрасов принял на свой счет подписную цену, приказал высылать "Отеч. записки". Адрес я дал для разнообразия, необходимого в этом случае, вот какой: в отдел государств. банков. Ал. Ник. Селенкину". (Речь идет о муже Марии Селенкиной). Предосторожность старшего Мышкина не кажется излишней – он не желал возбуждать подозрений высылкой семинаристу одному сразу двух журналов, неблагонадежных с официальной точки зрения. Заканчивал петербургский студент свое письмо оптимистически: "Делайте, работайте! Собирайте скорее денег и шлите нам... мы вам на эти деньги очень, очень хороших книг

 $^{^{1}}$ П.Г. (Голубев П.А.) Из недавнего прошлого...

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 506. Л. 3.

добудем..." А в самом конце письма многозначительная, но понятная приписка: "Только заметь: не зевайте!" ¹.

Интенсивное чтение юных разночинцев, которые читали с не меньшей одержимостью, чем их предшественники в шестидесятые годы, в огромной степени способствовало становлению их мировоззрения с совершенно определенными демократическими тенденциями, вызывало настоятельную потребность мыслить и действовать в соответствии со "знамениями времени", переходить к практической работе.

"Вопросы самообразования... были животрепещущими, - замечал П.А. Голубев, делясь с молодежью воспоминаниями "Из недавнего прошлого", - наиболее самостоятельные характеры со смелой мыслью вырабатывались по преимуществу из молодежи... В школе мы учились только для отметок. Все остальное время наши симпатии и антипатии не принадлежали уже школе; даже знания, составляющие первейшую задачу школы, хотели приобретать вне школы - мы приобретали их" ². (Казанский цензор не преминул вычеркнуть слова Голубева "со смелой мыслью").

"ОТКУДА НАБИРАЛИСЬ СИЛ ЭТИ ИДЕАЛИСТЫ?"

"Какие мысли волнуют тебя?" - спрашивал в письме к младшему брату, воспитаннику земского училища, петербургский студент Николай Коробов. Другой студент Мышкин писал брату-семинаристу: "Тебе, Сократ, А.М. Кувшинская поручает своего брата, ученика 1-го класса семинарии Поликарпа Кувшинского и просит тебя позаботиться о нем, давать ему подходящих книжек. Он, де, парень хороший, но мало читавший! Так ты познакомься с ним, и обработай по-своему, или по-нашему. Да и вообще вам не худо бы обратить внимание на молодой люд. Потереться вам надо между ними" ³.

Необходимость объединения на основе общих интересов ощущалась народнически настроенной молодежью. В состав кружка, возникшего в конце 60-х годов, входили Николай Лопатин, Александр Праздников, Николай Шкляев, Леонид Попов, Александр Фармаковский, Николай Чарушин, Валериан и Ираклий Спасские... К кружку гимназистов тяготели семинаристы, над которыми довлел со времен выкорчевывания "красноперовских плевел" особо пристальный догляд начальства. Для более тесных связей воспитанники гимназии и семинарии устроили коммуну с общим столом и книгами. Е.М. Овчинников вспоминал, что помимо воспитанниц женской гимназии и учительниц, на собраниях одного из кружков отметил он и какого-то

¹ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1625. Л. 18 об.

 $^{^{2}}$ П.Г. (Голубев П.А.) Из недавнего прошлого...

³ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1625. Л. 19 об.

ссыльного, "солидно образованного человека". Собирались в разных местах, но чаще у гимназиста Петра Шуравина. (У Шуравиных в разное время жили интереснейшие люди: В самом доме В.О. Португалов, Константин Циолковский, во флигеле М.П. Четвергова). Еще в начале 70-х годов участники кружков пробовали общаться с народом, пусть еще весьма неуверенно. Чарушин вспоминал, как он с Евгением Овчинниковым, "самым видным из семинаристов того времени по развитию и по влиянию на товарищей", сумел получить доступ в воинскую команду, где они оба обучали солдат "грамоте и другим наукам, не избегая и приватных бесед и разговоров с ними". Свидетельство Чарушина дополнил сам Овчинников: во время учебы в семинарии он в течение двух с половиной лет обучал грамоте арестантов, получив разрешение на занятия от командира арестантских рот, дочь которого репетировал за два рубля в месяц.

В 1870 году студенты-вятчане прислали младшим товарищам в Вятку анкеты, по которым предполагалось собирать сведения о настроении крестьян, о готовности их к выступлениям, ожидаемым с предстоящим прекращением обязательных отношений к помещикам. Деятельность кружка учащейся молодежи стала выходить за рамки самообразования. По словам П.А. Голубева, начинала происходить "смена чисто литературных интересов на политико-экономические и социалистические". Весной 1871 года в гимназии был зачитан циркуляр, предостерегающий гимназистов от общения с "нигилистами". Так Министерство просвещения реагировало на усиление брожения в учащейся среде. Некоторые из гимназистов и семинаристов, вняв строгим внушениям, покинули кружок. Но радикальная часть молодежи, напротив, принялась сплачиваться в "тесно замкнутые кружки". Вспоминая об этом, Голубев особо подчеркивал различия между прежними кружками самообразования и новыми нелегальными.

По окончании учебы, став петербургскими студентами, Николай Лопатин, Николай Чарушин, Леонид Попов вошли в Большое общество пропаганды (так называемые "чайковцы"). В московской группе "чайковцев" находился бывший семинарист Василий Князев. Тогда же в кружке студентов Петровской земледельческой академии участвовал выпускник Вятской семинарии Ипполит Кошурников, двоюродный дед автора этой книги ¹.

Евгений Овчинников стал агентом "чайковцев" в Казани. Летом 1872 года Чарушин, приехав в Вятку, передал пропагандистскую литературу участникам гимназического кружка. Часть привезенного он вручил прибывшему из Казани Овчинникову. Оба обсуждали вопрос о распространении книг между рабочими. Вятчане-"чайковцы" поддерживали постоянную переписку с товарищами в Вятке и уездах, сообщали новости, предупреждали об опасности.

¹ О И.К. Кошурникове подробнее см.: Тайна Ипполита Кошурникова // Сергеев В.Д. Ревнители революционного нетерпения. Вятка (Киров), 2000.

Николай Лопатин известил жившего в Уржумском уезде Валериана Спасского о возможном обыске у него в связи с арестом в Петербурге Чарушина. В бумагах Спасского при обыске, который был произведен вскоре, обнаружилось свидетельства о связях с единомышленниками из других местностей, которые информировали его о самых разных событиях. В одном из писем В. Спасского, которое он намеревался отправить в Царево-Санчурск С.П. Пересветову сообщалось: "Рассказывают, что русский эмигрант, живущий в Швейцарии, намеревался увезти за границу Чернышевского, но сам было попал в такое же положение, как и Николай Гаврилович, — его схватили в Сибири и оставаться бы ему там, если бы не удалось бежать..." ¹. Речь шла о попытке Германа Лопатина освободить Чернышевского

Примечательна связь "чайковцев" с привлекавшимся по делу о "Казанском заговоре" Николаем Васильевичем Копиченко, который после отбытия срока ссылки остался жить в Вятке. С его помощью Чарушин пытался переслать из Петербурга вятским товарищам 8-10 экземпляров "Азбуки социальных наук" В.В. Берви-Флеровского. И хотя пересылка не удалась (Чарушин и Леонид Попов едва избежали ареста), впечатляет готовность "шестидесятника" помочь молодым народникам.

В 1872-1874 годах работа кружков гимназии, семинарии, епархиального училища расширилась. Появился кружок воспитанников земского училища. В это время явственно начинает прослеживаться руководство кружками со стороны небольшой, но весьма активно действовавшей группы, центром считался дом Марии Селенкиной, а организатором которой Трощанский. Каждый из кружков учащейся молодежи был связан между собой, а кроме того, в той или иной степени, через Селенкину и Михаила Бородина с Трощанским, который, обладая незаурядными организаторскими способностями, любил говорить: "Мне нужны люди и люди! И только тогда жизнь моя может быть полной". Его правой рукой стал Бородин, который сделался связующим звеном между учащейся молодежью и политическими ссыльными. В товарищах Бородин, по его словам, более всего ценил "стремление быть честными и небесполезными людьми для общества".

Трощанский и после перевода в Курск продолжал руководить в письмах Бородиным. Он предлагал решительнее отмежевываться от колеблющихся участников кружка ("Да черт с ними, пусть пятятся!"), поддерживал младшего товарища в трудные минуты сомнений, советуя быть оптимистичнее ("Такой знаменательный промежуток времени!"), давал конкретные советы, имея в виду работу Бородина со всеми участниками кружка ("Не возитесь с ними сами, имейте под рукой двух-трех человек, через которых и действуйте, т.е. заставляйте их непосредственно возиться с новичками, а Вы только

¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 372. Л. 147.

руководите... В скором времени я постараюсь прислать две-три книги заграничной фабрикации; в них Вы почерпнете для себя силу") ¹.

Вятский кружок с его "филиалами" в учебных заведениях располагал и некоторой денежной суммой. Посильные взносы поступали в общую кассу, которой ведала Селенкина. Средства использовались вполне определенно. Когда кто-то вознамерился просить вспомоществования для учебы, его отговорили: "Селенкина не имеет права выдавать тебе денег на содержание в Петербурге". Денежные накопления расходовались по иному назначению, часть их пошла на организацию побега Ларисы Чемодановой из-под родительского надзора, часть на шитье белья и одежды Николаю Чарушину и Леониду Попову при известии об их аресте в Петербурге, кроме того определенную сумму им предполагалось передать деньгами. "Работа по заготовке белья идет быстро, - извещал петербургского студента Александра Попова его брат Григорий из Вятки. - В тот же день, как я получил твое письмо, было собрано 15 руб. денег, закуплен материал и пошла работа. Теперь в наших руках 20 рублишек... Больше пока шить не будут, а пожертвования будут собирать деньгами, несколько уже собрано и довольно много предвидится" ². Летом 1874 года выпускница епархиального училища Инна Овчинникова сообщала брату Евгению в Казань, что из-за плохого содержания, находясь в заключении под следствием, серьезно заболели "чайковцы" Чарушин, Попов и Сергей Синегуб. Селенкина, организовавшая им помощь в Вятке, рассчитывала также и на участие казанцев. Средствами из общего фонда вятчане помогали также арестованному М. Бородину. Когда же началась настоящая охота за участниками "хождения в народ", часть общих денег расходовалась на рассылку телеграмм и выезды народников из Вятки, для предупреждения товарищей, находившихся в уездах губернии, о грозящей опасности.

Большое внимание Бородин уделял воспитанникам земского училища. "Ты пишешь, что ученики начинают понимать его (Песковского), - обращался к нему из Сарапула В. Машковцев, - это прекрасно, ну, а как идет собственно твое чтение с ними?" Для упрочения связей с учащимися Бородин поселил на своей квартире нескольких учеников земского училища, образовав коммуну. Петр Шуравин с помощью Павленкова и Трощанского подготовил для них специальный каталог рекомендательной литературы. Кое-кто из молодых людей прирабатывал у Красовского перепиской и переплетными работами.

Уклад земского училища напоминал быт студентов Петровской земледельческой академии в Москве. Атмосфера, отличная от строгих порядков гимназии и семинарии, сказывалась во многом. Отражалась она и на внешнем облике воспитанников. Они расхаживали в красных рубахах, лихо

¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 238. Л. 83.

² Там же. Д. 239. Л. 9-об.

перехваченных кушаками, обзаводились широкополыми шляпами и высокими сапогами, некоторые ходили с увесистыми тростями. Воспитанники училища не имели обязательной формы, но подобные "нигилистические костюмы" были не прочь надеть и гимназисты. Это не являлось мимолетной модой, а было откровенно нескрываемых общественных Широкополая шляпа - излюбленный головной убор разночинцев, красная рубаха ассоциировалась народнической молодежью не только с волонтерамигарибальдийцами, но и с Разиным и Пугачевым. С вольным обликом воспитанников земского училища начальство вынужденно мирилось, зато с гимназистами обходились круго. Однажды директор гимназии Фишер изловил на улице Петра Неволина, как на грех оказавшегося в неформенной одежде. Разгневанный педагог засадил гимназиста в карцер. Неприятие гимназистами казенной формы, увлечение воспитанников земского "простонародной" одеждой расценивалось как далеко небезобидное явление. Следствием подобной "моды", захватившей разночинную молодежь и в столицах и в провинции, стало негодующее обращение губернатора Чарыкова к руководству учебными заведениями Вятки "по поводу ношения неприличной одежды некоторыми молодыми людьми". Досталось от него также девушкам и молодым женщинам: "В последнее время замечается, что многие молодые люди, как например: некоторые учителя народных школ, учительницы, их помощницы и даже воспитанники учебных учреждений ходят в довольно странных и неприличных костюмах, а именно, лица мужского пола в высоких сапогах, красных или вообще цветных рубашках, пиджаках и т.п., смешивая русский костюм с немецким, а лица женского пола – поверх юбок надевают иногда русские мужские рубашки". Губернатор строго потребовал принять незамедлительные меры в устранении столь "вызывающей" одежды, "находя подобные костюмы в высшей степени предосудительными для учащих и учащихся, так как такого рода одежда считается как бы признаком принадлежности к партии агитаторов" 1.

Воспитанники училища тянулись К знающим преподавателям М.Л. Песковскому и В.Г. Котельникову (позднее он принял участие в судьбе оказавшегося в Петербурге Степана Халтурина). Селенкина записала в Песковский, собирая У себя на квартире дневнике заинтересовывал их творческим чтением: "Сегодня Добролюбова находит непригодным и взамен его выдает из своего сундучка Писарева (после ревизии... многие книги из семинарской б-ки изъяты и лежат в особом сундучке под кроватью Песковского), а через неделю книги Добролюбова тем же самым Песковским рекомендуются, как одни из лучших русских: "Мы до сих пор живем его идеями", - говорится ученикам". Смену рекомендуемых авторов, книги которых Песковский уберег после ревизии, можно объяснить

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 27. Л. 10-10 об.

стремлением убедить молодежь в разнообразии суждений, предлагая им сочинения то одного, то другого автора. Матвей Леонтьевич заботился, как бы рьяные поборники идей Писарева не забыли при этом о заслугах Добролюбова, и наоборот.

Песковский осуждал юношеский радикализм, исходящий от Бородина, воспринимался воспитанниками училища. объясняла поведение Песковского так: "Действует доводами, неосторожностью они могут скомпрометировать школу и десятки людей лишить возможности образования и полезной деятельности в будущем..." Как преподавателю Селенкина давала ему отменную аттестацию: "Песковский несомненно лучше многих - может и всех педагогов, которых имеет Вятка". Поэтому объяснимы опасения Песковского, да и других честных и порядочных преподавателей, вкладывавших в училище и его воспитанников всю душу, тем что вскоре они полностью подтвердились. Директор училища П.А. Герман, которому нетрудно было понять, откуда внедряется в среду воспитанников "нигилизм", уже после перевода Трощанского в Курск, по свидетельству Селенкиной, раздраженно говорил: "Это все Трощанский, умел прятать концы в воду, успел выбрать приспешника... Бородина". Председатель уездной земской управы П.И. Колотов, прислушиваясь к сетованиям Германа и заботясь о судьбе училища, вызывал к себе Бородина, настойчиво требуя от него прекратить всякое общение с учащимися.

Воспитанники училища пристально интересовались трудовыми ассоциациями, товариществами, коммунами, в их среде пользовались немалой популярностью исследования А.К. Шеллера-Михайлова о практическом применении принципа кооперации в европейских странах. Не в меньшей степени на идеи трудового объединения учащуюся молодежь направляло чтение романа Чернышевского "Что делать?" и его усиленная пропаганда Трощанским.

По свидетельству П.Н. Халтурина, учащиеся вели оживленные разговоры об "устройстве жизни на новых справедливых началах... делались попытки проводить коммунальную идею на практике; устраивались общежития, коммунальные столовые и т.д." Отметил он участие в этих делах брата Степана: "К этому времени относится и его увлечение коммуною. Организовали ученики коммуну, так он всю душу вложил в это дело" 1. Для самого Степана Халтурина год учебы, проведенный в Вятке, ознаменовался общением с политическими ссыльными, участием в собраниях кружков. Это расширяло кругозор толкового деревенского парня, попавшего в губернский город, однако в совершенно определенном направлении. Учебными занятиями

¹ Халтурин И. Семейные воспоминания О Степане Халтурине // Былое. 1921. № 16. С. 51.; Халтурин П.Н. (Из беседы с родным братом С.Н. Халтурина) // Вятская правда. 1923. № 256. 7 ноября.

он явно манкировал, не следуя примеру многих своих однокашников и брата, по-настоящему увлекаясь лишь постижением столярного мастерства. Однако с самого начала учебы Степан стал читателем Вятской публичной библиотеки. Среди книг, отмеченных на его имя, в записях выдачи - номера "Отечественных записок", сочинения Тургенева, Григоровича, Достоевского ("Село Степанчиково и его обитатели", "Преступление и наказание"), В. Гюго "Отверженные" 1. Об участии будущего вожака питерских рабочих в кружке учеников земского училища рассказал в воспоминаниях "Халтурин в Вятке", его соученик, подписавшийся инициалами "Я.Ш." ("Вятская правда". 1923, № 256) На собраниях А. Вадиковский, И. Селивановский, П. Зверев читали "Что делать?" Чернышевского, и книгу Берви-Флеровского "Положение рабочего класса в России", соблюдая при этом меры предосторожности – раскладывали на столе карты на случай вероятного визита полиции.

В одном из отчетов епархиального женского училища отмечалось, что обучение и воспитание в нем проводится "в правилах веры и благочестия". Сельские батюшки охотно привозили сюда дочерей, рассчитывая дать им образование, близкое к гимназическому. Училищное начальство стремилось изолировать епархиалок от окружающего мира, хотя новые веяния проникали и в этот, по словам Чарушина, "девичий улей, предназначенный исключительно для поставки жен лицам духовного звания".

Анна Кувшинская, после окончания гимназии ставшая "классной дамой" в епархиальном училище, была ненамного старше собственных воспитанниц. Доброта и отзывчивость выгодно отличали ее от некоторых преподавательниц закрытого учебного заведения. Сама Кувшинская находилась под влиянием Василия Трощанского, который помогал ей готовиться к поступлению на женские врачебные курсы в Петербурге и, надо сказать, был неравнодушен к своей обаятельной ученице. Вместе с воспитательницей детского приюта Лидией Сущинской Анна посещала собрания в библиотеке Красовского-Вершинина и в доме Машковцевых. На предложение Кувшинской проводить занятия с воспитанницами епархиального училища откликнулся Чарушин. Согласие объяснялось не только стремлением поведать девушкам об Интернационале Парижской Коммуне. Через Николай И много лет Аполлонович вспоминал: "Скромная и серьезная, всегда спокойная и державшаяся чрезвычайно просто, Кувшинская невольно как-то привлекала к себе всем своим симпатичным обликом. С первых же встреч с нею я невольную симпатию..." "Посещая ней Кувшинскую, занимавшую две прилично и уютно обставленные комнаты, куда почти каждый раз приглашались и более близкие ей воспитанницы, я познакомился и с

¹ ГАКО. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 66. Л. 549. Подробнее о вятском периоде С. Халтурина см.: Сергеев В.Д. Пропагандист с динамитом. Правда и миф о Степане Халтурине. Вятка (Киров), 1998.

ними... - продолжал воспоминания Чарушин. - Тут были мечтательная красавица Чемоданова, впоследствии Синегуб... сохранившая идеалы своей молодости и энергию до конца своих дней, несмотря на жестокие удары судьбы, преследовавшие ее в течение всей жизни; А.В. Якимова, бойкая и энергичная девушка, впоследствии видная народоволка... Красовская, тоже принявшая впоследствии участие в революционном движении, но скоро погибшая; Овчинникова, сестра Евгения Овчинникова, Кочурова, добившиеся с великими усилиями возможности получить медицинское образование и сделавшиеся потом врачами; Мышкина, Юферева и некоторые другие, фамилии которых я теперь не припомню, с несколько иной и менее красочной их последующей судьбой". Занимаясь с епархиалками, Чарушин опасался раскрытия тайных собраний. Уже в советские годы Якимова рассказала ему, что в случае крайней непредвиденности она и ее подруги намеревались спрятать юного пропагандиста... в шкаф для одежды. Запретное чтение происходило во время уроков, которые казались епархиалкам неинтересными, и по ночам. Особый интерес вызывали, конечно, вопросы эмансипации. Примером для подражания служили героини Некрасова, Тургенева, Чернышевского.

Еще одна бывшая епархиалка, вспоминала, что кроме Чарушина Кувшинская приглашала на встречи со своими воспитанницами политических ссыльных. Через заднее крыльцо они проникали в ее комнату, после "приходили 3-4 ученицы для беседы с гостем и за разъяснениями накопившихся вопросов по поводу заранее прочитанных книг. Это называлось на нашем языке "приготовить вопросы"... Поздно вечером гость со всеми предосторожностями благополучно выбирался из гостей" ¹.

Проникновение новых идей в училище не замедлило сказаться. Две выпускницы Лариса Чемоданова, дочь священника из села Ухтым Глазовского уезда, и Надежда Кочурова, отец которой занимался торговлей в Сарапуле, вознамерились бежать в Петербург и там поступить на женские врачебные курсы. Побег удался лишь Кочуровой ². Чемоданову задержал пустившийся в погоню отец. Он засадил непокорную дочь под домашний арест, лишил малейшей связи с друзьями, вскрывал приходившие на ее имя письма, на чем свет стоит высмеивал "нигилисток" и "стриженых девок", нарочно, чтобы досадить дочери, поносил ее любимую "классную даму" Кувшинскую. История с неудачным побегом и "крамольные веяния среди епархиалок получили широкую огласку. "Я или Кувшинская!" - заявляла начальница училища. Не

¹ Очерк истории женского движения в г. Вятке. (Воспоминания о 70-80-х годах прошлого столетия). Автор неизвестен. Рукопись с правкой А.В. Якимовой. – Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4, 4 об.

 $^{^2}$ Позднее отец Кочуровой, встретившись с нею в Петербурге, не стал возражать против намерения дочери стать врачом.

меньший резонанс имел второй, на этот раз успешный, побег Ларисы Чемодановой, история которого широко известна по воспоминаниям Сергея Синегуба "Записки чайковца".

Обстановка в училище после этого еще более осложнилась. Одна из учениц жаловалась, что начальница строжайше запретила воспитанницам водить дружбу с теми, кто заподозрен в неблагонадежных знакомствах. Эта епархиалка добавляла, что некоторые из преподавательниц и "классных дам" училища досаждают кое-кому из учениц назлойливыми насмешками, обидно обзывая их "нигилистками". Летом 1874 года местное общество находилась под впечатлением нового побега, совершенного уже младшей сестрой Ларисы Чемодановой Любовью. Она сбежала с постоялого двора в Вятке через окно, выходившее в палисадник. Спешно вызванный на постоялый дворе врач Фома Витковский приводил в чувство матушку-попадью, от которой сбежала и вторая дочь. Помощь в побеге Любе Чемодановой оказала Селенкина, выделив деньги из фонда кружка. Беглянке помогли гимназисты Петр Неволин, ее двоюродный брат, Иван Сырнев, Александр Вершинин; студенты Григорий Попов, его брат Александр и Василий Максимович. Все это вновь вызвало массу толков и пересудов, подчас преувеличенных. "Бегут девушки от семей сообщал Н.Н. Блинов казанскому адресату Н.Я. Агафонову, следовательно, семьи того стоят" 1. Многие вятчанки проявляли завидную настойчивость в борьбе за образование. "Несмотря на ...тяжкие условия, вспоминал Н.А. Чарушин, - Вятка в 1871-1872 гг. выделила из своей женской половины пионерок женского высшего образования в лице Е.И. Столбовой, Юл. Фармаковской, Машковцевой, М.Ф. Нагорской (впоследствии Рязанцевой), А.Д. Кувшинской и других... Брешь, таким образом, была пробита, и за первыми пионерками последовали и другие, по большей части, из воспитанниц епархиального училища... Но этим, последним, приходилось завоевывать свою независимость и право на разумное существование, пожалуй, еще с большими препятствиями, чем первым, и добывать свою свободу путем побега, увоза и даже путем фиктивных браков".

В письмах и воспоминаниях участников общественного движения прослеживается различное отношение к выбору пути. Е. Овчинников указывал на два направления в спорах нигилистически настроенных семинаристов. Одни высказывались за призыв Добролюбова к подготовке условий для активизации народа, как единственно возможный. Другие задумывались над статьями Писарева, над его сдержанными выводами о неподготовленности народа к восприятию идей, выработанных теоретиками народничества.

О направлениях, занимавших часть учащейся молодежи Вятки вспоминал и А.М. Васнецов: "В кружке существовало два течения - "идти в народ": к

¹ Рукописный фонд Научной библиотеки Казанского университета. Фонд Н.Я. Агафонова. № 213. Т. II. Л. 859 об.

рабочим и землепашцам; другое - в учителя, учить народ". Под первым Васнецов понимал, видимо, революционную пропаганду, под вторым - просветительскую работу, которую выбрал сам - "стал горячим сторонником последнего... решил идти в народные учителя".

Многие из участников народнических кружков испытывали влияние "чайковцев", считавших необходимой длительную подготовку, пропаганду и организационную работу среди крестьян. Их идеи принимались и оттого, что некоторые вятчане-"чайковцы" влияли на земляков. От увлечения бакунистскими тенденциями вятскую молодежь предостерегала пропаганда Трощанским наследия Чернышевского.

Все участники кружков сознавали необходимость работы в народе. Некоторые до поры тяготели к промежуточным формам, может быть, иногда просто затрудняясь определить собственную позицию. Для таких было чрезвычайно важно пойти в народ, хотя бы с целью ознакомления. О серьезности и ответственности работы в народе и для народа задумывались многие. Мысли о трудности пути и отдаленности цели находили отражение в стихотворных опытах Михаила Бородина:

Нет, не увидеть мне спасенья Несчастной Родины моей; Надо еще не одно поколенье, Чтоб возвратить свободу ей.

О неизбежных ошибках и противоречиях в намерениях и действиях народников писала Г.Е. Благосветлову, фактическому издателю журнала "Дело" Селенкина: "...Мы начинаем действовать всегда без практической подготовки и всегда, возбудив излишние заботы, кончаем не по своей воле и гораздо прежде, чем успеваем что-нибудь сделать; из благих начинаний, из святых верований и надежд выходят только мыльные пузыри. Как тут надеяться на полный социальный переворот в настоящем?.. Я никак не надеюсь на него и, чтоб сколько-нибудь быть полезной, иду черепашьим шагом..." 1. Последние слова Марии Егоровны сопоставимы с высказыванием героя романа И.В. Омулевского "Шаг за шагом", который рассудительно говорил: "...Я предпочитаю идти до времени - шаг за шагом". На возражения собеседника: "Так-то, батенька, черепахи плетутся", Светлов поясняет: "Идти шаг за шагом не значит, по-моему, плестись; напротив, это значит идти решительно и неуклонно к своей цели, без скачков, - по крайней мере, я именно в таком смысле употребил это выражение. Самая-то суть ведь не в скорости шагов, а в их твердости и осмысленности, мне кажется. Войско так же идет..."

Вести из других мест страны создавали определенный настрой в вятских кружках. Трощанский из Курска сообщал о положении крестьян, о голоде в

¹ Петряев Евг. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970. С. 133.

Поволжье, о новых товарищах, которые "выдержали Сибирь и каторгу". Он делился планами: "Вчера вечером возвратился из Петербурга... (видимо, осуществил поездку втайне - В.С.); образовалась маленькая компания; цель ее передать социальное движение в руки массы, которая должна будет вести его сама; разумеется, для этого требуется очень много работы, но это такая работа, за которую можно положить жизнь. Работа начата и ведется довольно энергично. Впрочем, в Вятку пошлются в скором времени маленькие книжки цель" 1. Бородину заграничного происхождения, которые VЯСНЯТ вам Трощанский предлагал на лето 1874 года отправиться в деревню, выполнять "святое дело" пропаганды среди народа: "Будьте вы только готовы, а дело будет". Настойчиво побуждая вятчан к активным действиям, он рассказывал им о собственной работе, живо интересовался делами вятских друзей: "Почему это Радикал (М. Бородин - В.С.) не отвечает на мое письмо? Куда девался Неволин? Мне интересно знать, что они думают и предпринимают? Лучшие гимназисты бросают гимназию и отправляются в народные учителя или так, в качестве кого-нибудь в деревню. Все будут жить в нескольких верстах друг от друга... Я думаю переделать программу и дать им для руководства" 2. Сведения о готовящемся "хождении в народ" приходили и из других мест. Об этом извещал земских врачей В.А. Спасского и С.П. Пересветова В. Махаев, студент Медико-Хирургической академии, сообщая о существовании трех направлений среди народничества. Первое считало необходимым немедленно отправиться в народ. Сторонники второго полагали: "Прежде, чем идти в народ, необходимо приобрести прочные знания, непоколебимую нравственную подготовку..." Представители третьего утверждали, что в народ следует идти, однако не в "шкуре рабочего", а в качестве врачей, учителей, адвокатов" ³. Известия от Махаева становились достоянием не только его адресатов. Братья Спасского имели связи в народнических кружках Вятки, Пересветов собирал вокруг себя молодых людей в Санчурске. Сам Пересветов отчетливо выразил требования к интеллигентам: "В народ могут идти только испытанные... Не ходите прямо в народ, учитесь, как к нему подойти и вынести на своей шкуре хоть 1/7 его ноши. Пусть идут испытанные... Не отказывайтесь от науки; истинная наука ведет в народ: ее светоч - он. Не держитесь только ярлыков; иметь везде в виду народ – вот лозунг. Идти туда, где сил хватит" 4.

Вопрос об отношении интеллигенции к народу и народа к интеллигенции представлялся крайне важным для всех. Владимир Машковцев писал Бородину: "Видел я, Мишель, как работают под землей при разработке

¹ Итенберг Б.С. Движение революционного народничества в 70-х годах XIX в. М., 1966. С. 248.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 91. Л. 4 об, 5.

³ Ткаченко П.С. О некоторых программно-тактических вопросах революционного народничества 70-х годов // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 201.

⁴ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1613. Л. 7 об.

каменного угля. Тяжелый труд... Получают рабочие по 40 коп. в сутки" ¹. Но он же искренне сомневался, сможет ли помочь народу, ясно увидеть пути сближения: "Едва ли человек, не вышедший из народа, не вынесший на своих плечах хоть частичку его страданий... может беззаветно полюбить его. Я желаю приготовить из себя полезного защитника его интересов, работника для него, а чувствую, что нет у меня пока той любви, которая видна в тех и других, которые вышли из него, или испытали на себе частицу его страданий" ².

Выпускник Вятской гимназии, студент Медико-Хирургической академии, сын протоиерея Кафедрального собора в Вятке Григорий Попов занес в записную книжку мысли о ведении пропаганды: "Я ставлю себе задачей: 1) вести пропаганду социальной революции, 2) заниматься разрешением возникших и возникающих при революционной пропаганде среди крестьянства вопросов, 3) приносить социальным революционерам посильную помощь, как материальную, так в особенности, нравственную". К первому пункту он сделал примечание: "Пропаганду я намерен вести среди молодежи интеллигентных классов, так как этот образ деятельности считаю наиболее подходящим к своим способностям и силам. Непосредственной пропаганде среди крестьянства, которую я считаю за вернейшее, наиболее прямое и вообще лучшее средство к мешают три условия: 1) слабость достижению цели, 2) испорченность. сообщенная воспитанием... мешаюшая сближению крестьянами, 3) невозможность усвоить образ мышления крестьян, вследствие привычки и любви к абстрактному мышлению". Строго отметив собственные слабости, Попов, может несколько преувеличивая свои возможности, сообщал, что "намерен также заниматься сочинением и изданием книг и брошюр, сношением с деятелями русской эмиграции и Западной Европы" 3. Цель написания этих строк Попов при дознании сообщить не пожелал. Кроме того у него нашли письмо (автор неизвестен), в котором содержалась просьба достать "доклады земские, сметы и раскладки. Вообще книг, в которых бы указывалось сколько с души лупят с наших вятских крестьян податей и куда они идут. Эти штуки необходимо бы достать..." 4.

Все, кто трудился в сельской местности - учителя, земские работники, сознавали нравственный долг перед народом. Аполлинарий Васнецов писал брату Виктору (1875, сентябрь): "Да, действительно, я, ты, все мы... должники общества, но не всего. Я считаю себя - должником тому, кто в осенний дождь, в ветер, пронизывающий до костей, в холод, когда застывает кровь в жилах, заносимый снегом, в степях везет свой хлеб другим, добытый потом и кровью; тому кто живет в тесной лачуге с разъедающим глаза воздухом... тому, кто

¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 482. Л. 1.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 91. Л. 12 об.

³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11. Л. 39.

⁴ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 239. Л. 6.

целое лето, почти не отдыхая, пашет, косит, боронит, страдает, кто все заработанное пропивает, чтобы на время забыть свое тяжелое бремя..." Далее он приводил строки из некрасовской "Железной дороги": "Стонет он по полям, по дорогам...", заканчивая мысль словами: "И долго еще не окупить нам этот великий долг. Да и велика наша задача... Так вот кому я считаю себя должником".

Трудности общения с народом лучше всего представляли непосредственные выходцы из его среды. "Прежде чем что-нибудь сделать в этом отношении, - говорил крестьянский сын, студент Петровской земледельческой академии Дмитрий Тяжельников, - надо хорошо изучить народ, который крайне неподготовлен, неразвит, с ним вдруг ничего не сделаешь" ¹.

Наиболее доступным занятием, позволявшим разночинной молодежи общаться с крестьянами, являлась учительская работа. Много молодых людей, закончивших средние учебные заведения в Вятке, занимали учительские должности в уездах из-за невозможности отыскать в губернском и уездных городах работу. (Можно вспомнить слова земца В.И. Малинина о Вятке: "Город поголовной борьбы за кусок хлеба"). Но были энтузиасты, выбиравшие учительскую стезю из идейных соображений. Они попадали в различные условия. Встречались школы вроде той, что была описана "Вятской незабудкой" (1877, изд. 1-е) в статье "Наши земцы и немцы": "Нищенский покосившийся от ветхости домишко в четыре окна, из которых два заколочены досками, а в остальных двух большая часть стекол перебита и заклеена бумагой. Классная комната три аршина длины и ширины, низкая и темная... почерневшая от дыма печь, у стены покосившийся шкаф, четыре уродливые парты (две сломаны и валяются на полу), в углу валяется изломанная классная доска. Холод и грязь невообразимые". В шкафу оказалась десть писчей бумаги, десять грифелей, кусок аспидной доски, да два экземпляра "Родного слова" Ушинского. Неизвестно, что за учитель преподавал в этой школе села Гидаево Слободского уезда. Он мог оказаться просто нерадивым, ведь не все же были подвижниками, вроде тех учителей, о которых с гордостью сообщал П.А. Голубев на страницах "Волжского вестника" (1886. № 280):

"В большинстве случаев в школе учительствовали наши же братья и сестры или знакомые, только что покинувшие гимназию и семинарию. Многие покидали гимназию ради начальной школы из 4-го, 5-го и даже 6-го класса, а семинаристы даже из 3-го и 4-го" ². Далее Голубев вспоминал, что появление в Вятке "пионеров народного просвещения", приезжавших из уездов, вызывало оживленный интерес тех, кто твердо предполагал посвятить себя учительской

¹ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1613. Л. 12.

² Старшим классом в гимназиях был 7-й. Обучение в семинарии разделялось на три двухгодичных класса, т.е. всего там учились 6 лет.

Народных учителей наперебой расспрашивали школах, крестьянских ребятишках, заинтересованно обсуждали приемы обучения звуковой метод при усвоении грамоты, чтение и письмо, объяснение по картинкам, методику проведения предметных уроков. Для приезжавших в Вятку учителей их друзья подготавливали новые книги, программы для чтения. Часто на приобретение книг затрачивались почти все сбережения. Книги же, в основном, закупались в магазине Красовского. Большим спросом пользовались пособия вятского священника-просветителя о. Николая Блинова, талантливого педагога. Голубев не без основания замечал, что энтузиасты "учительского служения" были знакомы с проблемами народного образования ничуть не меньше, а больше чиновников из Министерства народного просвещения. Молодые учителя и те, кто хотел посвятить себя работе в школе, внимательно следили за педагогической литературой. Широкое обсуждение в их среде вызвала статья Льва Толстого "О народном образовании. Некоторые ее положения отвергались, особенно предложение "отдать школу в руки малограмотных унтер-офицеров, монашек, дьячков и проч.", поскольку это было "дело, которому отдавали себя наши лучшие товарищи, занятие, которое считалось, не без основания, подвигом, жертвой". Народные учителя никогда не жаловались на трудности работе в деревне: "Наши пионеры не оставляли добровольно школу, но и не делались ремесленниками. Это было бы для них равносильно позору. Они до конца возможности оставались в школе и удалялись из нее только растоптанные колесом жизни". Выделенными словами Голубев хотел иносказательно поведать о судьбе учителей народных школ, уволенных за участие в пропаганде. Некоторые из них были арестованы, подверглись длительному тюремному заключению. Однако, читатель 80-х годов, которому адресовал Голубев свои воспоминания, не смог их прочесть, поскольку в сохранившемся цензорском экземпляре "Волжского вестника" они вычеркнуты. Учителей, вынужденных покидать школы не по собственной воле, "всегда провожали доброжелательство деревенцев и слезы питомцев". В силу возможности, с оглядкой на цензуру Голубев сумел все же сказать о том, что народные учителя занимались не только обучением: "Эта энергия, прежде почерпывалась в характере их деятельности, в отношениях окружающим. Они не замыкались, да и не могли замкнуться в одну педагогику; она ведь только одно из средств в удовлетворении народных нужд, а нужд так много!.." ¹.

Кроме подготовки к педагогической работе будущие учителя еще в Вятке старались овладеть некоторыми ремеслами. Юноши обучались кузнечному, столярному, переплетному делу, девушки учились шитью и даже... тачанию башмаков. М.Е. Селенкина в рассказе "Сашенька Кропачева" показала "крестьянскую наставницу", очень похожую на своих знакомых.

 $^{^{1}}$ П.Г. (Голубев П.А.) Из недавнего прошлого...

(Г.Е. Благосветлов, в журнале которого печаталась Селенкина, в одном из писем резонно возразил ей: "Пока не сложатся другие социальные условия, образование массы будет одним желанием без результата и плода. К образованию возбуждает хорошая материальная обеспеченность, от которой наш народ еще очень далек". По его мнению, героиня рассказа "делает не то, что нужно" 1). Все эти познания, пожалуй, за исключением переплетного дела, помогали в общении с крестьянами. Об этом размышлял воспитанник земского училища Василий Коробов. Призванный на воинскую службу, он писал другу из Киева (1875, 26 марта): "Сделаться учителем и в то же время обладать практическими сведениями по сельскому хозяйству лучше: доверие скорее заручить можно". Далее Коробов добавил: "Желал бы я тебе сказать больше об этом, да неудобно, и, думаю, сам поймешь почему" 2. Осторожность автора понятна — еще шло преследование народников в деревне.

учащейся Увлечение овладением ремесел распространялось среди молодежи основательно. "У редкого из нас нельзя было встретить или столярных или переплетных инструментов, иногда эти инструменты сносились в сборные мастерские", - вспоминал Голубев на страницах "Волжского вестника". Отметил он и то, что некоторые из его товарищей "в несчастные годины своего существования даже пропитывались ремеслом". (Цензор и на этот раз угадал, что имел в виду автор под "несчастными годинами"). В деревне учителя не только помогали крестьянам советами, подчас весьма дельными. (Учеников земского училища этому специально обучали). Народнически настроенная молодежь готова была стать для крестьян доброжелательными помощниками в любом деле.

"Было почти обычным явлением, что наши педагоги являлись адвокатами, писарями, советниками в деревне; некоторые даже лечили; одной учительнице принадлежит честь выиграть в пользу общества казусное дело о мельнице. Особенно много занимались тогда устройством артелей, ассоциаций. Это был момент, когда вопрос из теоретических обсуждений переходил в практику". Голубев и его друзья искренне верили, что своей деятельностью в деревне они внесут "в русскую жизнь новые формы общинного труда и общинного распределения". (Упоминаний об ассоциации и общинном распределении цензор тоже не потерпел). Один из учителей в каком-то глухом селе вел упорную борьбу с кабатчиком, спаивавшим мужиков, открыл "чайную". (Исход этого поединка остался неизвестным). Другой знакомый Голубева устроил у себя на родине для рабочих стекольного завода потребительское общество. Подобные начинания встречали сочувствие и поддержку передовых земцев, но уездные власти и сельские торговцы относились к ним настороженно и даже враждебно. Товарищи учителей, работавших деревне, старались

² НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1625. Л. 17 об, 18.

 $^{^1}$ Козьмин Б.П. Г.Е. Благосветлов // Альманах библиофила. Вып. XIII. М., 1982. С. 164.

поддерживать их не только духовно, но и материально, поскольку само земство отмечало, что учительское жалованье крайне низко и не соответствует "их заслугам и трудам на пользу общества", обрекая на бедность и постоянные лишения ¹. Сами же учителя никогда не жаловались на тяготы существования, на то, "как и в каких квартирах им приходится обитать, сыто ли они живут". Воспоминания о них в "Волжском вестнике" Голубев закончил словами, полными восхищения и уважения перед их подвижничеством: "Где и откуда набирались сил, энергии, веры в свое дело эти идеалисты?".

Чиновник канцелярии губернатора Плансон, наблюдавший благонадежностью владельцев книжных магазинов, библиотек и типографий, производил внезапные осмотры у Красовских и Вершинина. Усердно рылись в библиотеках и книжных магазинах в поисках "крамольной" литературы и жандармы. При этом и Плансон и "синие мундиры" руководствовались списком книг, "которые пропагаторы распространяют в народе" 2. Почти все книги из этого перечня находились у Красовских и Вершинина. Это был типичный набор литературы, которым пользовались участники "хождения в народ" – "Степные очерки" А.И. Левитова, "Дедушка Егор" М.К. Цебриковой, "Очерки фабричной жизни" А.И. Голицынского, "О царстве Бовы-королевича", "Илья Муромец", рассказы Н.И. Наумова под общим названием "Сила солому ломит" в виде большого тома, но для удобства легко разбираемого на отдельные брошюры³. Издания, разрешенные цензурой, использовались в революционной пропаганде, и оттого были, хотя и с явным запозданием отнесены III отделением к числу "тенденциозных". Упомянутые книги в достаточном количестве можно было купить в магазине Красовского, хотя он "крамольными приобретал снабжения целью Тем не менее спрос на такие книги потенциальных пропагандистов. повышался, поэтому вятские народники получали их из Петербурга, Москвы, Казани с помощью земляков-студентов. Так легальные издания становились оружием народнической пропаганды среди народа. После очередных проверок Красовский давал подписку в том, что не будет распространять неразрешенные издания, но последующие осмотры вновь обнаруживали запрещенную литературу. Некоторые книжки Плансон и жандармы находили в большом количестве. Из имевшихся 50-ти экземпляров "Дедушки Егора" Красовский успел продать 19, остальные были опечатаны. Рассказ "Митюха" был закуплен Красовским им еще до запрещения его в 50-ти экземплярах, "Ясная Поляна" в 500-х. Обыски следовали один за другим: 18 сентября, 10 и 21 октября, 21 декабря 1874 года. 10 октября в магазине опечатали около 600 экземпляров

¹ Журналы Вятского уездного земского собрания XIV очередной сессии. Вятка, 1873. С. 237.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 387. Л. 125.

³ Там же. Л. 14.

книг ¹. Тогда жандармы проводили обыск в течение пяти часов. В один из визитов непрошенные гости рылись двенадцать часов, опечатали три кладовых с книгами. Кроме легальных, но запрещенных к распространению изданий, нашли и подлинную "нелегальщину" - несколько экземпляров журнала "Вперед!", издаваемого за границей П.Л. Лавровым.

Запрещенные издания имелись у многих учителей в уездах. Работавший в селе Пищальском Орловского уезда ученик земского училища Филипп Кудрявцев, переезжая, оставил в пищальской школе 20 экземпляров "Дедушки Егора", 23 — "Очерков фабричной жизни", 20 — "Степных очерков". Выяснилось, что Кудрявцев щедро раздаривал "крамольные" книжки своим ученикам. Перебравшись в село Пектубаево Яранского уезда, он выписал из магазина Красовского книги на 8 руб. 50 коп. Учитывая копеечную стоимость "книг для народа", очевидно, что пропагандист заказал их в немалом количестве. Часть литературы в количестве 30-35 экземпляров для него выслал из Петербурга Петр Шуравин.

В Яранский же уезд из столицы посылались книги для учительницы Ольги Красовской, а часть книжек, взятых при обыске у Якимовой в селе Камешницком Орловского уезда, была куплена ею в Орлове у Василия Красовского, когда он служил там мировым судьей ². Сам он тоже занимался распространением подобных изданий. При обыске в истобенской школе обнаружили конволют, состоявший из трех книг – "Степные очерки", "Митюха", "Дедушка Егор". Выяснилось, что это подарок младшего Красовского ученикам. Большим успехом у сельских учителей пользовалась "Наглядная азбука" (1873), напечатанная Павленковым в типографии Красовского. Пропагандистов привлекало в ней сатирическое изображение помещиков, сельских богатеев. Это давало губернатору Чарыкову резонный повод заявить, что "подобная азбука вреднее сочинений Лассаля" 3. Книга Павленкова приобрела известность не только в Вятской губернии, запросы на нее шли из многих мест, зачастую и весьма отдаленных вроде Ейска с Азовского моря и Ставрополя-Кавказского.

Особый интерес вызывает издание в Вятке своего рода "замаскированной" брошюры "О средствах для истребления волков" (1873). Состоявшая всего из восьми страничек формата открытки, она прошла цензуру в Казани и была отпечатана типографией мещанина Константина Сычева в количестве 500 экземпляров. Стоила она всего две копейки. Но вскоре власти распознали скрытое содержание брошюры, признав ее "не вполне удобной для распространения в настоящее время в народе". Из типографии изъяли часть

¹ Там же. Л. 55.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 235. Л. 93; Д. 160. Л. 71-71 об.

³ Блюм А.В. Ф.Ф. Павленков в Вятке. Киров, 1976. С. 30.

экземпляров. Чем же вызвало подозрение вроде бы полезное руководство по борьбе с серым разбойником?

Во вступлении шла речь о значении животных: одни из них приносят человеку пользу; другие - "живут они, значит, да небо коптят", от третьих "больше вреда, нежели пользы", "к числу последних, между прочим, относится и волк". Далее даются советы, как бороться с волками: "Для того, чтобы успешнее истреблять, уничтожать волков, надо охотиться на них не в одиночку, а большими толпами, артелью, и чем из большего числа человек будет состоять артель, тем успешнее пойдет дело".

Затем рассказывалось о преимуществе коллективной борьбы с хищниками: "Один человек не сдвинет с места большого камня, а как соберутся многие, возьмутся дружно за дело, камень сразу сдвинется... Да, артель - великое дело, что не поддается силе одного человека, то наверное поддастся силе артели. В артели каждый человек приобретает большую силу. Артель - сила, и сила такая, которую почти невозможно сломить, уничтожить, и чем больше артель, тем сильнее она".

Заканчивая вступление, автор как бы спохватывается: "Однако я заговорился о другом, пора уже рассказать и о том, как надо ловить волков". После краткого, по сравнению со вступлением, описания двух способов охоты, дается заключение: "Итак, братцы, соединяйтесь в артели, целыми деревнями, целыми обществами и бейте, истребляйте волков... В местах, где старательно преодолевали волков, они уже почти вывелись" Вятский прокурор утверждал, что автором брошюры являлся Петр Неволин, имя которого в деле о "замаскированном" издании возникло не случайно - именно он вел переговоры с хозяином типографии.

По предположению Е.Д. Петряева, написал брошюру адвокат окружного суда Владимир Васильевич Белов, близко стоявший к общественному движению, талантливый натуралист, автор многочисленных статей и рассказов об охоте. Намерение, скрытое в брошюре, по словам прокурора, заключалось в следующем: автор "старался убедить крестьян составлять артели для истребления волков, доказывая им всю силу артели и бессилия одиночных действий. Вообще, содержание этой книги, под предлогом истребления волков, скрывает в себе другую цель - как бы истребление ныне поставленных над народом властей" ².

 $^{^1}$ О средствах для истребления волков. Вятка. Типография Сычева. 1873. С. 2, 4. Нам известны два экземпляра брошюры: один в бумагах, взятых при аресте М.Е. Селенкиной (ГАРФ), другой — в краеведческом отделе Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена.

² НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1613. Л. 26 об. Возможна связь брошюры с фольклором и "Сказками" М.Е. Салтыкова-Щедрина ("Самоотверженный заяц", "Бедный волк").

Все эти копеечные по цене издания - "книги для народа", "ряженые" и "замаскированные", в большом количестве запасались радикально настроенной молодежью, готовящейся к "хождению в народ".

ПРОПАГАНДИСТЫ В НАРОДЕ

Еще обучаясь на педагогических курсах при женской гимназии, выпускница епархиального училища Анна Якимова послала в Орловскую уездную земскую управу прошение о месте народной учительницы. Ей пришлось преодолеть сопротивление отца, который, желая оставить дочь дома в селе Буйско-Архангельском Уржумского уезда, обещал открыть там частную школу. Но дочь, обладавшая твердым характером, пригрозила побегом, и отец уступил ее настойчивости. В августе 1873 года Якимовой предложили работу в земской школе села Камешницкого верстах в двадцати пяти от Орлова, ближе к Вятке.

Семнадцатилетней учительнице предстояло завоевывать доверие крестьян. Основная трудность возникла не из-за нехватки материальных средств для школы, хотя и они ощущались. Учителю, несущему знания в народ, приходилось преодолевать сопротивление сельских мироедов, лавочников, кабатчиков, сталкиваться с произволом станового пристава. Но живая и общительная девушка быстро сблизилась и с ребятишками и их родителями. Вскоре она обрела обширные знакомства в округе. По предложению земства в праздничные и воскресные дни, когда не было занятий в школе. Анна ходила по деревням делать прививки от оспы. Нелегко было побороть недоверие и мнительность неграмотных крестьян, но камешницкой учительнице можно было довериться, люди знали ее доброту, отзывчивость, готовность всегда придти на помощь. Часть скудного жалованья она отдавала на содержание в Вятке двух деревенских подростков, сиротки Прасковьи Головиной Хорошавина. Девочку Матвея Якимова приходское училище и платила за угол для нее в одном из домов на Казанской улице, Матвея определила в ученье к сапожнику Гавриле Прокопьеву. "С крестьянами сошлась я довольно скоро, и почти не было времени в течение дня с утра до вечера, чтоб я могла остаться одна, – вспоминала на закате жизни Анна Васильевна, – С раннего утра ребята уже собирались в школу. Квартира моя сначала помещалась в том же доме, где школа, во второй половине дома крестьянина с большой семьей. У них же я и столовалась Когда число учеников увеличилось, пришлось взять под школу и мою комнату, а мне переселиться в не другой крестьянский дом. Зимою, когда было усиленных сельскохозяйственных работ, - ученики были довольно великовозрастные, лет до шестнадцати и больше. После уроков толпились у меня: то просто беседовали, рассматривали картинки в книгах, а то и читали вслух. В то время заходили и взрослые: прочитать или написать письмо или просто потолковать о том, о сем, а молодежь за книгами. Кроме довольно скудной школьной библиотеки, была у меня своя библиотека с подбором тенденциозных и запрещенных цензурой книг... В беседах крестьяне были вполне откровенны, в критике существующего не стеснялись, книжки мои читались грамотными довольно охотно, но и только... Не проявлялось никаких намеков на зарождение революционной самодеятельности. Приходилось упираться в одно и то же: "Не нами это начиналось, не нами и кончится" 1.

Следуя совету В.Ф. Трощанского, участники народнических кружков Вятки, уезжая в сельскую местность, селились на небольшом расстоянии друг от друга, что позволяло им часто встречаться, обмениваться новостями, книгами, предупреждать в случае опасности. В Орловском уезде неподалеку от Камешницкого в селе Пищальском учительствовал Филипп Кудрявцев, в Истобенском Федор Кошкарев, его сменил Павел Халтурин, в школе села Быстрицкого Аполлинарий Васнецов. В Нолинском уезде работала Клавдия Кувшинская, неподалеку от нее Инна Овчинникова, в Слободском уезде Арсений Леонтьев, в Яранском Ольга Красовская... Все они в различной степени привлекались к делу о противоправительственной пропаганде. Большая часть учителей жила в Вятском, Орловском, Слободском, Нолинском уездах, сравнительно недалеко от Вятки, куда прежде всего доходили вести о действиях народников в Москве, Петербурге, Казани, в городах и уездах других губерний. Некоторые учителя, приезжая в Вятку, останавливались у своих знакомцев, иногда находили приют в доме Селенкиной, обменивались необходимой информацией.

Стремление разночинной молодежи с народническими взглядами занять места учителей сельских школ видела губернская администрация, отмечавшая, что "зловредность глубоко проникла через учителей и учительниц в народные школы" 2 .

Причастными к пропаганде оказались и земские врачи. С кружками Вятки и Петербурга были связаны В.А. Спасский и С.П. Пересветов. Фельдшеры и акушерки при земских больницах, такие как А. Дубенская в с. Сернур Уржумского уезда, Н. Кондратович в Орловском уезде, помогали им в хранении нелегальной литературы и в переписке ³.

Участие в "хождении в народ" намеревались принять воспитанники земского училища. Тщательно готовился к работе среди крестьян Зот Сычугов, выбрав знакомую ему часть севера Орловского уезда. Среди бумаг, взятых у

¹ Якимова А.В. Автобиография. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репр. изд. М., 1989. Ст. 626-627.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 326. Л. 451-452.

³ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 221. Л. 1; ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 28. Л. 35.

юного пропагандиста (он был арестован в доме двоюродного брата, народного врача С.И. Сычугова в селе Великорецком), оказалась карта и записная книжка с маршрутом путешествия. Предварительно Сычугов выписал данные о недоимках крестьян волостей, по которым намеревался пройти - 14 тысяч рублей, сделав особую пометку: "Узнать о причине бедности и об отношении к начальству и этому долгу" 1. На всякий случай он приготовил объяснение нахождению в народе - сбор фольклора. Возможно, этому способствовали беседы с двоюродным братом, которого еще в семинарские годы привлекал пример известного собирателя фольклора П.И. Якушкина. (Прием, задуманный Сычуговым, не единичен, так поступали многие пропагандисты. Арестованный летом 1874 года в Яранском уезде участник кружка "оренбуржцев" Сергей Голоушев, в будущем известный критик, писавший под псевдонимом "Сергей Глаголь", заявил, что он и не помышлял о пропаганде, а просто "путешествовал по Вятской губернии с целью ознакомления с народным бытом" 2).

Учительствуя в Камешницком, Якимова не порывала связей с друзьями в Вятке. Она полагала, что работа среди крестьян не удается у нее лишь из-за отсутствия опыта. Чувствуя глубокую неудовлетворенность пребыванием в деревне, Анна мечтала выбраться в Петербург, набраться опыта у "чайковцев". Хотя, известно, что неудачи в противоправительственной пропаганде постигали и куда более зрелых участников "хождения в народ".

Похожие отношения складывались с крестьянами у Инны Овчинниковой, преподававшей в женской прогимназии в Нолинске. Летом 1874 года она отправилась в деревню. Настроения Овчинниковой отразились в письме Селенкиной. Учительница рассказала о трудности общения с деревенскими жителями: "С ними очень интересно говорить, так тут опять в том загвоздка, что они постоянно в разъездах, а если дома, то на работе какой-нибудь... и приходят домой вечером, когда идти к ним уже очень поздно, да они и усталые, измученные совсем, валятся спать скорее... И поговорить-то с ними не сумеешь, постоянно чувствуешь недостаток в себе знаний, чтобы что-нибудь доказать, напр., даже в суевериях... Конечно, я читаю с учениками, но опять что же? По крайней мере мои ученики любят читать только по естеству и более ничего, а книги беллетристические, в которых бы касалось более или менее социальных вопросов, они не любят, вроде, например, из фабричной жизни, "Дедушка Егор" и др., подобные книги читать с ними одна только досада... А питерцы наслали нам еще вопросов, которые мы могли задавать своим читателям по прочтении этих книг, притом вопросы, конечно, социального свойства, а я уже сказала, что они на них не обращают внимания... Итак, остается, значит, что я учу и более ничего, и цель, с какою я ехала, не будет исполнена... Конечно, отчасти для меня есть польза от пребывания в деревне,

¹ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1613. Л. 19.

² Процесс 193-х. М. Изд. Саблина. 1906, С. 160.

но эта польза незначительна сравнительно с той целью, с какой я ехала сюда..." 1 .

В Яранском уезде учитель Василий Кибардин написал для распространения в народе листки, "в которых касался угнетенности простого народа". Он же вещал на уроках о республиканской форме правления, о ее преимуществе перед самодержавной властью, а для большего закрепления сказанного "ввел между учениками подозрительную и вредную игру в республику". К сожалению, документы дознания не сохранили содержания этой игры.

О республиканской форме правления рассказывал крестьянам села Петропавловского в Яранском уезде студент Дмитрий Тяжельников, который для удобства работы в народе хотел поступить учителем в земскую школу. Он утверждал, что в России следует создать республику, сообщал, как борются за свои права рабочие в Западной Европе ². Под воздействие Тяжельникова попал крестьянин, волостной писарь Федор Ковязин. При аресте кроме нелегальной литературы у него нашли портреты Пугачева и Чернышевского.

Видимо, беседы Тяжельникова и "подстрекательские" слова Ковязина не прошли бесследно. Народник И.Е. Деникер рассказывал о встрече на волжском пароходе с крестьянами из Яранского уезда. Некоторые из них неодобрительно отнеслись к критическим высказываниям попутчика о существующем строе: "Без царя, да начальства нельзя". Но один крестьянин поддержал Деникера, рассказал о волнениях, происшедших в его селе, а потом заявил: "Да что царь! – вот в других землях лучше – выберут его на четыре года, а там не понравится – пошел к лешему – и получше тебя найдут". Не слышал ли этот крестьянин бесед Тяжельникова о выборах американского президента? Другой крестьянин, тоже яранец, заявил Деникеру, что "если до чего дойдет - так мы все с кольями, вилами, да оглоблями выйдем и лучше умрем, чем от своего отступимся" 3.

"Крамольные" книжки читали крестьянам Клавдия Кувшинская, Мария Василевич, Е. Мышкина в Нолинском уезде. В дело шли не только пропагандистские брошюрки. Учительница школы села Большеройского Уржумского уезда Широких на уроке в апреле 1875 года разбирала хрестоматийное стихотворение Аполлона Майкова "Кто он?" о Петре Великом, который помог старому рыбаку починить челн, поврежденный шведами. При этом она задавала вопрос: "Все ли государи поступали так, как Петр Великий?", а потом делала заключение: "Нынешний царь не чета Петру" ⁴. Правда, в случае с этой учительницей не обошлось без казуса. Благочинный, т.е. священник, выполняющий административные обязанности по отношению к нескольким церквам с их приходами, отнял было у нее "крамольную книгу",

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М, 1964. С. 266-267.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11. Л. 152 об.

³ Деникер И.Е. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С. 26, 27.

⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11-а. Л. 38 об.

которая оказалась... романом "Айвенго". Причина оплошания проста - батюшка спутал Вальтера Скотта с Вольтером. Вряд ли можно назвать пожилую учительницу, вдову с двумя детьми пропагандисткой, хотя в полицейских документах ее не преминули охарактеризовать "скрытной". Случай с Широких не единичен. Часто у "блюстителей порядка" и их помощников не хватало знаний, дабы определить наличие "крамольности". Так под категорию "вольнолюбивых сочинений" попал реферат Павла Кудрявцева "Причины политического упадка Польши", написанный по работе С.М. Соловьева, а еще сочинение по басне И.И. Хемницера "Богач и бедняк". Но сам Кудрявцев в селе Колесниково Сарапульского уезда распространял среди крестьян песни и стихотворения, переписанные им из нелегально изданного сборника.

Не бездействовали летом 1874 года и студенты, приехавшие на вакации. О намерении идти "в народ" говорил Григорий Попов, тот самый, что выражал сомнения в своей пригодности как пропагандиста среди крестьян. Студент Петербургского университета Михаил Овчинников в селе Рябиновское Вятского уезда читал крестьянам народническую переработку романа Э. Эркмана и А. Шатриана "История французского крестьянина". Неслучайно, когда начались преследования участников "хождения в народ", губернатор особым предписанием вменил в обязанность исправникам следить появлением в сельской местности студентов. Увлечение пропагандой захватило земского училища. "Я писал тебе, что за славный народ воспитанники земской школы, - сообщал Григорий Попов брату в Петербург, то, что они делают положительно радует меня. Один из той компании, о которой я тебе писал, исключен из школы с тремя другими и трое из них идут прямо на дело. Двадцать шесть человек хотят выйти и многие из них кажутся, наверное, отличными работниками. Повторяю, это лучшая часть вятской молодежи" 1. Конечно, в письме завышена численность намеревавшихся пойти в народ, но кое-кто из молодых людей, и таких было немало, действительно занимался пропагандой.

Причастным к пропаганде оказались и некоторые земцы. Они устраивали на службу "неблагонадежных", так или иначе, создавая им легальное прикрытие. П.И. Колотов, ставший председателем губернской земской управы после М.М. Синцова, советовался с Евгением Овчинниковым в выборе лиц на земские должности. Подобное поведение земцев вполне понятно. Сам Колотов, В.Я. Заволжский, Е.И. Красноперов, сохранив заветы "шестидесятников", оказывали, в силу возможности, помощь молодому поколению и, не разделяя их радикальных настроений, по крайней мере сочувствовали им, как личностям. Недаром ІІІ отделение признавало, что в Вятке "земские деятели... в силу близости отношений явились и нравственной поддержкой пропагандистов". Примечателен чиновник из Орлова Е. Лукашевич, бывший в

¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 239. Л. 4.

близком знакомстве с одним из ссыльных поляков, который написал и расклеил на улицах города несколько прокламаций с такими словами: "Россия подлежит большим бедствиям, а от государя императора происходит сильное зло" ¹.

В основном, участники пропаганды вели работу с крестьянами в тех местах, где и жили. Несколько воспитанников земского училища, подобно Зоту Сычугову, предприняли странствия по деревням. Но кроме пропагандистоввятчан на территории губернии действовали и заезжие народники Сергей Голоушев и двое из самарского кружка – Клеопатра Лукашевич-Осипова и Владимир Осипов. С помощью Яранской уездной земской управы Голоушев предполагал устроиться сельским учителем. Пока этот вопрос решался земством, он совершал обходы деревень близ Яранска, поджидая товарища по кружку Соломона Аронзона. По пути к Голоушеву пропагандистские беседы с крестьянином П. Царегородцевым, передал ему "Сказку о четырех братьях", однако обоих задержали еще до прибытия в Яранск. Самого Голоушева тоже схватили, но за отсутствием явных улик выпустили. Выбор обоими Яранского уезда как места пропаганды был не случаен; ожидался приезд еще нескольких народников Новгорода ². В этом же уезде работал земский врач С.П. Пересветов, связанный с народником В. Махаевым, который тоже знал Голоушева.

Тесную связь с вятчанами установили К. Лукашевич и В. Осипов, незадолго перед поездкой в Вятку вступившие в брак. Оба по Самаре знали В.О. Португалова ³. В мае 1874 года Лукашевич написала ему в Вятку, прося приискать для нее место сельской учительницы. Летом она сама появилась в городе с рекомендательным письмом от петербургского студента Александра Вершинина, младшего брата помощника Красовского Николая Вершинина. В письме гимназисту Аркадию Чарушину, А. Вершинин писал: "Сделай для нее, что можешь. Нужды свои она передаст. Это ради идеи, за которую ратуешь ты" 4. Вершинин составил для Лукашевич подробный маршрут от Орлова до села Богородское в Нолинском уезде, по которому она намеревалась пройти, ведя пропаганду среди крестьян. Опорным пунктом для Лукашевич, а затем и для Осипова стала Вятка. Посредником в их переписке стал В.О. Португалов, он же хранил приходившие на имя Осипова письма и деньги. Вместе с Лукашевич ПО деревням ходила учительница Клавдия Кувшинская. Пропагандистки в простонародной одежде, трудились вместе с крестьянами в поле, читали им брошюры, в частности, "Сказку о четырех братьях". При аресте у Лукашевич нашли несколько пропагандистских изданий: "Сила

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 325. Л. 97 об.

² НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1614. Л. 35.

³ Там же. Д. 1608. Л. 51 об., 52.

⁴ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1810. Л. 1.

солому ломит", "Дедушка Егор", "Клод Ге" (народническая переработка рассказа В. Гюго), "Стенька Разин". Крестьяне плохо воспринимали читаемое Клеопатрой Аркадьевной. Один из них при расспросах жандармов не смог толком пересказать сюжет "Сказки о четырех братьях". Кроме того у Лукашевич были взяты цюрихские издания: – самая крупная работа М.А. Бакунина "Государственность и анархия" и сборник "Историческое развитие Интернационала", авторами которого являлись единомышленники Бакунина и он сам. Сама пропагандистка составляла какие-то записки "о крестьян". Нашли положении нее собственноручно y переписанный текст прокламации "Чтой-то вы, братцы..." Почти одновременно с Лукашевич в Нолинском уезде объявился ее муж Владимир Осипов. Как многие "странствующие" агитаторы, он одевался "простолюдином". Но это не ввело крестьян в заблуждение. На дознании один из них заявил, что видел, как к Лукашевич приходил "мужчина в лаптях". О настоящем, не ряженом, крестьяне так бы не сказали. После ареста жены Осипов, рискуя быть схваченным, тайно приехал в Вятку разузнать о ее судьбе. В это время Португалов, сам будучи накануне ареста за содействие участникам "хождения в народ", просил отдать Клеопатру Аркадьевну ему на поруки, так как в тюремном заключении она серьезно заболела.

Появление Осипова в городе сильно встревожило губернские власти. 5 сентября на имя губернатора пришло анонимное письмо, присланное по почте. На обрывке бумаги какой-то "доброхот" доносил в не очень грамотных выражениях: "Осипов в Вятке, знает о поездке прокурора в Самару, ему все известно, говорит - все равно Сибирь, хоть других не дам ему открыть, заодно надо его убить. У Осипова в кармане два пистолета. Другой вечер он караулит прокурора, живет на улице" 1. В.И. Чарыков распорядился известить о письме жандармского штаб-офицера, а полицмейстеру приказал немедленно принять "энергические меры" по разысканию и задержанию народника. Но, несмотря на усердие вятских жандармов и полиции, Осипова они все же упустили.

Часто мнительность власть предержащих переходила все границы. В воспоминаниях о. Николая Блинова приведен любопытный эпизод о вятском губернаторе: "Чарыков, постоянно дрожавший под опасением покушений злонамеренных людей, раз проезжал по мосту на рысаке в сопровождении сзади конного полицейского; а навстречу шел пьянчужка, покачиваясь из стороны в сторону. Полицмейстер создал "покушение". Пьяный человек был арестован, обыскан. При нем оказался перочинный нож для разрезки хлеба. Каким образом, такое "орудие" могло угрожать жизни быстро едущему барину, закутанному в шубу, было неизвестно никому, кроме самого Чарыкова" 2.

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11. Л. 70.

² Блинов Н.Н. Дань своему времени... С. 45-46.

Пропагандисты обращали внимание и на рабочих. В 1874 года на Воткинском заводе студент Технологического института Филипп Зимин с бывшим студентом Аркадием Шестаковым, служившим чертежником, читали рабочим прокламации, "сходные с долгушинскими", говорили о тяжелом положении крестьян и рабочего люда ("им не так живется, как следовало бы в настоящее время"), толковали о том, что крестьяне не только должны освобождаться от недоимок, но и требовать от государства помощи "по крайней мере по сто рублей на человека" 1. Там же нелегальную литературу распространяли находившиеся на практике воспитанники горного училища А. Малышев и Мухин. Под их влиянием рабочие И. Коновалов и А. Минеев сами давали товарищам запретные книги и брошюры ². В сентябре того же года среди рабочих завода Александровых в Уржумском уезде вел пропаганду некий Александр Токарев, называвший себя канцеляристом из Кукарки: "Вас прежде помещики теснили, а ныне, мало того, что вы работаете более других, правительство обложило крестьян большими податями, которые не следует платить". На вопрос одного рабочего, кто бы мог помочь народу, он ответил, что такие люди найдутся 3 .

Действовали пропагандисты и в самой Вятке. Еще в 1873 году М. Бородин пытался создать трудовую ассоциацию сапожников, под прикрытием которой предполагал вести и нелегальную работу. Он составил "Проект устава Вятской артели сапожных мастеров". В редактировании устава кроме Трощанского принял участие Павленков 4. Тексту предшествовал эпиграф: "Труд есть непременная обязанность человека, а соединенный труд – его лучшая форма"⁵. В учреждении артели помогали три мастера из Вятки и один из Слободского. В проекте сообщалось, что "Вятская артель сапожников устраивается с целью соединенными усилиями и средствами небогатых мастеров приготовлять изделия на продажу, и тем дать возможность публике приобретать эти изделия из первых рук, а самим мастерам предоставить выгоду, происходящую от совместного производства работ" 6. Затея успехом не увенчалась. Бородин, скрепя сердце, заявил, что мастера в большинстве своем, оказались "кулаками, эксплуататорами или готовыми эксплуатировать своих подмастерьев" 7. Так народнические иллюзии разбивались о реальную действительность. О неудаче Бородина с известной долей юмора заранее предупреждал дальновидный Павленков, утверждая, что подобная артель лишь объединит "мастеровэксплуататоров против бедняков-подмастерьев", а сам "Проект" - "порождение

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 325. Л. 583, 583 oб.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11. Л. 631.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 325. Л. 111 об; ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11. Л. 88.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1 Д. 325. Л. 505 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1173. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 473. Л. 2.

⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 91. Л. 47.

ехиднино". Но известен случай, когда мысль о трудовой ассоциации реализовалась.

После увеличения численности учеников в Камешницкой школе кроме Якимовой стала учительствовать ее помощница Клавдия Трапезникова. В доме своих родителей в Орлове сумела организовать портновскую мастерскую из двенадцати работниц. Подробности ее существования неизвестны, но на идею трудовой артели несомненно могла навести мастерская Веры Павловны из романа Чернышевского.

Усилия пропагандистов, действовавших в народе, несмотря на все их упования, не приносили ожидаемых результатов. Число распропагандированных в Вятской губернии не превышало общероссийской "нормы" — "один распропагандированный на 10-12 пропагандистов", которую вычислил С.М. Степняк-Кравчинский. в письме к В.И. Засулич ¹. Тем не менее привлекают внимание люди из народа, которые восприняли бунтарские призывы, а кое-кто и помогал народникам. Хотя таковых можно перечесть по пальцам.

Наиболее сведения сохранились Гавриле Германовиче полные 0 Прокопьеве, солдатском сыне, уроженце Орлова, который имел в Вятке сапожную мастерскую. Помещение для нее он снимал у мещанки Родыгиной на Владимирской улице за Копанским оврагом. В деревянном двухэтажном доме нашли пристанище несколько учеников земского училища. Платон Глазырин, Петр Подлевских, Павел Зверев, Феофан Панов быстро сошлись с Гаврилой. Общительный сапожник и внешне вызывал интерес – дюжий с "разбойничьей" бородищей, он вполне мог показаться идеальнейшим объектом для пропаганды. Ночами напролет в мастерской вперемежку с карточной игрой, а иногда и выпивкой шли оживленные споры, чтение и обсуждение книг. В доме на Владимирской всегда было многолюдно. Кроме квартирантов хозяйка пускала на постой крестьян, приезжавших в город. Подлевских и Глазырина часто навещали товарищи по училищу. Не исключено, что среди них бывали братья Халтурины. К Прокопьеву приходили заказчики. Со всеми заводил разговоры, в которых напрямую выражались бунтарские настроения. Беседы изрядно подогревались чтением пропагандистских книжек о Разине и Пугачеве, которыми Гаврилу в достатке снабжали молодые квартиранты Родыгиной. Да и Анна Якимова, устроившая Матвея Хорошавина в ученье к сапожнику, снабдила его соответствующими брошюрками. Прокопьев говорил об уничтожении налогов с крестьян, о том, какие громадные средства расходуются на содержание царской семьи. Затем следовал вывод: "Зачем нам начальство? Мы вот только деньги на них тратим... Сборы с нас большие". Передавал он слова якобы какого-то чиновника: "У нас

 $^{^1}$ Степняк-Кравчинский С.М. Письмо В.И. Засулич от 24 мая 1878 г. // Красный архив. 1926. Т. 6 (19). С. 106.

всего семьдесят человек царской фамилии, и каждому из них жалованья идет по восемьдесят тысяч, да разных князей, генералов, чиновников сколько". Договаривался Гаврила до предсказания бунта: "Года через два, а может быть и через десять в России будет бунт, явится какой-нибудь Стенька Разин и пойдет за нас... Когда будет бунт, станет легко, да и нам всем, бедным людям. К народу присоединятся студенты, и войско тоже взбунтуется, тогда государь не устоит и его скрутят". Рассуждал он о размахе предполагаемого народного восстания: "Солдат мы не боимся, у нас рассчитано, что как соберем народ, то на пятьсот или тысячу человек придется один солдат". В разговорах Прокопьев старался выяснять отношение собеседников к возможным событиям. "Ты уж смотри тогда, кум, - стращал он приятеля, - коли не пристанешь к нам, то я хоть кум тебе, а тебя же повешу". Приезжих крестьян, постояльцев Родыгиной он напрямую спрашивал: "А что мы поделаем, как волости с три взбунтуются?". Все это, конечно, объяснялось и тем, что не всегда Гаврила рассуждал на трезвую голову. Но все же не могут не привлечь его наивные предсказания грядущей жизни: "Вместо острогов построим училища, да дома призрения. Острогов будет не нужно, так всех арестантов выпустим и садить больше не будем" 1.

Бунтарские высказывания Прокопьева привлекли особое внимание при дознании. Выяснилось, что многое он рассказывал как будто со слов посещавшего мастерскую какого-то человека. Этот неизвестный так и не был обнаружен. Опрашиваемые почему-то называли его "чиновником", наверно, из-за "господской" одежды. Иногда он приносил в мастерскую корзины, прикрытые сверху. Если "чиновник" действительно существовал, не была ли в них спрятана "нелегальщина"? По всей видимости, у Прокопьева имелись связи не только с воспитанниками земского училища. Сапожная мастерская использовалась как одно из мест, где хранилась и откуда распространялась по уездам пропагандистская литература.

С Прокопьевым оказались связанными некоторые участники "хождения в народ". Летом 1874 года Клавдия Кувшинская, приехав на учительский съезд, ежедневно по два часа обучалась у него тачанию башмаков. Этим ремеслом старались овладеть многие из разночинной молодежи, причем не составляли исключения и девушки. Подолгу в доме на Владимирской жил бывший квартирант Родыгиной Арсений Леонтьев. Учительствуя в Трехключинской земской школе Слободского уезда, он был причастен к пропаганде среди крестьян. Навещала дом Родыгиной и Анна Якимова, возможно, она хранила здесь и часть своей "нелегальщины".

¹ Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. Избранные труды. М., 1985. С. 53; НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1625. Л. 27, 27 об, 28, 28 об; ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 372. Л. 11, 12.

Запретное чтение в сапожной мастерской захватило Матвея. Однажды на усадьбе загорелся сеновал. Говорили, что будто бы это произошло из-за неосторожности курящих учеников-квартирантов. Пожар грозил перекинуться Всех поразил поступок Хорошавина. Подросток, способный передвигаться лишь с помощью костылей, рискуя жизнью, схватил какие смог книжки, затолкал их за пазуху и кое-как выполз из мастерской во двор. По каланчи, пожарная быстро тревоге, поднятой c команда начинавшийся пожар. Когда Матвея спросили о причине столь отчаянного и, по мнению досужих обывателей, безрассудного поступка, он с достоинством ответил, что эти книги "дороже его самого" 1.

В доме на Владимирской появлялся и Красовский, принося ученикам земского училища заказы на переписку. Примечательна характеристика, данная ему Прокопьевым и Хорошавиным. Она чрезвычайно интересна. Это взгляд разночинно-демократическую людей народа на интеллигенцию. Пренебрегая осторожностью, сапожник рассказал мещанину Мокрецову, что якобы все "опасные" книги, которые распространяются в уездах и которые разыскивает полиция, сочиняет земец Колотов по заказу Красовского. Сам же он только и занят печатанием запрещенных книжек в своей типографии, а за работу платит Колотову по сотне рублей в месяц. Доступ же к этим книжкам предельно прост, достаточно познакомиться с Красовским и спросить книги, как "ему и отвалят с полдюжины. Таким манером книжки попали в села" 2. Войдя в доверие к Прокопьеву, Мокрецов выпросил у него печатный песенник "с девятью песнями возмутительного содержания"... и снес его в полицию. Далее события развертывались следующим образом: в один из майских вечеров 1875 года заранее предупрежденные Мокрецовым полицейские подобрались к дому, а один из них даже подкрался под окна комнаты, где собрались Прокопьев, Хорошавин, несколько крестьян из села Медяны и сам доносчик, который собственно и спровоцировал направление разговора. На провокационный вопрос Мокрецова, кто же пишет "крамольные" сочинения, ничего не подозревавший Хорошавин ответил: "Есть люди поумнее нас, а продаются книги у Красовского", а затем повторил слова Гаврилы о готовности Красовского наделить каждого крестьянина книгами. Конечно, хозяин сапожной мастерской и тем более его ученик не знали, да и не могли знать того, о чем столь опрометчиво рассуждали, хотя литература, попавшая под запрет, действительно продавалась в книжном магазине. И тем не менее "слухи" о Красовском в основе своей верно отражали его роль распространении "крамольного" чтения. Мнение о нем у людей типа Прокопьева и Хорошавина несомненно укреплялось "слухами" о событиях десятилетней и большей давности, связанных с "Казанским заговором". В

¹ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1625. Л. 32.

² Там же. Л .27 об.

данном случае нельзя утверждать о сплошном равнодушии простого люда к действиям пропагандистов. Напротив, видна острая заинтересованность делами, происходившими в губернском городе и уездах, внимание к интеллигентам-разночинцам, сделавшим попытку выйти с революционным призывом к народу.

Возможно, мастерская Прокопьева являлась местом (или одним из таких мест) для хранения нелегальной литературы, которая затем переправлялась в уезды губернии, отсюда же и некоторые книги попадали в руки приезжавших в город крестьян. Часть же книг, которые были первоначально допущены цензурой, несомненно приобретались у Красовского. Неслучайно, после обысков, о которых будет сказано ниже, губернатор заявил, что раскрыта "штаб-квартира" пропагандистов.

В ночь на 14 мая жандармы нагрянули с обыском в дом на Владимирской. Незваные гости учинили в мастерской и комнатах воспитанников земского училища настоящий погром. Под досками, прибитыми снизу к сиденью табурета, на котором сапожничал Прокопьев, обнаружились "Дедушка Егор", "Стенька Разин", "История одного французского крестьянина" (расшитая по листам, очевидно, для удобства нелегального чтения) и песенник "с девятью песнями возмутительного содержания". Улики оказались налицо. Прокопьева и Хорошавина арестовали. На другой день, 15 мая "синие мундиры" нагрянули в Камешницкое к Анне Якимовой. В "Журналах Орловского уездного земского собрания Вятской губернии" о Камешницкой школе сказано: "Училище помещалось в тесном и весьма неудобном во всех отношениях помещении. Учение началось 1 октября, окончилось 16 мая; учебных дней было 136. Личный состав учащих состоял из законоучителя, местного священника Зеленина и учительницы, кончившей курс в епархиальном женском училище А. Якимовой. Общее число учащихся 83, из них 71 мальчик и 12 девочек; среднее число учащихся 60; посещавших более 3/4 года 24 мальчика и 3 девочки, а более половины учебного года 24 мальчика и 6 девочек. Экзамена не проводилось по выбытию учительницы. Обучение одного учащегося в течение года обошлось земству в 5 р. 66 коп." ¹.

При обыске у Анны нашли два письма, которые она не успела отправить своим подопечным в Вятку, Матвею Хорошавину и Прасковье Головиной. Вот письмо Хорошавину: "Здорово живешь, Матвей! Давно, давно уж я не отписывала тебе, все как-то не удавалось. Что, каково ты поживаешь. Как идут твои дела? Читаешь ли что? Я живу по-старому, только еще занимаюсь оспопрививанием. Скоро приеду в Вятку, недели через две. Денег за учение, ей-богу, не могла послать, не было подходящего случая, а почта вообще из села не ходит. Посылаю тебе для передачи хозяину 10 рублей за два месяца, а

¹ Журналы Орловского уездного земского собрания Вятской губернии IX сессии 1875 года. Вятка, 1876. С. 303.

остальное привезу. И еще два рубля. Полтора на свидетельство, если без него нельзя обойтись. Ведь ты целый год же будешь жить у этого мастера, не в числе рабочих, а учеником его только. Остальные деньги на что тебе угодно. Можешь купить себе сундук, если надо" 1. В письме Прасковье Якимова тоже сообщала, что привезет деньги за уплату за жилье для девочки. Спрашивала о ее делах, интересовалась что нового в Вятке, спросила о Клавдии Кувшинский. На обоих письмах при аресте Анной сделана приписка, что они принадлежат ей, Якимовой и взяты при обыске 14 мая 1875 года. Клавдия Трапезникова, тоже обучавшая камешницких детей, при аресте Якимовой заявила, что была "совершенно солидарна" с ее взглядами 2.

Важным местом Вятке, который часто посещала разночинная дом Селенкиных. Здесь завязывались интеллигенция, был устанавливались связи. У Селенкиных произошла первая встреча Михаила Бородина с Василием Трощанским, а Аполлинарий Васнецов познакомился с Павленковым и тот привлек начинающего художника к иллюстрированию "Азбуки-копейки", а также и других изданий ³. Здесь бывали Павел и Степан Халтурины, Клавдия и Антонина Кувшинские, Иван Сырнев 4, останавливались приезжавшие из уездов учителя, врачи, статистики.

Мария Егоровна имела сведения о местонахождении пропагандистов в уездах (другое дело одобряла они их действия или нет), и когда начались аресты, сумела предупреждать многих посылкой условных телеграмм, что позволяло подготовиться к визитам непрошеных гостей.

В августе 1874 года начальник губернского жандармского управления подполковник Щетинин начал охоту за пропагандистами. В северных и центральных уездах действовал он сам и губернаторский прокурор при содействии адъютанта жандармского управления Потулова и товарища прокурора. В южных уездах эту работу выполнял помощник Щетинина Брылкин, тоже с товарищем прокурора. К розыскам привлекались вятский полицмейстер Михайлов и уездные исправники. Обыски и аресты производились почти каждый день. Можно было бы составить целую хронику борьбы жандармов и полиции с участниками "хождения в народ". Вот лишь выборочные данные августа, сентября и октября 1874 года.

Август: 11: Обыск у П.И. Колотова, В.О. Португалова, Ф.Ф. Павленкова. 12: Обыски у студентов, братьев Фармаковских. Отправка из Вятки в Казань К.А. Лукашевич-Осиповой. 13: Арест студента Г. Попова. 15: Арест А. Фармаковского. Обыск у студента В. Максимовича. 16: Обыск и арест в селе Сернур Уржумского уезда В.А. Спасского и акушерки Н.И. Дубенской. В Вятке

¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2605. Л. 1.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11. Л. 151.

³ Васнецов А.М. Как я сделался художником... С 130.

⁴ ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 28. Л. 104.

обыск на квартире учительницы Ант. Кувшинской. 17: Обыск у нее же в селе Лудяны Нолинского уезда. 19: Обыск, уже не первый, в доме Селенкиных. Арест М.Е. Селенкиной. 24: Арест сторожа Окружного суда, ссыльного поляка Бишевского "за дерзкие слова о царской фамилии". Вторичный обыск у Португалова. 25: Вторичный, шестичасовой обыск у Колотова по телеграмме жандармского генерал-лейтенанта Слезкина, руководившего борьбой с "нигилистами" во всероссийском масштабе. Обыск у Кл. Кувшинской. 26: Допрос в Царевосанчурске С.П. Пересветова. Еще один обыск у Селенкиных. Допрос Кл. Кувшинской о связях с К.А. Лукашевич и ее арест...

Не менее трудным оказался для жандармов и сентябрь... 4: Допрос Г. Попова о программе действий, отмеченной в его записной книжке. 6: Еще один обыск в доме Селенкиных. Обыск в Вятке бывшего семинариста П. Овчинникова. (Его задержали на улице, приняв за В. Осипова, которого особенно опасались, памятуя анонимную записку о том, что он настроен отчаянно и вооружен двумя пистолетами). 18-19: Новый тщательный обыск у Павленкова. 20: Арест и отправка из Сарапульского уезда в Вятку учителя П. Кудрявцева. В тот же день из Яранска доставлен в вятскую тюрьму С.П. Пересветов. В сентябре же производили обыски у П. Нелюбина и П. Голубева; у воспитанников земского училища; искали тайную библиотеку семинаристов; производили обыски на квартирах многих сельских учителей...

Октябрь был особенно удачен для жандармов. Вот лишь несколько дней их работы... 22: Допрос студента А. Вершинина о связях с арестованным 3. Сычуговым и о письме, рекомендующем А. Чарушину приехавшую из Самары К. Лукашевич. 25: Допрос И. Нелюбина и П. Голубева об участии в кружке М. Бородина. (Его самого арестовали еще в марте из-за раскрытия переписки с В.Ф. Трощанским). 27-28: Допросы воспитанников земского В. Бабинцева, А. Вадиковского, Л. Спасского, училища Х. Лузана, А. Леонтьева, Павла Халтурина и других. Расспросы вызванных из села Ухтым родителей сестер Чемодановых, поскольку они знали круг общения Ларисы и Предложение Петербургскому жандармскому управлению Любови. 29: Петропавловской крепости содержавшегося В П. Неволина. Предложение Казанскому жандармскому управлению допросить бывшего семинариста В. Левашова. Допрос в Вятке квартирной хозяйки Бородина о всех лицах, посещавших его. Допрос И. Нелюбина и П. Голубева о нелегальной библиотеке, созданной гимназистами...

Эти выборочные сведения о работе губернского жандармского управления свидетельствуют о довольно широкой пропаганде, которую развернули народники в Вятской губернии. Только с августа до конца 1874 года по всей губернии жандармы произвели 62 обыска, арестовали 25 человек (некоторых

потом освобождали) ¹. А ведь подполковник Щетинин и его сподручные усердно выкорчевывали "крамолу" и в следующем году. Всего по подсчетам, произведенным по материалам архивов и биобиблиографического словаря "Деятели революционного движения в России", обыскам, арестам, дознаниям в Вятской губернии было подвергнуто около 110 человек (в их числе 12 женщин): среди них 16 студентов, 14 гимназистов, 16 учеников земского училища, 6 семинаристов, 16 учителей земских народных школ, 5 медиков, 7 чиновников, 7 земских служащих, 4 мещанина, 3 крестьянина, 3 владельца книжных магазинов и библиотек, 3 пропагандиста из других губерний.

Среди отобранных документов и писем немало свидетельств об информированности вятчан о весьма важных событиях. У Валериана Спасского отобрали письмо, которое тот не успел послать в Царево-Санчурск С. Пересветову. "Рассказывают, — сообщал Спасский, — что русский эмигрант, живущий в Швейцарии, намеревался увезти за границу Чернышевского, но сам было попал в такое же положение, как и Н. Гаврилович, — его схватили в Сибири и оставаться бы ему там, если бы не удалось бежать..." ². Речь шла о попытке освобождения Чернышевского Германом Лопатиным.

Об состоянии и чувствах обыскиваемого вспоминал о. Н. Блинов: "Только тот, кто испытал впечатление от процесса обыска может чувствовать глубину унижения человеческой личности. Ты, смотревший до того на себя, как на определенную ценность, не доступную для осквернения посторонними оказываешься втоптанным в грязь. Грязными руками людьми, вдруг совершенно чужие люди залезают в твою душу, барабаются в ней, пытают тебя вопросами, требуя объяснения слов, поступков, о которых противно говорить человекам. Перебирают письма, вглядываются в разламывают их, распарывают одежду и проч. И все это по прихоти, без следствия, без суда. Что я представлял собою: скромный труженик, не занимающийся политикой, правда, я — шестидесятник" 3.

Бесцеремонные вторжения "синих мундиров" в дома людей, вовсе непричастных к народнической пропаганде были становились "бытовым явлением". С.И. Сычугов вспоминал: "Уж, кажется, я легальный и политически благонадежный гражданин, а все-таки в это время не избежал визита голубых гостей, которые с изысканной любознательностью не только осмотрели, но и ощупали, так сказать, весь мой дом и на память о своем визите увезли у меня несколько книг и моего двоюродного брата. Спасибо им еще, что не

 $^{^{1}}$ На 29 октября 1874 г. в перечне 28-ми губерний по делу о пропаганде — в Вятской губернии числилось арестованных 14 человек. Впереди были губернии Самарская — 35, Московская — 34, Пензенская — 28, Саратовская — 26, Казанская — 22, Нижегородская — 17, Орловская — 15. (ГАРФ. Ф. 109. 1874. Д. 144. Ч. 6. Л. 122).

² ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 236. Л. 83.

³ Блинов Н.Н. Дань своему времени... С. 46.

потревожили мою жену, родившую только за несколько часов до их прибытия" ¹.

Что же представляли собою те, кто занимался обысками? О них, как правило, мало известно. Но вот рассказ о. Блинова об одном из них, может не совсем типичном, о помощнике. начальника губернского жандармского управления Щетинина в Сарапуле Брылкине: "Это был любопытный чин тайной полиции. Он начал службу во флоте, имел персидский орден Льва и Солнца, а это говорит в его пользу. Он по своему почину не делал доносов. Смутное время на Руси как бы не коснулось Сарапула. Больше того, Брылкин был хорошо знаком с Николаем Васильевичем Чайковским. Раз. в приятельской беседе, он говорит Ник. Васильевичу: "А ты бы уезжал, у меня три дня лежит бумага арестовать тебя". Через день, встретив его на пристани, не в Сарапуле, проходя мимо спросил: "Совсем? Счастливо!" и Чайковский благополучно уехал заграницу. Так ли было, не знаю. Спросить самого Ник. Васильевича я стеснялся. Мне передавали рассуждения Брылкина: "Как я сделаю несчастными хотя бы и чужих детей: у меня есть свои детки, я их люблю, и зла им не желаю, за других детей Бог накажет меня". Он был человек религиозный" 2.

Мария Селенкина до собственного ареста успела предостеречь многих от надвигающейся опасности посылкой условных телеграмм. Выработался особый стиль писем. Инна Овчинникова узнала об аресте брата в Казани и об угрозе для нее самой из такого текста: "Твой брат Е. прихворнул. Ты ведь тоже склонна к подобной болезни. Пожалуй, заболеешь. Впрочем, я думаю, ведь можно какие-нибудь меры предпринять и против... Постарайся". Это уведомление прислал из Нижнего Новгорода А.П. Чарушников, будущий книгоиздатель. Впрочем, предупреждали и открытым текстом. Некто, подписавшийся "ваш доброжелатель", послал Овчинниковой записку об аресте ее брата: "Е.М. арестован. Ваша переписка найдена; поэтому советую все уничтожить". Аресты пропагандистов нередко происходили на глазах крестьян. Жители села Камешницкого, узнав, что приехали арестовывать учительницу, столпились перед школой. Женщины плакали навзрыд, а одна все приговаривала сквозь слезы: "И кто это под тебя колеса-то подкатил?" Люди говорили учительнице нескладные, но искренние слова благодарности. И пусть отношение крестьян к пропаганде было не таким, как хотелось бы Якимовой. Ведь гораздо большее впечатление произвели не эти "крамольные" книжки и неумелые речи юной пропагандистки, а она сама, своей добротой, участливостью, неподдельным чувством сопереживания к несчастью других.

¹ Двоюродный брат народного врача Зот Сычугов находился "в народе" с целью, как он пояснял, лишь изучения крестьянского быта.

² Блинов Н.Н. Дань своему времени... С. 70.

По-разному относились к участникам "хождения в народ" их родственники. Некоторые старались оградить молодежь от "нигилизма". Дядя Павла Кудрявцева, дьякон сельской церкви, внушал племяннику: "Бегай Искандерова заблуждения и других с ним проповедников, бегай как от смертного яда!" 1. Отец Анны Якимовой, узнав об аресте дочери, сухо сказал: "Пусть посидит так, как есть, авось образумится". Бывая в Вятке, о. Василий Якимов ни разу не присылал ей через тюремного священника свое дочь, но навестил благословение и просфору. Зато мать после утомительного хождения по начальству, добившись свидания с дочерью, наивно уговаривала ее сквозь слезы: "Иди на волю, а я здесь останусь". Запомнился арест В.О. Португалова его малолетнему сыну: "Помню этот серый августовский день, когда бледный отец в поношенной шапке утешал плачущую мать, а я, восьмилетний мальчик, выбежав во двор, гнался за извозчиком, на котором два дюжих жандарма увозили отца в неведомую даль" 2.

Арестованные томились в тюрьме, условия заключения в которой, по словам Павленкова, были "гораздо строже, чем в Петропавловской крепости". Издатель-демократ, знавший ее не понаслышке, имел в виду доходящую до мелочности, придирчивость местного тюремного начальства: "мелюзга играет в политику". Заключение переносилось тяжело. Павленков передавал на волю Александру Селенкину, мужу писательницы: "Пришлите пока несколько листков бумаги, карандаши и какую-нибудь книжонку небольшого формата. Послезавтра сообщу нечто интересное из разговора со Щетининым". В другой записке он настойчиво повторил просьбу о книгах: "Ради Бога, книг какихнибудь, хоть романов. Мне решительно ничего не дают. Приготовьте мне, пожалуйста, к следующему разу две тетрадки, графленой почтовой бумаги малого формата, шесть конвертов, два рейсфедера с выдвижным ножом, пером и карандашом, маленькую чернильницу с пружиной крышкой, часы (возьмите напрокат) и книг, книг... но малого формата, иначе их трудно будет пронести, также денег, рублей пять-шесть. Получите от А.А. сто рублей по приложенной записке." 3. Записка А.А. Красовскому содержала такой текст: "18 сентября. Прошу Вас выдать моему куму сто руб., которые мне следует получить с Вас послезавтра. Вексель занесу в свое время. Поручаю А.Н. распорядиться в получении на обороте этого листка" 4.

¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 255. Л. 238.

² Португалов О.В. Арест В.О. Португалова в Вятке // Годы минувшего. 1916. № 12.

³ НАРТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1617. Л. 8, 10.

⁴ Слово "кум" в письме не случайно. Павленков был крестным ребенка Александра Николаевича и Марии Егоровны Селенкиных. Но записки, посланные из тюрьмы, не дошли по назначению, так же как и записки от Валериана Спасского. И он и Павленков опрометчиво доверились арестанту, который прибирался в "дворянском" коридоре, обещая вознаграждение. Ему даже нарисовали план, как найти дом Селенкина. Но тот предпочел не рисковать и передал записки тюремному начальству.

Некоторым, причастным той или иной В степени делу противоправительственной пропаганде, пришлось просидеть в вятской тюрьме более двух лет, кое-кого, как Марию Селенкину, возили в Казань, где тоже шло расследование. В заключении заболел артист Андрей Бронин-Сидоренко, попавший в Вятку с театральной труппой. Причиной ареста стали найденные у него при обыске запрещенные издания. Врачебный инспектор тревожился за его здоровье: "Необходимо поставить на ноги политического арестанта Сидоренко". Но выходить артиста не смогли, слишком поздно переведенный из тюрьмы в земскую больницу, он умер. В тяжелой депрессии наложил на распропагандированный приятель Дмитрия крестьянин Федор Ковязин. По пути в Петербург ученик Якимовой из земской школы Матвей Хорошавин, отправленный в качестве свидетеля на "процесс 193-х", тяжело заболел и умер. Журнал "Вперед!" откликнулся на аресты в Вятской губернии: "Какая суматоха поднялась в Вятке, трудно себе даже представить. Обыски производились чуть ли не в каждом доме" 1.

Губернские власти предприняли ряд мер: исправникам экстренно вменялось в обязанность наблюдать и доносить о появлении в сельской посторонних местности на заводах людей, тшательно проверять проживающих в гостиницах и на постоялых дворах. Пристальному вниманию подлежали приезжавшие на вакации студенты. При сравнении с другими губерниями Вятская по подсчетам чиновника III отделения занимала такое же место, как и губернии Среднего Поволжья.

На "процессе 193-х" подсудимым предъявили обвинение в организации "преступного сообщества" с целью государственного переворота. Суд оказался не в силах доказать обвинение всем, поэтому приговор был в отношении многих смягчен, а девяносто человек оправдали. Среди них — вятчане Петр Неволин, Арсений Леонтьев, Евгений Овчинников, Гаврила Прокопьев. Оправдали Анну Якимову, которая входила в группу подсудимых, не относившимся к "преступному сообществу", но действовавших "самостоятельно". Предварительное заключение зачли Сергею Голоушеву, Соломону Аронзону, Владимиру Осипову. Засчитали его и Анне Кувшинской.

Николая Чарушина приговорили к девятилетней каторге. Он оказался в числе двадцати четырех осужденных, которые, рискуя еще более ухудшить собственную участь, обратились к оставшимся на воле товарищам с завещанием "идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха".

¹ Вперед! 1875. № 18. С. 555.

 $^{^2}$ Цит.: Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871-1874 гг.). Саратов, 1991. С. 277.

Во второй половине 70-х годов в Вятской губернии происходило то же, что и в других местностях: неурожаи, недоимки, голод. "Вести из деревни" были неутешительны. Именно в это время вятские авторы поместили в демократических журналах наибольшее количество публикаций о положении крестьян. Аресты, обыски, дознания, проведенные в период "охоты за нигилистами" нанесли урон народническому движению в крае. Гонениям подвергались не только собственно пропагандисты, но и фрондирующие элементы из либералов.

Дознания показали, что содействие пропагандистам оказывали некоторые служащие земства, создавая легальное прикрытие участникам "хождения в народ", предоставляя им места учителей, врачей, фельдшеров. Земец П.И. Колотов советовался с Евгением Овчинниковым в выборе кандидатур на земские должности¹, бывал на собраниях в квартире М. Бородина². Такое неслучайно. П.И. Колотов, В.Я. Заволжский, поведение земцев Е.И. Красноперов В разной степени причастны к разночиннобыли демократическому движению 60-х гг. Не принимая участия в народнической крайней мере, могли ПО не "семидесятникам". Поэтому верно суждение III отделения о том, что в Вятке земские деятели... в силу близости отношений явились и нравственной поддержкой пропагандистам" 3.

За пределы губернии выслали Вершинина, Колотова, Португалова. В.И. Малинин известил казанского адресата Н.Я. Агафонова: "Закрыт по распоряжение свыше книжный магазин Красовского и частная библиотека Вершинина в Вятке" ⁴. Позднее он сообщил: "Теперь магазин вновь откроется с переходом его путем продажи его к другому лицу". Написал Малинин о состоянии Красовского: "Теперь он вероятно не совсем еще оправился от удара, нанесенного ему закрытием книжного магазина" ⁵. (Вообще-то Красовский предчувствовал финал своего дела, правда, не из-за борьбы властей с "нигилистами. В мае 1875 года он извещал Агафонова: "В виду того, что Вятка, кажется, будет обделена Сибир. железным путем, я подумываю перебраться с своей типографией в Казань" ⁶.

¹ Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 175.

² ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 28. Л. 102 об.

 $^{^{3}}$ См.: Сидоров Н.И. Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения // Каторга и ссылка. 1928. № 1.

⁴ Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета. Ф. Н.Я. Агафонова. Ч. І. Письмо В.И. Малинина Н.Я. Агафонову 10 июля 1875 г. Л. 543. Позднее Малинин сообщил: "Теперь магазин вновь откроется с переходом его путем продажи его к другому лицу" (Л. 546).

⁵ Там же. Л. 546, 547 об.

 $^{^6}$ Там же. Ф. 213. Ч. III. Письмо А.А. Красовского Н.Я. Агафонову 18 мая 1875 г.

Ухудшилось отношение властей к разночинной интеллигенции, учащейся молодежи, политическим ссыльным. Газета "Народная воля" (1879, № 1.) рассказала о нравах вятских "блюстителей порядка": "Осаждаемая неприятелем вятская администрация хлопочет теперь осчастливить Вятскую губернию военным положением, а то, пожалуй, чего доброго, революция вспыхнет!" Далее автор корреспонденции, которая скорее всего попала в редакцию газеты Якимову, саркастически повествовал войне через Анну администрация против "нигилистов": "Здешнее начальство уверено, что в городе или близ города на дачах есть тайная типография, которую самым энергичным образом разыскивают. Еще весной сделали обыск у Красовского, и, отыскивая типографические принадлежности, разрыли даже кислую капусту в кадках. Летом два раза делали обыск на Раковке (дача почетных граждан Рязанцевых), обшаривая чуть ли не каждое дерево, обстукивая своды: не запрятан ли, мол, шрифт? Но, разумеется, ничего подобного не оказалось. На пароходной пристани у нас обыскивают приезжающих и отъезжающих, кто имеет несчастье своим видом не понравиться полиции" 1.

Для этих лет кружки характерны не столько для Вятки, сколько для уездных городов. Ими руководили ссыльные, численность которых после разгрома "хождения в народ" заметно возросла.

В Яранске в 1877-1878 годах влияние на местную интеллигенцию имела Мария Четвергова. После перевода в Вятку она установила связи с вышедшим из заключения М. Бородиным, общалась с фельдшерицами губернской земской Знавшая Софью Бардину, сестер Фигнер, Петра Алексеева Четвергова могла многое поведать вятским знакомцам. В Глазове в кружке училища Н. Вертячих, В. Махаева, городского участвовала высланная из Петербурга Ольга Кананова, снискавшая репутацию "энергичного подпольного деятеля". В конце 70-х годов в селе Великорецком ссыльная Мария Малиновская собирала учителей и фельдшеров. При обыске у нее нашли, письма от врача Федора Покрышкина, Софьи Лавровой и других "неблагонадежных лиц", запрещенную литературу. После этого Малиновскую выслали в Архангельскую губернию. Связь звеном между Вяткой и уездами продолжал осуществлять М. Бородин, как и прежде распространяя нелегальные издания, помогая ссыльным, пересылая их корреспонденции. Одна из статей Бородина "Мертвая петля", предназначенная для "Отечественных записок", послужила поводом к его административной высылке в 1879 году в Якутию.

Во 2-й половине 70-х годов в кружках самообразования гимназистов принимал участие Николай Желваков. По окончании предпоследнего класса он оставил учебу, намереваясь сдать гимназический курс экстерном. Как и многие сверстники, Желваков освоил переплетное дело, обзавелся токарным станком, учился столярному мастерству. Однажды он объявил дома, что едет верст за

 $^{^{1}}$ Литература партии "Народная воля". М., 1930. С. 16.

сто от Вятки готовить детей сельского священника к поступлению в гимназию. Но по слухам Николай вовсе не занимался репетиторством, а ходил на Волге в бурлаках. Позднее в Петербурге он рассказывал, что действительно два месяца бурлачил. В этом поступке несомненно сказалось притягательное влияние образа Рахметова. Экзамены за гимназический курс Желваков сдал экстерном и летом 1879 года уехал в Петербург.

В конце 70-х годов Петр Голубев, к тому времени студент Казанского университета, пытался войти в контакт с рабочими Омутнинского завода. На Воткинском заводе тогда же вел пропаганду бывший учитель Анатолий Вознесенский. В период "хождения в народ" он учительствовал в Нижегородской губернии и был уволен "за неблагонадежность". Поступив рабочим на Воткинский завод, Вознесенский распространял номера "Земли и воли", читал рабочим "Хитрую механику", говорил, что придет время, когда "чертей-министров не будет, сам народ выберет на губернию человек двадцать умных мужиков, они и будут управлять сами". В скором времени, по словам пропагандиста, должна установиться "в России республика, и тогда будет другое управление и другие законы" 1.

В Вятскую губернию проникали многие нелегальные издания: "Русские отцы и матери к русскому обществу" (о молодых участниках революционного движения, томившихся в тюремном заключении), "Демонстрация на площади Казанского собора", "Правительственная комедия" (о суде над Верой Засулич), сборники стихотворений, изданные в эмиграции. В мае 1879 года в саду женской гимназии обнаружили присыпанный землей стихотворный сборник "Из-за решетки" (Женева, 1879). Возможно, его читали гимназистки. В сборнике были напечатаны два стихотворения Сергея Синегуба с вятской привязкой: одно - "Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою...", написанное как бы от лица Ларисы Чемодановой, другое - "Друг мой Коля", посвященное Николаю Чарушину. Номера "Земли и воли" и "Народной воли" иногда высылались на адреса уездных земств. Секретарь Уржумской уездной земской управы Н.А. Соломин вынужден был объясняться из-за присылки ему прокламации Исполнительного комитета "Народной воли". Не исключено, что, к этому оказалась причастной Анна Якимова. Во всяком случае именно она придумала остроумную месть уржумскому исправнику, который досаждал ей придирками во время полицейского надзора в селе Буйско-Архангельском. В июне 1879 года он получил на свое имя из Петербурга пятый номер "Земли и воли". Отправителя, вернее отправительницу, исправник установил, определив тождественность почерка на конверте с распиской, которую в предыдущем году выдала поднадзорная Якимова.

В Петербурге тоже шли обыски среди студентов и курсисток. "Народная воля" (1880, 1 января) в "Хронике преследований" извещала, что "обысков

¹ НАРТ. Ф. 89. Оп.1. Д. 1462. Л. 34 об.

среди учащейся молодежи — хотя большей частью безрезультатных — произведено почти небывалое количество... Сначала были обысканы нижегородцы (с 1 по 8 декабря), потом (с 8 декабря) вятичи и т.д." Среди вятских уроженцев назывались несколько слушательниц Бестужевских женских курсов, в чих числе сестры Фармаковские, студенты университета Падарин, Аркадий Чарушин и Егор Скурихин, Башкиров (трое последних как знавшие Степана Халтурина)... ¹.

"Слухи" на рубеже 70-80-xгодов отразили определенную заинтересованность народа происходившими событиями. Можно привести немало примеров о распространении "слухов", принимавших порой самые фантастические формы. Весной 1880 года крестьянин А.Ф. Ронжин на базаре в Орлове утверждал, что в Москве или Петербурге снова будет произведен взрыв. Рассказ Ронжина - отголосок трагического события 5 февраля. (На родине террориста он воспринимался особо. В деревню Верхние Журавли приезжали жандармы из Вятки, производили тщательный обыск в доме Халтуриных, а Павла Николаевича увезли из села Истобенского, где он учительствовал, в "темной карете"). Ронжин рассказывал, что для участия в предстоящем восстании подготовлено уже 85 тысяч (!) бунтовщиков, часть их будто бы уже отправилась из соседнего Котельничского уезда к означенному месту сбора². Какой-то бродяга в вятской тюрьме наговаривал на себя, будто бы он находился в непосредственной связи со злодеем, устроившим взрыв в царском дворце, и даже содействовал покушению. Какова цель столь опасного и несусветного самооговора? Стремление попасть из простых арестантов в разряд политических в надежде на лучшие условия заключения? А может причина крылась в расстроенной психике?

В 1880 году в Уржумском уезде действовал кружок чернопередельческого направления, связанный со студентом Казанского университета Петром Акципетровым, жившим под надзором полиции в Нартасском заводе близ Уржума. Его участники Алексей и Яков Заболотские, ходили по деревням, один под видом приказчика, а другой как бродячий портной со швейной машинкой, убеждая крестьян не платить подати. Они говорили, что земля должна стать общей, что все люди равны, а потому не нужен и царь. Оба распространяли пропагандистские брошюры "О правде и кривде", "Сказку о четырех братьях", "Хитрую механику", "Царь-голод", "Кто чем живет". Все эти издания, гектографированные или литографированные, привозились из Казани, видимо, при содействии Акципетрова ³. В 1882 году в Вятке появились расклеенные на стенах домов рукописные прокламации. Скорее всего, это было

¹ Литература партии "Народная воля". М., 1930. С. 63.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 47. С. 35.

 $^{^3}$ См.: Сергиевский Н. "Черный передел" и народники 80-х годов // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 45.

делом рук кого-то из учащихся, увлеченных народовольческим террором. В прокламациях содержались угрозы губернатору, требование, чтобы он немедленно вышел в отставку ("в противном случае найдутся люди, которые постараются стереть вас с лица земли"). Одна из прокламаций заканчивалась решительным призывом: "Ребята, к оружию!" 1. Мальчишеской беспомощностью веяло от этих экстремистских листков, если только они не были неудачным розыгрышем. Во всяком случае авторов не разыскали.

Безразличие крестьян к революционным призывам, грань непонимания, отделявшая пропагандистов от крестьян — все это обрекало действия народников на неудачу. И все же значителен был этот первый, пусть и безуспешный, но небывалый в русской истории опыт попытки сближения демократической интеллигенции с народом. Неудача заставляла задумываться...

ЖИЗНЕННЫЕ ИТОГИ

Большинство молодых разночинцев Вятки, причастных к "хождению в народ", после предпринятой властями "охоты за нигилистами" навсегда преодолело искус общения с теми, кто "в уме пущали революцию". Став сторонниками либерального народничества, они старались в меру сил и возможности воплощать в жизнь "теорию малых дел", вызывая тем самым несправедливые нападки позднейших, уже не народнического апологетов идеи "хода на парах", непримиримо воевавших против "друзей Наиболее прозорливые из вятских "семидесятников" чувствовали обреченность мечтаний "нетерпеливцев", которые, по словам М.Е. Селенкиной, "или увлекаются, или просто с ума сходят, если надеются на этих годах создать лучшее правительство России". Она же еще в октябре 1873 года дальновидно писала переведенному в Курск Василию Трощанскому, удивительно предугадывая его подпольную будущность: "...Вы отправитесь из Петербурга... что-то Вы натворили в Петербурге. Я вижу Вас выбритым, выкрашенным, с чужим паспортом в кармане, стиснутого тройной кабалой и, несмотря на постоянное снование, по-прежнему неудовлетворенного" ². Судьба Трощанского сложилась трагично. Он стал одним из руководителей "Земли и воли", оказался причастен к покушению С.М. Степняка-Кравчинского на шефа жандармов Н.В. Мезенцева, приговорен к каторге, после отбытия которой находился на поселении в Якутии. Там Трощанский занялся изучением этнографии якутов. Жизнь его завершилась в заброшенном улусе. Работы

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 53. Л. 12.

² ГАРФ. Ф. 109. 1874. Д. 113. Л. 42 об.

Василия Филипповича, опубликованные посмертно, не потеряли значения и в наше время ¹.

Сын дворового крестьянина-вольноотпущенника Осип Мотков вошел в революционную организацию Николая Ишутина, тяготея к ее экстремистскому крылу под устрашающим названием "Ад", куда входил и Дмитрий Каракозов, покушавшийся в 1866 году на жизнь Александра II. Осужденный к каторге Мотков поменялся именем с каким-то уголовником, бежал с этапа, но был пойман и умер в иркутской тюремной больнице ². Повредился разумом подававший немалые надежды Семен Хохряков, который по возвращении в Вятку долго еще прозябал в сумеречном состоянии. Жутким оказался жизненный финал Клеопатры Лукашевич. Не зря еще в Вятке В.О. Португалов беспокоился о ее психическом состоянии. В 1887 году Лукашевич покончила с собою "посредством угара", не пощадив и жизни двух своих малолетних детей ³.

Трое из вятчан оказались вовлеченными в народовольческий террор. Степан Халтурин и Николай Желваков кончили жизнь на виселице. Что их подвигало, были ли они заведомо запрограммированы на роль "бесов"? Как заглянуть в душу Халтурина во время его пребывания в Зимнем дворце? Да возможно ли это? В жизнеописаниях рабочего-революционера всегда как-то вскользь упоминается о жертвах взрыва. Чем были виноваты солдаты дворцовой охраны и прислуга? Среди них пострадали трое вятчан: рядовые Емельян Кузнецов из починка Гришунята Яранского уезда, Михаил Лаптев из деревни Рыбная Ватага Малмыжского уезда, а также унтер-офицер Лаврентий Яговкин из деревни Новый Караул Глазовского уезда. Каждый год командир Финляндского лейб-гвардейского полка посылал им и их товарищам, жившим в других губерниях, пособия с "процентов капитала, пожертвованного на пользу пострадавших от взрыва" ⁴. А помощь раненым сразу после взрыва оказывал ровесник и земляк Халтурина, недавний выпускник Медико-Хирургической академии Владимир ставший Бехтерев, гениальным физиологом и психиатром. Могут ли объяснить душевное состояние Желвакова накануне его покушения в Одессе на генерала Стрельникова несколько страничек его записной книжки? Как понять этот "Дневник озлобленного человека"? А участие Анны Якимовой, готовящейся стать

¹ См.: Трощанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань, 1902; Землепользование и земледелие у якутов // Сибирские вопросы. 1908. № 31-32; Наброски о якутах Якутского округа. Казань, 1911.

² Об Осипе Моткове см.: Сергеев В.Д. Ревнители революционного нетерпения. Вятка (Киров), 2000. С. 16-19.

³ Подробнее см.: Сергеев В.Д. Земский врач В.О. Португалов и "странствующие пропагаторы" // Вятскому земству - 130 лет. Материалы науч. конференции. Киров, 1997. С. 127-130.

⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 112. Л. 4, 5, 6. Оп. 139. Д. 256. Л. 6, 7, 8.

матерью, в первомартовской трагедии, жертвой которой стал Александр II, двадцать лет назад отменивший крепостное право? Как соотнести "хозяйку" магазина сыров, из которого народовольцы рыли подкоп для закладки мины, с нею же, сельской учительницей, которая помогала бедным детям и ходила по деревням делать прививки против оспы? Как совместить это? Поможет ли здесь рассуждение философа С.Н. Булгакова, старавшегося понять, почему молодые люди, которые могли бы стать учителями, врачами, агрономами, шли в революцию, в террор, убивали и сами гибли на эшафотах: "Горько думать, как много отраженного влияния полицейского режима в психологии русского интеллигентского героизма, как велико было это влияние не на внешние только судьбы людей, но и на их души, на их мировоззрение" ¹.

Ведь могла бы Якимова стать, как мечтала в детстве, фельдшерицей, Халтурин мог бы прожить жизнь прекрасного мастера-краснодеревщика, а Желваков после окончания университета тоже нашел место, соответственное его недюжинным способностям. Недаром, по словам ветерананародовольца М.Ф. Фроленко, Халтурин походил на сельского учителя. И мог бы стать им, как его брат. Петербургские годы наложили на крестьянского парня своеобразный отпечаток. В показаниях народовольца Степана Ширяева отмечено, что Халтурин производил "впечатление интеллигентного рабочего Бельвильского квартала". Сравнение однозначно, ведь все знали этот последний оплот Парижской Коммуны. Рабочие называли Халтурина своим Лассалем. Эмоциональное преувеличение налицо, но, как бы то ни было, несомненным способностям "пропагандиста между рабочими" не суждено было проявиться в должной мере. Отсутствие возможности для легальной деятельности "Северного союза русских рабочих", трагическое противоборство правительства и "Народной воли" привело Халтурина в тупики террора.

Якимову арестовали в Камешницком всего лишь за то, что у нее нашли несколько пропагандистских брошюр. На "процессе 193-х" ей был вынесен оправдательный приговор. Но более двух с половиной лет она провела в заключении. Обратимся снова к С.Н. Булгакову: "Если юный интеллигент — скажем, студент или курсистка — еще имеет сомнение в том, что он созрел уже для исторической миссии спасителя отечества, то признание этой зрелости со стороны министерства внутренних дел обычно устраняет и эти сомнения..." ². (Нельзя не поразиться силе духа Анны Васильевны, которая после участия в цареубийстве, прошла через Петропавловскую крепость, сибирскую каторгу и ссылку, сохранив жизнь своему первенцу, родившемуся в тюремной больнице).

В 1920-х годах ветеран "Народной воли" А.П. Корба вспоминала, как через несколько дней после казни "первомартовцев" встретилась на конспиративной квартире с Николаем Желваковым". "Зачем вы трепали нервы?" – спросила

² Там же. С. 45.

 $^{^{1}}$ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 44-45.

Анна Павловна, узнав, что он был на Семеновском плацу. "Ничего другого в тот момент я не мог сделать, - ответил Желваков. - Мне казалось, что если на площади будут сочувствующие им люди, им будет легче умереть. Тогда же на площади я дал себе клятву умереть, как они..." 1. До казни Халтурина и Желвакова за убийство генерала Стрельникова в Одессе оставалось менее года.

После восемнадцати лет изгнания вернулись в Вятку Николай Аполлонович и Анна Дмитриевна Чарушины. Позади остались карийская каторга, поселение в Нерчинске, а затем в Троицкосавске. Чарушин участвовал в общественной и культурной жизни Забайкалья, работал над созданием этнографического и естественно-научного музея в Троицкосавске и Кяхте, путешествовал со знаменитым ученым Г.Н. Потаниным по Монголии, сделал там редкостные фотографические снимки из быта монголов, которые высоко оценили этнографы. Судьбой Чарушина интересовался находившийся в эмиграции П.Л. Лавров, его знали Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко, американский публицист Джордж Кеннан. В Вятке Николай Аполлонович начал издавать частную газету "Вятская жизнь", которую последовательно сменили "Вятский речь". На страницах "Вятской "Вятская речи" В.Г. Короленко, появилась знаменитая статья Льва Толстого "Не могу молчать!" Чарушинские газеты постоянно подвергались нападкам губернских властей, недаром в столичной печати "Вятскую речь" называли "самой мужественной и смелой" провинциальной газетой. По публикациям "Вятской речи" в III Государственную думу подавались депутатские запросы с протестом против расправ губернатора С.Д. Горчакова над крестьянами за неуплату недоимок. Направленность газет так или иначе способствовала расшатыванию существовавшего строя, объединяла в Вятке оппозиционные силы.

Двоюродный брат Н.А. Чарушина ученый-агроном Вячеслав Юферев, в начале 1900-х годов квартировавший в чарушинском доме в Вятке, вспоминал: "Жена Ник. Аполл. была умная женщина, она последовала за ним в Сибирь на каторгу и в ссылку. Как пострадавшая за политические убеждения, она имела несколько непримиримые взгляды на жизнь и на людей. С этой односторонней точки зрения она и расценивала окружающих, — раз придерживается то или другое лицо революционных взглядов, значит это хороший, заслуживающий внимания человек, обыкновенные же люди, беспартийные, уважением у ней не пользовались" ². Наверное, такая характеристика может быть отнесена и к самому Чарушину.

Чувствовал ли старый политкаторжанин и ссыльнопоселенец накануне и в годы "великих потрясений", что своей деятельностью он оказался сам причастен к их приближению? Известно его запоздалое признание в конце

 $^{^1}$ Прибылева-Корба А.П. Николай Алексеевич Желваков // Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 248-250.

² Юферев В.И. Воспоминания. Фотокопия рукописи. Архив Н.А. Колеватова.

октября 1917 года на экстренной сессии губернского земского собрания о причинах грандиозных общественных катаклизмов: "Я думаю, что в этом повинен не только старый режим, но повинны и мы все. Мы все время только тем и занимались, что углубляли революцию и углубили ее до большевизма".

(С приходом к власти большевиков согласно постановлению Совнаркома "О печати" наряду с другими изданиями "Вятская речь" была закрыта. "Закрытием "Крестьянской газеты", "Вятской речи" и "Вятской мысли" было вырвано ядовитое жало буржуазии" - констатировало одно из юбилейных изданий к десятой годовщине октябрьских событий ². 21 декабря 1917 года. вышел первый номер газеты "Вятская правда" - орган Вятского губернского бюро РСДРП. О трудностях распространения "Вятской правды" в начале ее существования вспоминал большевик П.Г. Фалалеев, участник установления советской власти в Вятке, член исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, уполномоченный по организации типографий Вятского городского совета: "Хуже было с ее распространением. Обывательщина и вятская интеллигенция называли "Вятскую правду" "Вятской кривдой". Очень плохо покупали "Вятскую правду". Все требовали "Вятскую речь" и "Вятскую мысль". Бывало, купив "Вятскую правду", тут же рвали ее в клочки" 3. "Мещанско-обывательский элемент" называл "Вятскую правду" еще и "Вятской ложью" ⁴. Приверженцы "Вятской речи" рисковали. "Секретарь Смирновского волостного совета Орловского уезда В.А. Оботин расстрелян как контрреволюционер только за то, что в 1917 году еще до Октябрьского переворота выписывал популярную в губернии газету "Вятская речь" и хранил ее дома" 5. (Деду автора этих строк, учителю из Орлова, повезло, хотя он тоже выписывал чарушинскую газету. Сохранилась фотография Александра Васильевича Сергеева, читающего "Вятскую речь". Это ли не "вещдок", как говаривали в соответствующие времена?)

Ветераны-народники влияли на становление воззрений молодых людей Вятки, хотя умы многих из них уже привлекал марксизм. Примечательна короткая жизнь вятчанина Георгия Аркадьевича Куклина, ставшего в Лондоне, а потом в Женеве неофитом марксизма и издателем революционной литературы. Никакого своекорыстия Куклин не преследовал, вел аскетический

 $^{^1}$ ГАКО. Ф.1322. (Вятский губернский военно-революционный трибунал) Оп. 1. Д. 49. Л. 39.

² Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 99.

 $^{^{3}}$ См.: Ты помнишь, товарищ... "Кировской правде" – 80. Сборник очерков, статей, заметок. Киров, 1997. С. 11-12.

⁴ См.: Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 100.

 $^{^{5}}$ Гаврилов Г.А. Из истории вятских спецслужб (2-я половина XIX — 1-я половина XX в.в. Киров, 1997. С. 56.

образ жизни, был крайне щепетилен к тратам на себя, мечтал "сделаться пролетарием". Он умер двадцатисемилетним от туберкулеза 1 .

Подвижническую работу в различных направлениях вели в Вятке и вне ее П.И. Неволин, П.А. Голубев, сестры Чемодановы... Много сил вложил Н.А. Чарушин в работу "Вятского книгоиздательского товарищества", выпускавшего огромное по тем временам количество книг. В советские годы он занимался местной библиографией, трудился в краеведческом отделе Герценовской библиотеки, писал воспоминания "О далеком прошлом" ². Заслуженную оценку находила многогранная деятельность П.А. Голубева, которому пришлось трудиться в разных губерниях. "Статистические работы его поражают точность, массой разработанного материала и интересом тем по общественным вопросам" - оценивал деятельность Голубева священник-просветитель о. Н.Н. Блинов.

Многосторонне раскрылся талант И.М. Красноперова. Судьба бросала его по всей стране. Он служил в земских управах Самарской, Смоленской, Тверской губерний. Статистические труды Красноперова получили всеобщее признание. Глубочайший знаток крестьянской жизни Г.И. Успенский уважительно отзывался о них: "Каждая цифра у Красноперова - живая, и лучшего, тщательного исследования полнейшего истощения всех средств жизни крестьян... я нигде не читывал. Статьи Красноперова дают ясное объяснение причин разорения и всего голодающего населения". Проявил себя Красноперов и как историк, его исследование "Флоренция в XIV веке" посвящалась борьбе итальянских коммун с аристократией за независимость. Литературное наследие Красноперова издано не полностью, в рукописи осталась вторая часть "Записок разночинца", где рассказано о его жизни в Самаре. Ведь именно там молодой помощник присяжного поверенного Ульянов полемизировал с Иваном Марковичем, непримиримую борьбу против "друзей народа". Однажды, согласно одному из апологетических мемуаров, "Владимир Ильич здорово пощипал старого народника Красноперова" 3. Автор воспоминания просто упивается победой будущего вождя мирового пролетариата над народником-статистиком. Но нам ценны признания заслуг Красноперова Глебом Успенским.

Крупнейшими учеными стали К.Э. Циолковский и В.М. Бехтерев. Исследователи наследия Циолковского видят в его социальных утопиях наряду с "Философией общего дела" Н.Ф. Федорова влияние представлений о крестьянской общине, присущее народничеству ⁴. Став авторитетами в

¹ См.: Друговская А. Г.А. Куклин – историк русского революционного движения // Вестник Московского университета. История. М., 1982. № 2.

² См.: Чудова Г.Ф. Н.А. Чарушин – библиограф // Советская библиография. 1984. № 4. С. 41-45

³ Иванский А. Молодой Ленин. М., 1964. С. 520.

⁴ Роднянская И. Циолковский // Философская энциклопедия. Т. 5. С. 467.

научном мире, Циолковский и особенно Бехтерев чутко реагировали на события в стране и до революции и после нее. Известно, чего стоил Владимиру Михайловичу диагноз, поставленный им в декабре 1927 года "отцу народов".

Участие в общественной жизни отразилось на литературном творчестве М.Е. Селенкиной. Ее рассказы и роман "Лобановщина" вызывали интерес у читателей. Произведения Марии Егоровны обращали на себя внимание Г.Е. Благосветлова, Н.А. Некрасова, В.Г. Короленко, который отмечал у писательницы отсутствие "слащавого народничества и народнического мистицизма".

Воздействие демократических идей ощущалось в раннем творчестве Васнецовых. Оба собрания Селенкиной. посещали доме А.М. Васнецов одно время даже хранил "небольшую библиотеку": "Легальные книги лежали под диваном, а "нелегальщину" я прятал за отставшие обои". Среди спрятанного были номера журнала "Вперед!", "Хитрая механика"... Пережил Аполлинарий Михайлович народническое увлечение работой в деревне: "По сдаче экзамена на народного учителя я занялся отысканием места службы и выбрал для этого село Быстрицу Орловского уезда в 30 верстах от Вятки; я не терял связи с братом и друзьями... По соседству в селе Истобенском учительствовал Селивановский и Павел Халтурин - мой предшественник по быстрицкой школе, и я навещал их. В соседнем селе учительствовала А.В. Якимова (Кобозева), но она была арестована перед моим поступлением в Быстрицу". От всей души сочувствуя крестьянам, братья Васнецовы тем не менее вовсе не уповали на народническую пропаганду. "Я жил в селе среди мужиков и баб, - вспоминал В.М. Васнецов, - и любил их не "народнически", а попросту, как своих друзей и приятелей, - слушал их песни и сказки, заслушивался, сидя на посиделках при свете и треске лучины". Знание народной жизни помогало уже первым работам братьев. В 1866-1867 годах Виктор Васнецов создал серию из шестидесяти рисунков на темы русских пословиц и поговорок, в которых, несмотря на явную иллюстративность, ощущалась социальная направленность. "По одежке протягивай ножки" мужичок, едущий в телеге, уступает дорогу барину в бричке. "Ешь репу вместо ржи, а чужого не держи" - бедняк возвращает долг, ссыпая рожь в мешок зажиточного соседа. В жанровых рисунках В. Васнецова чувствуется влияние вятской действительности. Но постепенно художник стал подходить к более сложным сюжетам. В картине "Трактир" (1874) показаны оригинальные типы русского общества. Тепло и сочувственно изображена артель плотников, один из которых читает, водя по газете пальцем. (Начинающий читать крестьянин – примечательная черта пореформенной России). В стороне от них одинокий, побитый суровой жизнью интеллигент. Как знать, может он один из тех, кто

¹ Цит.: Моргунов Н., Моргунова-Рудницкая Н. Виктор Михайлович Васнецов. Жизнь и творчество. М., 1962. С. 10.

пошел было к народу с намерением отдать ему все, но... произошло трагическое взаимонепонимание. При всей любви к народу Виктор Михайлович решительно отказывался от его идеализации. В эскизе "Хороша наша деревня, только славушка худа" (1874) пьяные мужички горланят на деревенской улице. С душевной болью написана и картина "Кабак" (1887). Остро воспринимая реалии русской деревни, художник после колебаний и поисков избрал новый творческий путь, показывая внутреннюю силу и возможности народа. "Витязь на распутье" (окончательный вариант — 1882), выбирает дорогу, на которой должен преодолеть все опасности и трудности.

складывалась и творческая судьба Аполлинария Васнецова. Ф.Ф. Павленкова В вятские годы участвовал замысле ОН иллюстрированные "Наглядные несообразности", якобы развивающие ребенке любознательность: например, на рисунке деревенская улица с избушкой, крытой соломою, зато освещенная газовыми фонарями. Павленков настаивал на "очевидности" без затруднения. "Однажды, - вспоминал Аполлинарий Михайлович, – он дал тему тяжести, выдерживаемую несоразмерно тонкой перекладиной. Я изобразил очиненное для письма гусиное перо с пудовой гирей посередине и поддерживаемое двумя книгами, поставленными вверх корешками. Павленков пришел в восторг, разгадав мою идею: "свободу слова и печати не перегнет и пудовая гиря". Увлечение народническими иллюзиями А.М. Васнецов тоже пережил. Примечателен его рисунок "Идеальная деревня будущего" (1876), на котором изображено богатое село, утопающее в зелени, с общественными постройками, добротными избами. Но, сознавая отдаленность мечты, художник поместил на рисунке некрасовские строки: "Жаль, только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе".

К рядовым учителям, врачам, агрономам, трудившимся на благо народа в Вятском крае, подходит определение М.Е. Салтыкова-Щедрина - "скромные деятели". Именно так и назвал главу одной из своих книг Е.Д. Петряев, рассказавший об "убежденных просветителях", которые "навсегда останутся, несмотря на все их слабости и заблуждения, славной страницей истории культурного развития родного края". И не только родного края... Судьба разбрасывала "скромных деятелей" по всей стране, от Балтийского моря до Берингова. Многие вятчане трудились далеко за пределами Вятского края, покинув его подчас вынужденно, но страстно тоскуя по своей "малой родине", при первой возможности возвращаясь к "отеческим гробам".

Многие выпускники земского училища стали знатоками сельского хозяйства. Еще в годы учения их привлекал пример публициста-народника, ученого-агрохимика Александра Николаевича Энгельгардта, который призывал в знаменитых письмах "Из деревни": "Идите на землю, к мужику! Мужику нужен интеллигент, нужен земледелец-врач на месте земледельца-знахаря, земледелец-учитель, земледелец акушер. Мужику нужен интеллигент-

обрабатывающий России землю. нужны земледелец деревни интеллигентов". Энгельгардт не одобрял стремления тех, что "бегут в Америку и заставляются простыми работниками у американских плантаторов". Выбрать такой путь, поддавшись наущениям одного афериста-ссыльного, польстились и несколько воспитанников земского училища, правда, предприятие потерпело крах. (По случайности с этой компанией чуть не оказался в Америке будущий террорист Степан Халтурин). Но некоторые выпускники земского училища, такие как братья Павел и Филипп Кудрявцевы, пытались осуществить заветную мечту осесть на земле, обрабатывать ее собственным трудом. Кое-кто из вятчан, увлеченных сельской кооперацией, приезжал в Смоленскую губернию на выучку к Энгельгардту в его имение Батищево. Призывы замечательного подвижника привлекали молодых разночинцев, сострадавших крестьянам, стремившимся помочь забитой голодающей деревне. С 1877 по 1884 год в имении их работало около 80-ти человек. Создавались интеллигентные артели и колонии около Батищева, на Северном Кавказе и в других местах. К сожалению, к 1884 году распался последний из трех "интеллигентных поселков" близ имения Энгельгардта. Сам же владелец Батищева, уверовав в несостоятельность народнических мечтаний об "интеллигентном мужике", охладел к этой идее ¹. Но последователи его не сдавались.

Александр Баранов, впоследствии талантливый литератор и публицист, учился в том же училище, где обучались братья Халтурины и племянник врачапросветителя Зот Сычугов. В 1880 году земское училище преобразовали в реальное. Уже в советские годы Александр Николаевич, вспоминал свои молодые годы. Закончить учебу ему не удалось из за общения с "нигилистами". В конце 1882 года директор предложил Александру подать прошение о выходе из училища. Вечером того же дня у него был произведен обыск. Более того Баранову не разрешили держать экзамены экстерном, поскольку он не мог получить свидетельства о благонадежности как состоящий под надзором полиции. Бывший реалист стал учиться тачать башмаки, вращался в среде мастерового люда, пропагандируя среди них идеи объединения рабочих, артельный труд, самозащиту от эксплуататоров-работодателей. Пытался он и устроиться "на земле". "После двух лет работы в одной знакомой деревне, где я исполнял все сельские работы, я снял землю в подгородном селе на две души и сам обрабатывал ее на крестьянской лошади, которой я обзавелся для работы. Но полицейское внимание преследовало меня и там, тем более, что мое сближение с крестьянами шло быстрыми шагами, и заставило меня с болью в сердце оставить этот наиболее любимый мною труд" 2. В 1883 году Баранов уехал в Казань, печатался в "Волжском вестнике" у Н.П. Загоскина. Но тяга к

¹ См.: (Балашев Л.Л.) Александр Николаевич Энгельгардт. В кн.: Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1960. С. 7-8.

² ГАКО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 2. Л. 127 об. Краткая автобиография А.Н. Баранова. 1927 г.

деревне не оставляла Баранова, он стал трудиться в Тверской губернии у известного автора трудов по улучшению молочного хозяйства, основателя первых артельных сыроварен Николая Васильевича Верещагина, брата художника-баталиста.

3. Сычугов со своим товарищем по земскому училищу С. Вадиковским пытался было основать трудовую коммуну в Уфимской губернии. Неудача не сломила Сычугова, он организовал коммуну "Криница" на Черноморском побережье Кавказа. "Вятская газета" перепечатала сведения из газеты "Русские ведомости": "А.Н. Энгельгардт порадовался бы на хорошее дело и на то, что в этом деле все-таки сказалось влияние умного и талантливого профессора: один из его друзей и учеников Зот Семенович Сычугов ("Зотик", как звали его в Батищеве, где он работал у Энгельгардта), – один из основателей "Криницы" в настоящее время ставший во главе ее хозяйства" 1. Колония на реке Пшаде в 41 версте от Геленджика обрабатывала 350 десятин, имела крупорушку, мельницу, маслобойку. Колонисты жили в отдельных домиках или квартирах, они собрали хорошую библиотеку. На момент публикации в "Русских ведомостях" коммуна существовала уже 16 лет. (Однако суровая действительность, жестоко разбивала утопические иллюзии народников с их идеями трудовых коммун и в дореволюционные и, конечно, в советские годы. Но есть сведения о том, что в Палестине начинания Зота Сычугова по созданию "Криницы" знали. Может быть, мечтания выпускника Вятского земского училища прорастали в израильских кибуцах).

Немало выходцев из разночинной среды пошли по врачебной стезе: С.И. Сычугов, М.Ф. Нагорская, Е.М. и И.М. Овчинниковы, Н.И. Кочурова, Ю.И. Фармаковская-Заволжская, и многие-многие другие.

"До конца своих дней Сычугов оставался убежденным шестидесятником, – писал о Савватии Ивановиче Е.Д. Петряев, – считая просвещение народа, расцвет культуры главным условием возрождения России. Давая медицинский совет, лекарства и книгу, он в глухой вятской деревне пробуждал к умственной работе сотни людей. Он открывал им мир знания, указывал на путь, достойный свободного человека" ².

В отчете "Год вольной деревенской практики", помещенной в журнале "Земский врач" (1890), Сычугов подсчитал, что за год принял 10 тысяч пациентов. Прием Сычуговым велся с 5-6-ти часов утра до вечера. Три тысячи больных он лечил бесплатно. С большинства крестьян брал от 5 до 10 копеек, смотря по дороговизне лекарства. У кого не было денег, брал натурой – яйцами, маслом, мукой или чем придется, но брал столько, сколько следовало бы получить деньгами. (Ведь никакого жалованья вольный врач не получал). Из 620 рублей, полученных за лечение, он 290 руб. потратил на закупку

¹ Вятская газета. 1902. № 48. 29 ноября.

² Петряев Евг. Литературные находки. Киров, 1966. С. 161.

лекарств, 35 руб. ушло на устройство больничного покоя, 7 руб. на его отопление, себе оставил на прожитье 288 руб. Понимая положение врача, многие крестьяне давали ему гораздо более того за лечение, но Савватий Иванович отказывался. (Лишь двое попросили "уступочки") ¹.

Соответственно своей натуре Сычугов распоряжался гонорарами за свои публикации. "Получил я также радостное письмо и от редакции "Сев. вестника". Она извещает меня, что причитающийся мне гонорар — 67 руб. 20 коп., согласно моему желанию, разделен на две части, из которых одна послана в пользу студентов Московского университета, а другая — Медицинской академии. Значит, благодаря моему скромному труду, несколько голодных студиозусов будут сыты хоть неделю".

письме сокурснику ПО медицинскому факультету университета В.Ф. Томасу Савватий Иванович сообщал из села Верховино Орловского уезда (17 ноября 1893 г.): "В конце лета я обрел манускрипт, копию которого тебе посылаю. Когда был подкинут он и кем – решительно не догадываюсь... В подлиннике была всего одна точка и ни одной запятой. В безграмотное послание оставило впечатление..." Вот выдержки из письма, при котором были 9 рублей 50 коп.: "Савватею Ивановичу. Рази мы не видим как ты убиваешься об нас при мне ты сам хворал смотрел хворова и ляпнулся на пол хоша бы деньги брал што дают теби рупь а ты здачи". Автор письма рассказал, как он возил свою жену "по разным местам", истратил без всякой пользы пять рублей, а Сычугов "справил" ее за 12 копеек. "При биде мужик последню животину отдазд дак рази можно брать..." Деньги, приложенные к письму, как видно из его содержания, собрали четверо крестьян. "Много бы набрали по своим деревням да ни равно узнаешь а топере ишши..." В самом конце послания выражалось чтобы Савватий Иванович "хоша на параходе" отдохнул "нидельку". Впечатляет последняя фраза: "Коли не возмеш тольки в польцу (в полицию. – В.С.) не давай она все сожрет отдай лушши бедному" 2.

Вятский гимназист Михаил Чемоданов, племянник священникапросветителя о. Н. Блинова, стал известным стоматологом, а также, мастером политической карикатуры. Еще в 1881 году журнал "Свет и тени" поместил его рисунок, в котором содержался намек на казнь первомартовцев. Открытки с острыми сатирическими рисунками Чемоданова обрели широкую известность в годы первой русской революции. "Для Чемоданова, - вспоминал знавший его историк, академик Н.М. Дружинин, — эта карикатура-протест была таким же негодующим "криком сердца", каким для Л.Н. Толстого было его "Не могу молчать!", а для В.Г. Короленко - его "Бытовое явление". За свои карикатуры доктор Чемоданов подвергся аресту и в 1908 году умер в тюрьме.

 $^{^1}$ И. Б-ов. Деревенский врач Савватий Иванович Сычугов // Вятская газета. 1902. № 10.

² Извлечения из письма в кн.: Сычугов С.И. Записки бурсака. М.-Л., 1933.

Многое сделали разночинцы-вятчане для образования. Учителя-демократы В.И. Фармаковский и В.М. Стржалковский после нескольких лет педагогической работы в Вятской губернии стали плодотворно сотрудничать под руководством И.Н. Ульянова в Симбирской губернии. Фармаковский в Вятке, а позднее и в Симбирске издавал широко известные брошюры педагогического и юридического содержания. По всей России расходились учебники, составленные о. Николаем Блиновым.

Подвижники народного образования, здравоохранения, преодолевали материальные трудности, борясь чиновным равнодушием cдаже притеснением, подвергаясь опасности vволенными быть из-за "неблагонадежности", с честью выполняли свою миссию.

Велика была заслуга деятелей вятского земства, достойных преемников земцев "первого призыва". Открытие земских школ, "батуевских" библиотек (по имени замечательного земского деятеля Авксентия Петровича Батуева), приобщало вятских крестьян к знаниям. К просветительским делам Батуев охотно привлекал участников общественного движения предшествующего периода. Среди них оказался и возвратившийся из якутской ссылки М.П. Бородин. Почти двадцать лет он ведал кустарным музеем земства, участвовал в создании известного всей России "Вятского книгоиздательского товарищества". Михаил Павлович умер от разрыва сердца, идя на службу в свой музей.

Плоды самоотверженной работы сказывались. Заслугой вятских земцев стала высокая степень грамотности крестьянского населения. А.М. Горький в очерке "Беседы о ремесле" вспоминал казанских студентов и гимназистов, с которыми общался при прохождении своих "университетов", и участника их собраний Кабанова: "...Мы знакомились с деревней по книжкам, а Кабанов знал деревню не только Казанской, но и Симбирской и Вятской губерний. - Вятская беднее, а грамотных в ней больше, - мимоходом сообщал он. Мы справились верно ли это? Нам подтвердили: верно".

Подводя итоги многотрудной жизни, о. Н. Блинов, близкий некоторым "нигилистам", но, естественно, не избравший их пути, вспоминал: "Что я представлял собою: скромный труженик, не занимающийся политикой, правда, я — шестидесятник. Неглубоки наши взгляды на жизнь общественную. Два слова дороги были для нас. Все кредо заключалось в них: эмансипация и конституция. Первое сказалась, а второе мы ждали сорок лет, чтобы оно было сказано. Шли десятилетия, нарождались новые люди с новыми требованиями. Мы наблюдали, но не сдавались. Лавровизм, бакунизм, "Земля и Воля", Фейербах, Чернышевский, революционное народничество, марксизм. Для молодой интеллигенции мы были устаревшие либералы, стоящие за постепенность, легальность прогресса. На нас смотрели лишь снисходительно, и при политических несчастьях жалели нас, но помогали чем могли. Конечно, ничего геройского не было в том, что мы донесли до могилы свои идеалы

шестидесятых годов, не окрасив их позднейшею партийностью" 1.

Выпускник Вятской гимназии, крестьянский сын Иван Нелюбин, участник "хождения в народ", сражался добровольцем в рядах сербских патриотов. Сын вятского почтмейстера из дворян Николай Далматов тоже отправился на Балканы, когда там началось восстание в Герцеговине, дважды был ранен в боях и геройски погиб ². Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов многие вятчане — солдаты, офицеры, студенты Медико-Хирургической академии, среди которых был и Владимир Бехтерев, сестры милосердия участвовали в освобождении болгар от османского ига. Об этих замечательных людях с теплом и благодарностью сообщали "Вятские губернские ведомости".

Но в губернии знали и других "героев". "Слободские патриоты" иронически озаглавлена заметка в "Вятской незабудке" (1878). В то время, когда было "на Шипке все спокойно", в Слободском устроили гулянье "в пользу больных и раненых воинов". Местный "бомонд" разошелся на славу: "скандал следует за скандалом, и полиции пропасть хлопот с разгулявшимися обывателями. Из сада их то и дело выпроваживают "честью"... Некто рискует танцевать, падает, роняя и свою даму, другой у буфета усердно опрокидывает рюмку за рюмкой "очищенную" в пользу раненых... Но при всем этом "публика" даже и теперь не утратившая сознания возвышенной цели, с какой устроено гуляние, требует "Боже, царя храни". Без всякого сомнения эти "господа ташкентцы" местного разлива мнили себя героями. Но "медленной Лете" незачем поглощать их имена, поскольку они не имели их и при жизни. Зато в далеком Нерчинске вскоре после окончания Великой Отечественной войны Евгений Дмитриевич Петряев услышал от старика с вятским выговором уважительный рассказ о народном враче Сычугове: "Старик почтительно Савватием Ивановичем, называл наставником праведником". Обосновавшийся в Забайкалье вятский уроженец оказался столяром. "Как пошло смолоду, так и идет, с того, как Савватий Иванович рубанком меня наградил. Здесь, почитай, во всех домах, которые при мне до войны строились, наличники я по сычуговскому узору делал". В то самое время, когда "слободские патриоты" сражались с "очищенной", Сычугов боролся с очагами тифа и других болезней на севере Орловского уезда (теперь эти места на территории Юрьянского района). Однажды у бедной вдовы пала корова. Народный врач не мог остаться безучастным. Когда он давал деньги на покупку новой буренки, крестьянка не произнесла ни слова. И только через два года стало известно, что каждый день, когда на стол подавалось молоко,

¹ Блинов Н.Н. Дань своему времени... С. 47.

 $^{^2}$ О Н. Далматове см.: примечание в кн.: Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. II. М., 1965. С. 668-669. А также: Далматовы. Отец и сын // Вятские губернские ведомости. 1877. 6 июля. № 54.

крестьянка и ее дети вставали и молились о здравии раба Божия Савватия. "Вот и пойми тут крестьянскую душу!" - говаривал Сычугов.

В 1930-х годах тоже самое сделал и Н.А. Чарушин. Рассказ об этом лет тридцать назад еще можно было услышать от старожилов села Макарье (теперь это территория областного центра). Деньги на покупку коровы для бедной женщины и ее детей он мог выделить из своей пенсии члена Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, если только это случилось до 1935 года, когда "кремлевский горец" разогнал общество. Вряд ли гонители Николая Аполлоновича в 20-30-е годы, а также злопыхатели и преследователи его памяти в более поздние времена, даже и совсем недавние, поступили бы подобно Сычугову и Чарушину ¹.

Мечта о счастливом будущем человечества испокон века волновала лучшие умы и сердца. Ф.М. Достоевский размышлял: "Золотой век - мечта самая невероятная, но за которую люди отдавали всю жизнь и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, но без которой народы не хотят жить и не могут даже умереть". Но абстрактные принципы идеологии социализма абсолютно несовместимы с конкретной их реализацией.

Поэтому тревогой за будущее были исполнены высказывания Н.А. Чарушина, которые оказывались созвучны "Несвоевременным мыслям" М. Горького, "Окаянным дням" И.А. Бунина и письмам В.Г. Короленко. В 1917 году он активно участвовал в политической жизни губернии, освещал драматические события на страницах "Вятской речи", стал одним из руководителей "Верховного Совета" по управлению губернии, за что был подвергнут преследованиям и арестам.

Перед революционным трибуналом в январе 1918 года Николай Аполлонович заявил: "За собой вину не чувствую... Отношение к власти народных комиссаров (советских) отрицательное, она как моровое поветрие, это вопрос совести" В этом же номере "Вятской правды", где напечатаны материалы суда над Чарушиным и другими бывшими руководителями "Верховного Совета", было помещено напыщенное стихотворение под говорящим псевдонимом "Вл. Заводский". Приведем лишь четверостишие из ультрареволюционного опуса:

"Народ везет свободы колесницу. Со злобой кружатся вороны, галки, И клювами суют в колеса палки, -Напрасно, не сломать колес стальную спицу"

¹ Об Н.А. Чарушине см.: Сергеев В.Д. Николай Аполлонович Чарушин: народник, общественный деятель, издатель, краевед. Вятка (Киров), 2001.

² Народный суд (революционный трибунал). Дело Вятского Верховного Совета // Вятская правда. 1918. 25 января. № 14. С. 4.

Несомненно, что в стае препятствующих ходу колес (красных?) предполагался и старик Чарушин. И позднее он подвергался всевозможным нападкам, от издевательских публикаций и злобных карикатур в местной периодической печати до оскорбительных аннотаций в экспозиции губернского, а затем областного краеведческого музея. Преследования продолжались до конца жизни Чарушина. Возможно, они определили позднее и судьбу его сына Владимира Николаевича, ставшего жертвой репрессий.

И все же Николай Аполлонович находил силы в краеведческой библиографии и работе над воспоминаниями. Но и тут возникали осложнения. "Теперь ведь даже в бухгалтерии и математике нужен известный уклон, а он у меня отсутствует", - иронизировал Чарушин в 1932 году, когда в Москве окончательно застопорилось дальнейшее издание его мемуаров. Деля все лишения с народом, Чарушин полагал, что для него "морально неприемлемо", даже более того "зазорно хлопотать о своем благополучии, когда кругом голодают". А жизнь была трудна. В письмах Чарушина к В.Н. Фигнер и И.И. Попову отражен быт жителей Вятки, отличный от того, как он расписывался в газетных публикациях 20-30-х годов и в сервильноподобострастных опусах позднейших историков-краеведов, исследовавших, как развивался город "в годы строительства экономической базы социализма". Вот лишь некоторые выдержки из этих писем: "наша Вятка переживает тяжелый кризис"; "хлеб теперь в цене и его не всегда можно застать, а цены теперь на все продукты ужасные и с каждым днем становятся выше и выше, так что редкий бюджет может их выдержать"; "все непомерно дорожает и к продуктам подступу нет, не говоря уже о мануфактуре и прочих необходимых в житейском обиходе вещах"; "дороговизна страшит"; "холодно, руки колеют"; "у нас в Вятке, а теперь в Кирове... наплыв покупателей из среды сельского населения, не обеспеченного хлебом" 1. Все-таки Николай Аполлонович выразился довольно мягко, говоря о "необеспеченных хлебом". Более категорично в 1933 году высказывалась о положении в стране жившая в Москве Якимова. В письме к В.Н. Фигнер, обсуждая возможность возвращения на родину из Лондона вдовы С.М. Степняка-Кравчинского, Анна Васильевна выразила при этом сомнение: "Она-то согласится ли поехать в страну людоедов и вымирающего населения, - вот вопрос"².

Из разночинной молодежи Вятки пореформенных годов вышло много учителей, агрономов, земских деятелей, экономистов, публицистов. Среди них оказывались и бывшие участники кружка "чайковцев". "Организованный по типу совершенно противоположному нечаевской организации, - оценивал его

¹ Выдержки из писем Н.А. Чарушина В.Н. Фигнер и И.И. Попову. - Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 817; Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 114.

² Письмо А.В. Якимовой В.Н. Фигнер 26 июля 1933 г. - РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 851. Об А.В. Якимовой см.: Сергеев В.Д. А.В. Якимова. Киров, 1970.

Чарушин, - без всяких уставов и статусов и иных формальностей, он покоился исключительно лишь на сродстве настроений и взглядов по основным вопросам, высоте и твердости моральных принципов и искренней преданности делу народа, из чего, как естественное следствие, вытекали взаимное доверие, уважение и искренняя привязанность друг к другу".

На закате жизненного пути "старики", прошедшие тюрьму и каторгу, освободительного искушенные горьким опытом движения, отлично сознававшие опасность раковых метастаз "нечаевщины" и исходящего из нее "генеральства", стали свидетелями реализации стране рецидивов В "нечаевщины", по гораздо более масштабным и чудовищным рецептам. Приходилось "старикам" и непосредственно на себе испытывать жуткий норов системы "казарменного социализма".

Не может не впечатлить описанный Чарушиным шестичасовой обыск в его квартире сотрудниками НКВД в ноябре 1930 года: "В мою однообразную и тихую жизнь вклинился совершенно непредвиденный эпизод. На днях на мою квартиру был сделан неожиданный налет. Но продолжительный и тщательный осмотр моей корреспонденции, рукописей, заметок и всего прочего не дал абсолютно ничего. Я склонен думать, что обстоятельное знакомство с моими письмами не могло не вызвать некоторого конфуза и стыда за сделанный налет у самих обследователей, которые, кстати сказать, все время были корректны и вежливы. Измаяли же они нас своим шестичасовым визитом изрядно. Что за причина этого налета - решительно не знаю и отказываюсь понять" 1. Какие силы могли поддерживать старых народников в это трагическое время? Николай Аполлонович отвечал так: "Время, дело, да собственное мужество".

В бурных столкновениях мнений и споров сегодняшнего дня, в распаленных и часто не обремененных знанием истории умах порой возникают опрометчивые суждения, согласно которым во всех неурядицах и бедах России, революционных брожениях, перерастающих в губительные бури, виновата интеллигенция, якобы взрастившая и выпустившая на волю джинна великих потрясений, выпавших на долю нашего многострадального народа...

Вот как размышлял И.А. Гончаров о персонаже романа "Обрыв" "нигилисте" Волохове: "Меня крайне удивляло, как молодое поколение могло принять Волохова на свой счет, кроме разве самих Волоховых!.. Волохов – будто бы новое поколение!.. Но в жизни, рядом с правдой, к несчастью, гнездится и ложь; и представителем этой новой лжи являются Волоховы!.. Волохов – не социалист, не доктринер, не демократ. Он радикал и кандидат в демагоги: он с почвы праздной теории безусловного отрицания готов перейти к действию – и перешел бы, если б у нас могла демагогия выразиться ярче и

¹ Письмо Н.А. Чарушина И.И. Попову 22 сентября 1930 г. – РГАЛИ. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 114.

перейти к действию, то есть если бы у нас была возможна широкая пропаганда коммунизма, интернациональная подземная работа и т.п." ¹.

Можно вспомнить и высказывания Ф.М. Достоевского о приходе молодежи в революционное движение под влиянием идеологов: "Без сомнения, лишь "настеганное стадо"... без сомнения, тут дурь, злостная и безнравственная, обезьянья подражательность с чужого голоса, но все же их могли собрать, лишь уверив, что они собраны во имя чего-то высшего и прекрасного, во имя какого-то удивительного самопожертвования, для величайших целей".

Ивана Бунина трудно заподозрить в симпатиях к разночинцам-демократам. Его Арсеньев, по сути сам писатель, "истинно страдал при этих вечных цитатах из Щедрина об Иудушках, о городе Глупове и градоначальниках, въезжающих в него на белом коне, зубы стискивал, видя на стене чуть не каждой знакомой квартиры Чернышевского или... Белинского, приподнимающегося со своего смертного ложа навстречу показавшимся в дверях его кабинета жандармам". Сами народники в изображении Бунина "все были достаточно узки. прямолинейны, нетерпимы, исповедовали нечто достаточно несложное: люди – это только мы, да всякие "униженные и оскорбленные"; все злое – направо, все доброе – налево; все светлое в народе, в его "устоях и чаяниях"; все беды – в образе правления и дурных правителях (которые почитались даже за какое-то особое племя); все спасение – в перевороте, в конституции или республике..." Тем не менее в записях, представлявших собой заготовки ко второй части "Жизни Арсеньева" Бунин замечал: "Народничество влияло на все – на литературу, науку, жизнь. Народничество жило верой, что Россия войдет в светлое царство социализма. Народничество было проникнуто истинным религиозным пафосом" 2.

В.О. Ключевский справедливо утверждал, что интеллигенция "не создает жизни и даже не направляет ее... Интеллигент — диагност и даже не лекарь народа" ³. Это об интеллигенции. Но каков же он сам — "народ-богоносец"? Не способен ошибаться? Ведь во многом история обязана именно его выбору. До сих пор не решен извечный вопрос "Кто виноват?"

Сейчас, к сожалению, понятие "интеллигенция" современные маргиналы смешивают с крикунами, с политиканами-"образованцами", но не с рядовыми учителями, врачами, инженерами, которым так же нелегко живется, как и всему народу. Но именно о рядовой интеллигенции, об этих "скромных деятелях", а не о "шальных шавках", которых хватает в избытке и в наши дни, писал некогда А.П. Чехов: "Интеллигенция работает шибко, не щадя живота своего, я вижу ее каждый день и умиляюсь..."

¹ Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда // Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 8. М., 1980. С. 127, 128.

² Бунин И.А. <Записи> – Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. М., 1967. С. 362-363.

³ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 374.

Василий Шукшин понимал, что *настоящие нигилисты* ревностно и бескорыстно служили народу: "Приходит на память одно... старомодное слово – "подвижничество". Я знаю, "проходил" в институте, что "хождение в народ" – это не самый верный путь русской интеллигенции в борьбе за свободу, за духовное раскрепощение великого народа. Но как красив, добр и великодушен был человек, который почувствовал в себе неодолимое желание пойти и самому помочь людям, братьям. И бросал все и шел". Прав ли Шукшин?

А выражение "шальные шавки" — из высказывания Н.С. Лескова: "Разве каждая гадина, набравшаяся наглости и потерявшая стыд, — нигилисты?.. Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами".

 $^{^1}$ Лесков Н.С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе "Что делать?" – Собр. соч. в 11 тт. Т. 10. М., 1958. С. 21.

ОГЛАВЛЕНИЕ

"Выросши среди народа, я знал все его нужды"	3
Происхождение. Учеба	21
"Часто приходилось слышать о ссыльных"	35
"К животворящему свету знания"	51
"Общественные вопросы на первом плане"	59
Умеренные и "нетерпеливцы"	71
"К книгам мы неравнодушны"	87
"Откуда набирались сил эти идеалисты?"	100
Пропагандисты в народе	118
Жизненные итоги	141

Лицензия ИД № 00668 от 05. 11. 2000 г.

Кировский филиал

Московского гуманитарно-экономического института.

Усл. печ. п.л. 9. Тираж 250 экз.

610000 Киров, Октябрьский пр., 120.

E-mail: mqei. kirov. ru

Отпечатано в типографии Кировского филиала МГЭИ. 610001, г. Киров, Октябрьский пр., 120.